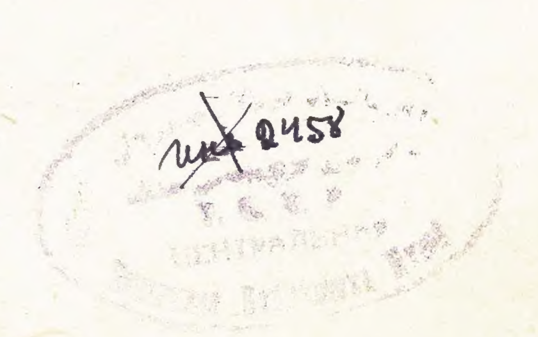
آذربایجانی تدقیق و تتبع ایدن جمعیتک
اخبــاری

نومرو ۱

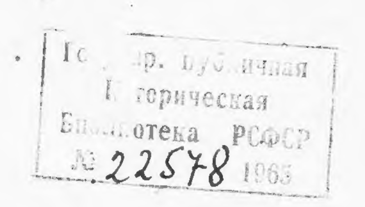
ИЗВЕСТИЯ
ОБЩЕСТВА ОБСЛЕДОВАНИЯ и ИЗУЧЕНИЯ
АЗЕРБАЙДЖАНА
№ 1.

Bulletins de la Société Scientifique d'Exploration et d'Etude d'Azerbaidjan.

ИЗДАНИЕ
Об-ва Обследования и Изучения
АЗЕРБАЙДЖАНА.
Баку. 1925 باکو

ПЕЧАТАНО
в типографии
Кооп. Изд-ства
„Бакинский Рабочий".

Азлит 3688. Зак. № 359. Тираж 2000.

К № 1 „Известий О-ва Обследования и Изучения Азербайджана“.

Обследование и изучение Азербайджана имеет не только научное, но и огромное практическое значение, тем более, что наше строительство требует большего внимания к всестороннему обхвату действительности.

В области языковедения—изучение народных говоров тюркского языка может дать языковую базу для терминологических работ; вместе с тем, этнографические, географические и даже исторические исследования не могут не иметь практических результатов.

Вот почему мы считаем существование О-ва Обследования и Изучения Азербайджана и каждый этап его деятельности крупным событием в истории развития нашей Республики. Но оно же и доказывает, что Азербайджан настолько сильно продвинулся вперед от былой культурной парализованности и затхлости исламизма по пути к возрождению, что явилась потребность иметь в Азербайджане уже свое научное Общество, быть участником мировой научной деятельности, без чего ни один народ не вправе считать свою миссию исторической.

Правильную линию высшего национального развития можно определить лишь путем поднятия на должную высоту научных исследований.

Азербайджан лишь недавно, силой великой пролетарской русской революции, освободился от величайшего гнета самодержавия, подавлявшего всякое проявление национальной культуры. Ее восстановление возможно лишь при условии безусловного разрыва с азиатчиной, при повороте лицом к революции, к победоносному шествию все обновляющего рабочего класса, класса, являющегося верным союзником науки.

И мы нисколько не сомневаемся, что все начинания О-ва Обследования и Изучения Азербайджана встретят самый горячий прием у рабочих и крестьян нашей дорогой Республики.

К числу самых крупных начинаний О-ва нужно отнести издание своего органа „Известий“. Уже с № 1 видно его огромное культурное значение для Азербайджана... Азербайджанские тюрки и нацменшинства впервые получат возможность заглянуть в свое прошлое и настоящее, чтобы лучше ориентироваться в окружающей обстановке.

И нет сомнения, что, при поддержке как правительства, так и рабочих и крестьян АССР, а также и научных организаций СССР, эти начинания, развившись, сыграют колоссальную роль в нашем новом строительстве, сослужат глубоко-полезную службу!..

К сожалению, я сейчас не могу войти в оценку первых статей „Известий“, но уже одни заголовки и имена сами за себя говорят.

С особенным удовольствием отмечаю появление у нас этой первой ласточки, и уверен,—за нею последуют многие другие!.. Приветствую это новое наше огромное культурное завоевание!...

Агамали-Оглы.

Баку

4/XII 1925 г.

Проф. И. И. МЕЩАНИНОВ.

До-исторический Азербайджан и урартская культура.

(Доклад, читанный на торжественном заседании
по случаю 2-летия О-ва 8/XI 1925 г.)

Двуречье Закавказья, Кура и Аракс, по меткому выражению одного из историков Азербайджана, во многом напоминает южное двуречье Передней Азии, Тигр и Евфрат. Но напоминание это не ограничивается одним только сходством географического положения обоих двуречий, сливающихся воедино для впадения в море и обхватывающих средним своим течением местности весьма плодородные, при условии удачного их орошения. Сходство обоих двуречий должно быть отмечено и в том громадном научном интересе, который оба они и прилегающие к ним районы вызывают своими памятниками далекого доисторического прошлого. Но тогда как Тигр и Евфрат давно привлекли к себе внимание западных ученых и месопотамский мир исследовался и интенсивно, особенно в последние годы, продолжает изучаться, двуречье Закавказья видело у себя только несколько иностранных и несколько русских ученых, оно было лишь начато обследованием и нуждается в продолжении такого обследования. Впрочем, не само двуречье Закавказья виновато в том, что ему незаслуженно мало уделялось места в научной литературе, и что этот перешеек, соединяющий великий Восток с Европою, эта верхушка древнего Передне-азиатского мира мало обогатила музеи памятниками своего далекого культурного прошлого, тогда как южная часть того же Передне-азиатского мира, Месопотамия, хорошо представлена своими коллекциями чуть ли не во всех виднейших музеях земного шара.

Теперь, когда налаживается научная работа на местах, когда вырабатывается кадр молодых научных сил, подготовляемых Университетами из среды лиц, живо интересующихся судьбами своего родного края, двуречье Закавказья сможет, надеюсь, облегченно вздохнуть, так как оно не без основания может расчитывать, что и на долю его до-исторического прошлого достанется кое-что из нового притока научных тружеников, обрекающих себя на сложную, но интереснейшую работу по изучению прошлого своей страны. И они, эти новые силы, помогут активным рядам археологов усилить интенсивность труда и пролить свет на отдаленные этапы культурной жизни края.

Но всякий начинающий до-историк, как и всякий серьезный в своей области работник, требует доказательств в подтверждение того, что труд его не пропадет даром. Для такого доказательства не достаточно одних

только случайно раскопанных могильников, требуется и знакомство с историческими свидетельствами, подымающими темную завесу прошлого, в особенности с теми, которые стоят на самой грани до-истории и с которых начинаются исторически известные судьбы страны. В числе таковых источников, в первую очередь, становятся клинописные тексты древнего Вана, т. е. того государства, которому ассирийцы присвоили наименование Урарту, и которое в ученой литературе последних годов, по инициативе немецких ученых Белька и Леманн-Хаупта, называется халдским.

Народ халды-урарту, конечно, не аборигены Закавказья и, во всяком случае, не аборигены Азербайджана. Центр их политического господства был по ту сторону Арарата и подымались они на север далеко не с мирными намерениями. Они вступали сюда с оружием в руках, и если целью их походов было поднятие экономического благосостояния страны, то вовсе не той, в которую они вторгались. Халдское войско, в буквальном смысле слова, покоряло завоевываемые страны огнем и мечем. Сам древне-Ванский царь достаточно образно описывает результаты своих походов, говоря: страну покорил я, дворцы сжег я, селения обратил в пепел, область совершенно разрушил, население погнал в Биайну, то есть к себе в Ван. Впрочем, как бы ни была жестока завоевательная политика халдских-урартских правителей, все же оставленные ими клинописные памятники представляют для нас громадный интерес. По ним мы можем проследить движение халдских завоевательных волн, и так как тексты эти пестрят названиями покоряемых стран, народов и городов, то мы с большею или меньшею точностью можем приурочить эти названия к ныне существующим географическим пунктам. Таким путем пред нами вырисовывается карта Закавказья за много веков до начала нашей эры, и это будет карта стран и городов, уже существовавших в VIII-VII веках до Р. Х., то есть уже бывших налицо к моменту прихода халдов-урарту. Вот здесь мы и стоим на грани до-истории, так как халды не основывали эти города и страны, а воевали с ними, как с уже сформировавшимися государственными единицами, следовательно, жившими самостоятельною культурною жизнью, и притом жизнью хорошо развитою. Здесь были дворцы, храмы, обилие населенных пунктов, большое количественно население, отсюда уводилась иногда весьма богатая добыча. Во всяком случае, халдский царь не проникал бы сюда, если бы здесь не была развитая экономическая жизнь. Ему не к чему было ходить в пустыню и не зачем было с таким упорством отстаивать свои права на край, население которого было бы не культурно и бедно, богатств же в недрах земли халды не искали, по крайней мере об этом мало говорится в письменных их памятниках.

И в этом своем наступательном движении на север халды не ограничивались одним только районом нынешней Армении. Правда, по сохранившимся клинописным текстам, центр внимания их сосредоточивался на озере Гökче, именно на тех странах, которые занимали местности от этого озера на запад до Арпа-чая и через него до Карса-чая. Здесь, судя по тем же клинописным текстам, было много мелких, вероятно, феодаль-

ных центров, и карта Закавказья этого района пестрит большим количеством названий, производя впечатление главного пункта завоевательного натиска халдского правительства. Но не обманчиво ли это впечатление, производимое случайным фактом нахождения тут сравнительно большого количества надписей на местах нынешней территории Армении? Местные надписи, конечно, являются живым свидетелем присутствия здесь халда, воздвигшего своею рукою надпись, и факт ее нахождения на определенном месте всецело подтверждает исторический факт наличия в тот или иной момент халдского войска именно в этом пункте. Но есть ли у нас уверенность в том, что мы знаем все халдские местные надписи? Конечно, такой уверенности у нас совершенно не имеется, и невольно приходит на мысль, что Армении в теперешних ее пределах просто посчастливилось, так как, по каким-то причинам, именно она привлекла к себе внимание ученых, тогда как местности на запад и восток от нее остались до известной степени обойденными исследовательскою работою, и поисков в них таких же местных клинописных текстов почти не производилось. Отсюда, естественно, вовсе не следует вывод, что таких надписей налицо не имеется. В этом заключается печальная сторона закавказского края, в частности и Азербайджана, но в этом же заключается и тот повышенный, исключительный интерес, который представляет собою сейчас работа в указанном направлении, так как вся халдская-урартская клинопись учтена, и новое обнаружение урартских памятников является открытием в научном мире, и открытием, в буквальном смысле слова, мирового значения. Например, обнаружение халдской клинописной надписи в районе Азербайджана потребует срочного, немедленного опубликования. Это, своего рода, событие в науке, дающее исходный пункт для прослеживания халдского движения на восток к Каспийскому морю.

И вот именно тут усилия молодых местных работников могут оказаться неоцененными, так как только знающие местность могут дать те сведения, по которым обнаруживаются эти надписи и другие остатки так называемой урартской культуры. И если до сих пор мы не видели попыток их в этом направлении, то, во всяком случае, не их должны мы винить в слабой интенсивности научной работы. Всякий работник должен знать то, что он ищет, и тот интерес, который вызывает его искание. Он должен быть осведомлен о характере памятника и об его научном значении. Как же можем мы настаивать на том, чтобы рассеянные по различным городам местные научные силы указали бы нам урартские сооружения в пределах обширной области Азербайджана, если они совершенно не были ознакомлены с этого рода памятниками и имеют весьма слабое представление о клинописи и даже о самой истории древнего Вана? Между тем, урартская эпоха представляет собою определенную культурную эпоху всего Закавказья, не исключая и Азербайджана, эпоху, которой соответствовала местная культурная жизнь с местными интересами и достижениями, и которая в своих пережитках не могла не отразиться в позднейших этапах культурной жизни края. Знакомясь с урартским периодом, мы смо-

жем, с одной стороны, уйти дальше в до-историю, а с другой—познать многие темные стороны в искусстве позднейших периодов, хотя бы на живом теперь вопросе о хеттской подоснове в культуротворчестве Закавказья.

Познание своего края в его далеком прошлом является насущнейшим заданием, и мне незачем доказывать далее научным работникам Азербайджана на необходимость учета в этой работе и халдских-урартских древностей. Незачем, хотя бы потому, что и без того изданные за последние годы исторические очерки Азербайджана начинаются именно с халдо-урартского периода. Мне остается только выразить чувство глубокого удовлетворения, охватившего меня, когда я убедился по приезде в Баку, что не только ученые деятели Азербайджана, но и представители учащегося поколения требуют ознакомления с научными достижениями последних годов в области халдоведения, и что цель моего, к сожалению, кратковременного, пребывания здесь в полной мере оправдалась, давая даже уверенность в возможности организации работ на местах по прослеживанию памятников урартского периода, а через них и памятников доисторического прошлого страны.

К сожалению, авторы клинописных памятников древнего Вана-Биайны не преследовали задачи дать хотя бы небольшие сведения о расселении племен в бассейнах Аракса и Куры. Они преследовали совсем иные цели, цели восхваления себя за достигнутые ими результаты в своих военных и строительных заданиях, и потому карта древнего междуречья вырисовывается крайне слабо и пока только отдельными набросками. В этом отношении труд исследователя очень кропотлив. Длительною и упорною работою, главным образом М. В. Никольского, установлены с возможною точностью страны, расположенные в пределах бывшей Эриванской губернии, и то лишь перечень их с приурочением к определенным местам Алагёзского окружения. Но было ли здесь одно племя в историческом уже его облике, или же смешение мелких племенных образований, это уяснить по данным урартского исторического материала пока не удалось и к выполнению задания такого рода еще не приступлено, хотя работа эта вовсе небесплодная. При содействии палеонтологии, анализом передаваемых нам халдами топонимических названий удастся перешагнуть и через это препятствие, удастся со временем даже поставить на очередь вопрос о взаимоотношениях и связях между народами во всем об'еме Закавказья. И здесь, во всяком случае, не менее, чем в других задачах, потребуется привлечение местных специалистов, которые бы у себя, например, в Азербайджане, проследили древние и новые названия населенных пунктов и собирали материал для такой же сличительной работы над топонимикою, даваемою халдскими клинописными источниками.

Идя пока только ощупью, мы все же чувствуем какую-то общую культурную подоснову в гораздо большем пространстве, чем пределы нынешней Армении, случайно в этом отношении изученной лучше, чем дру-

гие соседящие области. Все Закавказье в своем до-историческом прошлом, доходя до халдо-урартской эпохи, взамно дополняет себя сведениями, получаемыми из различных мест, чуть ли не от Черного до Каспийского моря, и, в частности, озеро Гокча едва ли было тем пограничным пунктом, который делил мир кавказского междуречья на явно противуположные и обособленные культурные центры, по крайней мере, хотя бы на одном примере, так называемых Арагацских кромлехов, связываются такие сейчас отдаленные друг от друга местности, как район Карса, южные склоны Арарата и Нухинский уезд Азербайджана. И, конечно, их соединял не Алагёз-Арагац со своими «мегалитами»; Армения сама была только одним из районов общего проявления сходных начал культуротворчества гораздо большего масштаба, и заслуга не ее, а ее научных работников в том, что эта культура в настоящее время связана с территориею Алагёзского района, хотя и связана случайно, только под'емом научного интереса в Эриванских ученых кругах, тогда как сходные памятники соседящих местностей еще не пробудили к себе внимания археологов. Очередь за ними.

Довольно детально разработанная карта нынешней Армении дает определенную картину густо заселенного края времен халдского владычества. Удается даже установить взаимоотношения отдельных феодальных владений. Так, среди них выделяются по своему значению четыре более крупных государственных образований, по всей видимости включавших в себя и указанные мелкие феодальные земли. Чаще других упоминается Этиуни, вероятно, занимавшая области от Арпа-чая до берегов Севангского озера, где расположилось об'единение четырех приозерных стран Цуиниа. Этиуни еще во время халдского владычества представляло собою сильное государство и о ней неоднократно упоминается даже в больших летописных текстах Аргишти и Сардура, вообще избегавших упоминания мелких стран в своих анналах. Выше Этиуни, на северных склонах Алагёза (Арагаца), лежали страны Эрах и Абилианих, страны, как и Этиуни, весьма непокорные, и халдские цари неоднократно и длительно воевали с ними. Но что же представляло собою это до-армянское население нынешней Армении? Постановка такого вопроса является весьма существенною, так как им определяется среда древнейшего исторически известного насельника Закавказья, судя по своему названию, не семита и не индо-европейца. Ответ на него могут дать археологические памятники, но эти памятники далеко не всегда достаточны для выяснения всех сторон изучаемого вопроса и не всегда точно приурочиваются той или иной племенной среде. Других же данных в районе Армении мы не имеем, зато мы имеем их совсем в другом месте и не в виде одних только памятников материальной культуры.

При беглом взгляде на халдские клинописные материалы кажется, что мы в вопросе об этиунах вращаемся в узких рамках Гокчи и Арпа-чая, и что исторический очерк в этой части представляет исключительно местный армянский интерес. Но это совершенно не верно. Во-первых, мы

должны учесть все доступные изучению государственные образования Закавказья, и никаких исторически замкнутых областей в этом случае нет, во-вторых, с вопросом об этиунах мы переносимся именно за пределы Армении и попадаем как раз в Азербайджан, и притом вовсе не в смежный с пределами бывшей Эриванской губернии. Дело в том, что остатки этиунов, не без основания, усматриваются в нынешних удах (удинах), населявших до самого последнего времени села Варташен и Нидж в Нухинском уезде. Предполагают позднейшее их переселение в этот район, что само по себе ничего невероятного не имеет, но в этом случае мы высказываем только предположение, а предположений можно говорить много. Нужны не они, а проверенный материал, годный для научных построений. Сейчас же мы имеем лишь факт наличия удов не в пределах бывшей Этиуни, и факт этот является сам по себе первостепенно важным. Единственный, несомненно реликтовый остаток древнего и весьма крупного населения Закавказья может быть обследован только в пределах Азербайджана. Здесь уды-этиуны сохранились со своими характерными чертами и со своею речью, может быть и искаженною длительною жизнью, но в основе своей весьма и весьма старою. Если мы хотим получить представление о древнейших насельниках края, то можем кое-что в этом направлении собрать как раз тут, в Нухинском уезде Азербайджана, притом работою не над одним только безгласным археологическим материалом, но над живою средою. Изучение языка удов, собирание этнографического материала и, конечно, археологические работы в местах нынешнего их поселения смогут дать очень многое и могут до известной степени осветить вопрос о составе населения предшествующего армянскому образованию, уже на половину индо-европейскому.

Вопрос об удах-удинах стоит в настоящее время наиболее остро, так как в связи с событиями последней войны этот реликтовый остаток древнейшего населения Закавказья уже значительно пострадал в своей цельности. Частью выселившись в территорию Грузии, он, оторванный от мест старого поселения в Азербайджане, распылится в массе грузинского народа и окончательно утратит те свои пока еще отличительные особенности, которые выделяют его среди остального населения Нухинского уезда. Между тем, мнение выдающихся ученых, в их числе и академика Н. Я. Марра, продолжает, как уже отмечено мною выше, видеть в удах остаток этиунов, этого древнейшего из зафиксированных историческими источниками народа Закавказья, о котором говорят еще клинописные тексты древнего Вана VIII века до начала нашей эры. И если многие считают трудным согласиться с Галустом Тер-Мкртичаном, считавшим возможным сопоставлять удинский язык с языком урартов-халдов, то все же преждевременен отказ от подступа к этому языку, как пока единственному языку—прямому наследнику речи закавказского населения, современника урартов. Только всесторонний анализ этого языка в руках опытных лингвистов-кавказоведов выяснит его настоящее положение среди других языков Кавказа и его отношение к языку халдов, хотя бы

такой видный специалист, как Дирр, и высказался по этому вопросу, разделив мнение Эркерта о принадлежности удов к числу Кюринцев лезгинской группы. А для научных изысканий в указанном направлении необходимо собрание материала, нужны записи, как лингвистические, так и этнографические, в чем виднейшее участие неминуемо должны принять опять-таки местные работники Азербайджана, но не откладывая собирание означенного материала на дальний срок, а используя пока еще благоприятный момент сохранившегося наличия в Нухинском уезде такого ценнейшего об'екта научного исследования, имеющего в скором времени исчезнуть бесследно. Замечающийся сейчас в Азербайджане под'ем научной энергии дает достаточное основание надеяться, что момент не будет упущен.

Коснувшись вопроса о халдских завоевательных волнах, мы, на основании наличного, опубликованного и исследованного клинописного материала древнего Вана, еще не выходили за пределы бывшей Эриванской губернии, но этими пределами, вне всякого сомнения, не ограничивается ванская завоевательная политика в районе Закавказья. Халдские полчища проникали на север, на запад и на восток. Что халдские войска достигли озера Чалдыра, в этом не может быть сомнения, во всяком случае мы имеем здесь, на южном берегу Чалдырского озера, надпись Сардура у селения Даш-Керпи, но едва ли этим пунктом ограничилось их продвижение на север к Куре, так же, как и стремление их на запад к Черному морю едва ли останавливается местами нахождения самых западных урартских надписей, то есть той же Даш-Керпинской у Чалдырского озера и Сарыкамышской на реке Карса-чае. Равным образом, вне сомнения, что халдские отряды заходили многим дальше в сторону Каспийского моря, чем крайние восточные их надписи у Захалу и Кёланы-Кирланы на южном берегу озера Гöкчи.

Если бы мы взяли за определение границ халдского продвижения по Закавказью только зафиксированные надписями пункты, то мы впали бы в большую ошибку. Прежде всего это совершенно недопустимо потому, что в основу мы взяли бы случайный признак наличия исследованных надписей. Только в том случае, когда мы с уверенностью скажем, что все без исключения халдские клинообразные надписи Закавказья нам известны, мы сможем, и то с большою оговоркою, провести границы несомненному присутствию халдских войск. Но и это будут лишь минимальные границы, так как сама постановка надписи вовсе не обозначала конечного пункта халдского похода, напротив, ею обычно завершаются военные действия, и если таковые были на длительном расстоянии, то в надписи перечисляются покоренные страны иногда даже десятками, сама же надпись воздвигается в одном избранном пункте, может быть и на пути обратного следования. К тому же у нас имеется не только сомнение, но даже глубокое убеждение в том, что и сами местные халдские надписи нам далеко не все известны. Естественно, что при таких условиях мы никаких точных границ устанавливать сейчас не можем. Засим,

халдские цари имели обыкновение в длинных клинописных текстах приводить сводку своим завоевательным достижениям, опуская, конечно, неудачные походы, и такие тексты ставились около самой царской резиденции Тушпы (Вана). В них, в стереотипно построенных фразах, упоминается ряд стран, приурочить которые к определенным географическим пунктам можно только проработкою самих названий и сличением с местными надписями, сам же текст настолько краток и шаблонен, что по нему часто нельзя определить даже направления похода. «К богу Халду я обратился с мольбою, великою к нам милостью покорил он страну (такую-то), царя (такого-то), город (такой-то). Затем, год спустя, направившись в страну (такую-то), страну я покорил, дворцы разрушил, города сжег, область обратил в пепел, население погнал в Биайну. Бог Халд велик, бога Халда милость к нам велика, повержены они (эти страны) пред Сардуром» и т. д. в том же роде. С наличием одного такого текста ничего сделать нельзя. Но если данные этих летописей сопоставить со сведениями местных надписей, то мы получаем известное уточнение. Так, в надписи на юго-восточном берегу Севангского озера говорится о покорении страны Архукини. Следовательно, мы имеем определенное указание на местоположение этой страны, и если она же упоминается в летописных текстах, то мы уже знаем направление похода и другие, тут же перечисляемые, области и города приурачиваем к окружающим районам. Кроме того, целый ряд названий населенных центров приурачивается к определенным пунктам по сопоставлению с названиями местностей, известных нам по другим источникам, например, для Закавказья, по армянским историкам. Но здесь, в этих последних сопоставлениях, мы не должны, конечно, отрываться от порядка перечисляемых стран, каковые халдами упоминаются в последовательном течении похода, особенно же мы не должны увлекаться простым созвучием названий, иначе страны у нас разлетятся веером в разные стороны, как это и случилось в трудах армениста Сандалжиана. При осторожном же обращении, летописные своды являются для нас громадным подспорьем. Но их до нас дошло только два, причем тоже нет уверенности в том, что и они все уловлены наукою.

Трудность разыскания надписей, между прочим, усматривается и из того, что последняя летописная надпись Сардура была в 1916 году найдена экспедициею Русского Археологического Общества как раз в том месте, где раньше работали немецкие ученые, ее не нашедшие и долго не желавшие верить тому, что найдена клинописная стена, притом очень большого размера, именно в том месте, где ими уже производилась археологическая работа. Каждая надпись содержит царское имя и потому сравнительно легко получает свое место в хронологическом порядке. Здесь сомнения и колебания сравнительно редки, сводка же наличных географических названий по опубликованным текстам и фиксирование направлений походов часто делаются условно, кроме тех случаев, когда местные надписи дают более точные указания самым фактом своего на-

хождения в определенном пункте и упоминанием покоренной здесь страны. Все же такая сводка необходима, хотя бы и при том ограниченном материале, какой пока мы имеем в своем распоряжении, необходима, как в целях выяснения карты древнего расселения племен по Биайне и Закавказью, так и в целях указания направления поисков новых надписей.

Если мы остановимся уже на известных, изученных халдских надписях, то пути проникновения халдских полчищ на север в Закавказье и места военных действий представятся в следующем виде: район Эриванской области окажется почти точно обозначенным, о чем уже пришлось говорить и выше, что же касается движения халдов на запад от зафиксированной надписями Чалдыро-Сарыкамышской линии, то здесь открывается богатое поле для всякого рода догадок, и только поиски новых клинописных текстов и прослеживание урартских памятников на местах может внести какую-либо ясность в этот запутанный вопрос и обосновать приурочение страны Вели-Кухи (Вели-Хохи) к Колхиде и, упоминаемого Сандалжианом, Алзира к нынешнему Аджару. Зато многим смелее могут быть наши искания в области прослеживания халдского продвижения в противоположную сторону, именно на восток от Севангского озера. Тут, путем сопоставления трех надписей, мы можем придти к весьма интересным выводам. Хорошим подспорьем в этой работе являются нам две местные надписи у Захалу и Кёланы-Кирланы и большая летописная стена Сардура, найденная в нише Ванской скалы раскопками Русского Археологического Общества 1916 года.

В течении двух царствований второй половины VIII века, в самый расцвет политического могущества халдской Биайны, мы видим, сличая тексты трех указанных надписей, упорное стремление халдских правителей продвинуть границы своих завоевательных замыслов многим восточнее столь часто ими посещаемых областей центрального Закавказья. В этих походах не упоминаются страны нынешней территории Армении и, очевидно, не на них было сосредоточено внимание завоевателей в данный момент. Но именно по этой же причине на означенные повествовательные тексты военных действий и обращается особое внимание Азербайджанского ученого. Действительно, имея достаточные данные, по самому содержанию надписей, усматривать движение халдских войск на восток от озера Гӧкчи с начальным пунктом от юго-восточного его берега, мы, естественно, наиболее заинтересованы в тех сведениях, которые можем извлечь из краткого и сжатого изложения царских повествований. Мы, ведь, уже знаем, что Армения с ее большим числом мелких, вероятно феодальных, владений получила более или менее ясную характеристику по клинописным материалам; каким же вырисовывается пред нами по тем же материалам восточный от Гӧкчи район, т. е. земли нынешнего Азербайджана до упоминаемой в надписях, далекой от Биайны, Албании включительно? В каком виде представляются они по этим древнейшии историческим источникам края, до сего времени еще никем с этой стороны не исследованных?

Описывая свои походы на восток от озера Гöкчи, халдский царь, со свойственным ему тоном жестокого покорителя, перечисляет 20 ограбленных крепостей-замков, 120 захваченных городов, целый ряд взятых селений и богатую добычу людьми и скотом, приведенную им в цифрах с точностью иногда до единицы. В результате походов в течении двух царствований, Сардура и его сына Русы, завоевано 25 областей, местонахождение которых мы должны искать в восточной части закавказского междуречья. Дальнейшая исследовательская работа покажет, насколько прав я в своих заключениях, и в такой работе настоятельно требуется участие местных научных сил, в первую очередь для поисков в районе Азербайджана халдских клинописных памятников, чтобы по тексту их точнее обозначить местоположение отдельных стран, упоминаемых сводными описаниями военных походов, и если все 25 стран приурочатся к пределам Азербайджана, то карта древнейшего исторического его периода получится во всяком случае не менее богатая, чем такая же карта Армении.

Я привожу здесь цифровые данные в подтверждение того, что халдские войска, проникнув в VIII веке в Закавказье, застали тут явно цветущую страну. Если правильны мои предположения, то в районе одного только Азербайджана оказалось более сотни крупных населенных пунктов с большим числом жителей и далеко не плохо поставленных в экономическом отношении. И все это — не создание халдской-урартской культуры, не халды явились в этот край строителями городов и насадителями материального благосостояния. Напротив того, они сами обогатились своим вторжением в неизвестный им доселе край. Своим вторжением они только удостоверили наличие тут развитой культурной жизни, наличие городских поселений, дворцов и храмов. Но если здесь перед нами и не халдские города и области, то все же мы узнаем о них по халдским источникам, и в этом громадная ценность последних, подтверждающая необходимость привлечения к учету и халдского-урартского материала при историко-культурных изысканиях по Азербайджану. Пока, до настоящего времени, они являются древнейшим письменным историческим источником, и пока первенство их в этом отношении не поколеблено. Кроме того, по самому географическому своему положению древне-Ванское (Биайнское) царство халдов-урартов явилось на заре истории, в первом тысячелетии, посредником между всем Закавказьем и великим культурным миром Передней Азии, явилось связующим их звеном. И если мы не знаем, кто играл такую связующую роль до образования на юге от Арарата Биайнского государства, то все же естественно желание наше ближе познакомиться с этим мощным соседом Закавказья, имевшим такое громадное значение в судьбах северных от него стран, к которым тяготели его военные и экономические помыслы, хотя бы только в первой половине первого тысячелетия до начала нашей эры.

Научное изучение Азербайджана вполне, как мне кажется, оправдывает взятую мною на себя задачу вырисовать в кратких чертах его

облик в том виде, как он выступает по доселе известным клинописным текстам Биайны. Некоторым оправданием в этом задании служит не одно только то, что поиски в районе Азербайджана остатков халдской-урартской культуры, и, в частности, их еще далеко не полностью открытых клинописных текстов, представляются вовсе не столь безнадежными. Если халды планомерно проникали на восток к Куре, то они могли оставить здесь и крепостные свои сооружения и описание своих победоносных походов, начертанные на камнях и скалах, еще ускользавших от пытливого взора исследователя. Планомерность же их движения на восток от Севангского озера, особая заинтересованность в этом северо-восточном для них крае, в моих глазах—неопровержимый факт. Действительно, одни лишь перечисленные три надписи рисуют картину, подтверждающую мои преположения: страна Аркукини покоряется Сардуром сыном Аргишти, он ставит надпись близ селения Захалу, он же через Аркукини проходит на восток к целому ряду стран, в числе их к Куха-Албани, о чем повествует в своей летописной стеле. Движение на восток продолжает и его сын Руса, покоривший 23 страны, упоминаемые в надписи прибрежной Гӧкчайской скалы между селениями Кёланы-Кирланы и Алучалу. Но не в одном только этом заключается интерес халдского клинописного материала. Его надписями вскрывается структура языка не семитической речи Передней Азии первого тысячелетия до начала нашей эры, не ассирийский язык, а язык родственный, с одной стороны, кавказским, а с другой, архаическому языку Месопотамии—шумерскому и его ближайшему соседу эламскому. Таким образом, потусторонний араратский мир, в языковом отношении, представляется как бы застывшим в горах Наири отголоском далекого прошлого Передней Азии, предшественника выросшей на его почве семитической ассирийской цивилизации, и в то же время он не отрывается от языковой среды значительной части Закавказского двуречья.

Таковы, в общих чертах, древнейшие письменные источники по истории Закавказья и, в частности, Азербайджана. Сведения этих источников должны быть уточнены и пополнены. Необходима исследовательская работа на местах, нужен учет археологических памятников и разбор их для отнесения к тому или иному периоду. С этой стороны Азербайджан представляет богатую почву, еще мало изученную. Застигнутая здесь халдами-урартами в VIII веке до начала нашей эры культурная жизнь не могла не оставить по себе следов, и если в VIII веке она была уже налицо, представленная городами, дворцами и храмами, то начало ее уходит многими веками глубже, но и тут все же мы имеем лишь один из этапов культурной жизни края, и еще неизвестно, те ли страны и племена, которых упоминают древне-Ванские правители в своих клинописных текстах, были первыми насельниками края. Дело доисторической археологии приподнять завесу далекого прошлого страны.

Ноябрь 1925 г.
Баку.

Е. А. Пахомов.

О сословно-поземельном вопросе в Азербайджане.

(Доклад, читанный на засед. Ист.-Этногр.
Секции 28 VII 1925 г.).

В азербайджанском государственном архиве хранится значительное число дел, происходящих частью из бывшего архива кавказского наместника, частью из архива бывшего бакинского губернского правления. Дела эти захватывают время русского владычества, начиная с первой четверти XIX столетия, и некоторые из них содержат чрезвычайно характерные данные по истории местных земельных отношений, в частности—по вопросу о постепенном переходе государственных и общинных земель в руки беков и закреплению этих земель за беками уже в качестве частной собственности.

Корни многих дел заходят еще в XVIII столетие, когда распоряжение земельным фондом находилось почти целиком в руках местных ханов, ставших фактически независимыми от Персии после смерти шаха Надира (1747 г.). Имеется небольшое число дел, в которых давность отношений еще большая, и для доказательства своих прав стороны ссылаются на документы начала XVIII и даже конца XVII века. К сожалению, подлинных ханских документов в архиве очень мало и, в большинстве случаев, приходится довольствоваться или их переводами, сделанными в первой половине XIX столетия, или лишь краткими изложениями их содержания, приложенными к делам в качестве справок.

В настоящем докладе я не намереваюсь дать полное исследование истории земельного вопроса в Азербайджане, а лишь намечаю главнейшие выводы, полученные при просмотре архивных дел.

Как общее правило, рисуется картина уже отчетливо выкристаллизовавшегося в XVIII столетии наследственного бекского слоя, с более или менее определенными правами по отношению к другим социальным группам населения. Источники пополнения бекского слоя очень разнообразны: сюда входят, за время существования независимых ханств, боковые родичи ханских домов, затем—потомки бывших мелких полунезависимых владельцев, несших феодальную службу по отношению, то непосредственно к персидскому правительству, то к более крупным вассалам последнего. Некоторые из подобных бекских родов возводили свою родословную ко временам, на много предшествовавшим периоду образования

ханств, и, опираясь на подвластное население, кое-где сумели и при ханах сохранить, отчасти, свою самостоятельность. В некоторых случаях сами ханы выходили из среды этих старинных родов. Затем, беками становились наследственные вожди тех тюркских племен, или, вернее, кланов, которые так охотно переселялись сефевидскими шахами в Закавказье, ние начиная с XVI столетия.

Другим способом проникновения в бекскую среду было не происхождение, а личная служба при шахском, наместническом, позже—при ханском дворе, а в XIX столетии—даже при русских комендантах. Во всех этих случаях бекское звание не давалось, как определенное достоинство, как это делалось в Европе при возведении данного лица в дворянство, а являлось результатом получения в управление того или иного населенного района, от селения до целого округа, причем, почти всегда ,это управление становилось наследственным.

Несмотря на все эти различия в происхождении бекских родов, они, как упомянуто выше, сливались в довольно однородный слой, отгораживавший правительственную власть от крестьянства. Из него выходили всевозможные степени чиновничества, служба которого вознаграждалась чаще не денежным жалованием, в предоставлением в пользование, то части доходов, то селений, жители которых несли в пользу беков строго-определенные в каждом случае натуральные повинности. Иногда беки получали часть доходов, полагавшихся хану.

Помимо службы в качестве шахских и ханских чиновников, беки служили ханам и в качестве органов для осуществления власти, как правительственной, так и хозяйственно-помещичьей (государственное хозяйство и казна не отделялись в ханствах от частных ханских). Говоря об этой роли беков отдельно от их службы, как чиновников, я хочу указать на следующую разницу: в качестве служилого, бек мог выполнять обязанности, нисколько не связывающие его с селением, данным ему в виде жалования. Например, заведуя сбором платы за соль или нефть, он мог получать за это не только часть этих сборов, но и доходы с селений, предоставленных ему ханом иногда очень далеко от места службы его, подобно русским помещикам XVI—XVII веков, посылавшимся на службу в городовые гарнизоны далеко от своих поместий. В этих условиях бек является только служилым, чиновником. Во втором случае его обязанности более приближаются к феодальным, к отношениям вассала к сюзерену: хан, не имея возможности управлять подвластным населением лично или через чиновников на жаловании, передавал управление одним или несколькими селениями беку, предоставляя ему часть своих судебных и административных прав и требуя от него отбывания военной службы, уплаты определенной дани и установленных обычаем подношений. В таких же отношениях к хану находились представители старинных родов, правившие своими владениями наследетвенно: в их дела ханы вмешивались только при возникновении споров о наследстве, становясь на сторону того или иного претендента и утверждая его в правах.

Конечно, не всегда возможно точно разграничить эти два вида бекского управления населением, но, во всяком случае, ни тут, ни там не было речи о владении землею на праве собственности. Даже родовые султаны и др. полунезависимые владельцы, подвластные ханам, были не владельцами земли, а главами жившего в их районах населения. Сообразно этому, в ханских грамотах, утверждающих за беком то или иное населенное имение, почти никогда не указываются границы земли, в противоположность тому, что мы привыкли видеть в старинных русских поместных документах. Не указывается также и количество отдаваемой земли, а обозначается только название отдаваемых селений, иногда с отметкой следуемых в пользу бека повинностей. Смысл этого был ясен: играла роль не земля, а управление населением и получение дохода с него. Эта форма документов была настолько общепринята, что впоследствии, уже при русском владычестве, местные эксперты из бывших ханских чиновников, обсуждая вопрос о подлинности представленных ханских документов, об'являли подложными те, в которых давалось описание земельных границ, говоря, что при ханах этого не делалось. Даже в купчих на небольшие участки земли в XVIII столетии редко даются точные границы, а чаще указывается площадь или в днях пахания, или в мерах засева.

Обилие свободной земли, позволявшее крестьянину оседать там, где ему было удобно, и отсутствие на рынке рабочих рук, как вольнонаемных, так и крепостных (число рабов было очень ограничено, так же, как и тех крестьянских групп, которые, как речбары, были обязаны обрабатывать бекскую или ханскую землю), лишало значения для беков в XVIII веке владения собственно землею, ценности поэтому не представлявшей, и главным для них было получение уже готовых продуктов крестьянского труда. Собственное помещичье хозяйство было развито слабо и стало развиваться уже при усилении русского влияния.

Крестьяне, за небольшими исключениями, в массе были лично свободны, и обычаи ограждали их право перехода на другие земли вплоть до прихода русских, при которых это право значительно сокращается, а кое-где и окончательно уничтожается. Крестьянская масса была далеко не однородна: в нее вливались различные социальные и даже этнические группы, которые вплоть до XIX века сохраняли следы различия в своем происхождении. Так, некоторые являлись в качестве воинов и оседали вместе со своими предводителями-беками, сохраняя свою военную организацию, другие приходили для обработки земель, принимая на себя обязанность отдачи части урожая хану или беку, третьи попадали сюда в качестве военнопленных или купленных рабов и т. д. Сообразно этому, крестьяне делились по происхождению и землепользованию на группы или слои (маафы—несшие только военную службу, речбары—обрабатывавшие бекские земли и т. д.), состоявшие в различных отношениях к бекам. Их повинности, хотя и варьировались по районам и ханствам, но всегда были ясны обоим сторонам, и нарушение их прав вызывало отпор.

Что касается земли, то, как во всех гористых местностях, в Азер-

байджане ее качества чрезвычайно различны. К этому присоединялся очень серьезный вопрос об орошении, так как в некоторых местностях только орошаемые земли могли быть обрабатываемы. В результате, почти каждый участок земли, по своим хозяйственно-экономическим особенностям, являлся здесь величиною до некоторой степени индивидуализированной, несходной с соседними. Естественно поэтому проявилось стремление индивидуализировать также и все виды дохода, приурочивая их не к той или иной площади земли, а к определенному участку.

В результате можно заметить две системы повинностей: одну, связанную с землей и отбываемую только в силу пользования определенным участком, причем с переменою пользователя на нового пользователя переходят и повинности, и другую, имеющую отношение к принадлежности данной крестьянской семьи к той или иной группе по происхождению. Эти две системы перекрещивались и давали множество различных хозяйственно-экономических комбинаций, в которых русские администраторы начала XIX столетия никак не могли разобраться и делали неправильный вывод, что все дело заключалось в ханском произволе, тогда как ханские грамоты, в сущности, только санкционируют установленные исторически обычаем повинности, хотя и делают это в форме пожалования или оказания милости.

Конечно, нельзя отрицать существования отдельных случаев произвола со стороны как влиятельных беков, так и ханов, особенно в последние года существования ханств, когда прежние экономические отношения стали значительно переменяться и когда, кроме того, с ознакомлением с русскими порядками, в сознание правящих групп, повидимому, стала проникать идея абсолютной государственной власти, не сдерживаемой ни народными обычаями, ни духовной властью, идея о том, что воля самодержавного правителя является единственным источником закона.

Таково, приблизительно, было отношение населения к земельному вопросу во второй половине XVIII века. Земля вся была государственной, имела значение лишь тогда, когда была населенной, распределялась по правилам, основанным частью на обычае, частью на шариате, причем распределителем земельного фонда был хан, а посредником между ним и крестьянством был слой бекский, лично безземельный.

Положение стало меняться лишь к концу XVIII века, вероятно под влиянием прироста населения и начавшегося ощущаться малоземелья: к этому времени мы встречаем уже случаи покупки селений, но покупка чаще всего облекается в форму «подарка» или «обмена», причем продавец оговаривает в купчей, что «взамен получил равноценный подарок», но не указывает—что именно.

По введении русского управления, под влиянием новых условий быта, земля получает постепенно самостоятельную ценность, и вместе с тем начинается оживленная борьба между крестьянством и беками, сначала за право пользования землею, а затем и за право собственности на нее. Русские власти долго не могли стать на определенную точку зрения, и их

распоряжения носят чрезвычайно противоречивый характер. Громадное значение имела личность провинциального коменданта и его знакомство с краем. Замечу, что, по уничтожении ханств ганджинского, бакинского, кубинского, шекинского, шемахинского и карабахского, эти ханства были обращены в «провинции» с русским комендантом во главе. Только в талышинском, наряду с комендантом, было образовано коллегиальное «временное правление». Коменданты в глазах населения заменили ханов, да и фактически, при тогдашней неопределенности административных отношений, комендант действительно правил почти, как хан, выдавая такие же «талаги» на управление селениями, как это делалось и при ханах. Только с двадцатых годов распоряжения комендантов стали больше, чем раньше, подвергаться контролю главнокомандующих, но, в общем, комендантское управление сохранилось до 1840 г., и как-раз в начале сороковых годов русское правительство стало проводить определенный взгляд на беков, как на помещиков, а на крестьян, как на арендаторов помещичьих и казенных земель.

Характерный пример «огораживания земель» и выделения бекского имения из общинных угодий дает дело, хранящееся в фонде каспийской палаты государственных имуществ, под временным № 198. Оно состоит из переписки по спору жителей селений Маштаги и Нардаран с местными беками на право владения участком земли длиною до 4 и шириною до $1^1/_2$ версты, т. е., около 600 десятин. Ни та, ни другая сторона никаких документов не представила, и дело решалось лишь на основании свидетельских показаний и осмотра построек и садов, принадлежащих спорящим. Среди свидетелей интересны два маштагинца: Гембет-Назар-Али-оглы и Аллаверды-Зейнал-оглы, которым в 1832 г., когда производилось дознание, было 127 и 124 года, и которые заявили, что помнят еще вступление в эту провинцию войск Петра I.

Из показаний этих стариков и других старожилов, передававших рассказы своих отцов и дедов, видно, что вся спорная земля в начале XVIII столетия входила в число владений маштагинской общины, члены которой пользовались теми или иными участками их по своему произволу. Еще при русских, т. е. между 1723 и 1735 г.г., один из богатых маштагинцев, Гамдан, завел там овчарники. Он уже тогда играл роль местного старшины, а после ухода русских, при шахе Надире (1736-1747), выступает уже в роли маштагинского бека. Хотя в деле это прямо не указано, но, судя по тону рассказа, преемник Гамдана по управлению селением Маштаги, Гюль-Мамед-бек, если не был его сыном, то принадлежал, повидимому, к той же семье.

Таким образом, мы присутствуем при возникновении бекского рода, вышедшего из деревенской крестьянской аристократии. Гюль-Мамед-бек также пользуется спорной землей, но тоже еще не выделяясь из общины и не выказывая поползновений присвоить землю на праве собственности. Такой же порядок сохраняется в период существования бакинского ханства (1747-1806), при сыновьях и наследниках Гюль-Мамед-бека: Исмаил-молла-мирзе, Сав-кули, Нури и Мурсакули, считавшихся наследственными

маштагинскими беками, но пользовавшихся земельными угодьями нераздельно с сельчанами, вплоть до последнего из них, Гаджи-Орудж-бека, при котором ханство было уничтожено (1806). После его смерти, уже при русском управлении, ему наследовал, в качестве бека, его старший сын Гаджи Гаджи-Баба-бек, который около 1814 г., с согласия своего младшего брата, Мамед-бека, уступил свои права мужу своей сестры Гаджи-Керим-беку. Большинство маштагинцев и нардаранцев утверждает, что этот переход был результатом захвата со стороны Гаджи-Керим-бека, воспользовавшегося своими связями. Неизвестно, был ли новый бек местного происхождения, но во всяком случае он не препятствовал маштагинцам и нардаранцам пахать землю, разводить сады, бахчи, возводить постройки и т. п. Только с его смертью, его сын и преемник Ахмед-бек резко изменяет свое отношение к делу и начинает домогаться закрепления за собой всей земли, запрещая сельчанам пользоваться ею и требуя арендную плату за их сады и постройки. Это вызвало протест общины, и спор был передан на рассмотрение бакинского городового суда, который в 1835 году хотя и признал право Ахмед-бека, но только на небольшую часть спорных земель, в размере лишь 160 десятин, находившихся в более или менее фактическом его владении. Это решение было утверждено тогдашним главноуправляющим бароном Розеном, который, как и городовой суд, стал на сторону крестьян и, приказом от 17 июля 1835 г., за № 3211, предписал даже относительно крестьянских садов, оказавшихся в границах присужденной беку земли, что «ни уничтожать оных, ни лишать хозяев пользы он (Ахмед-бек) не вправе и не должен иметь по сему никакого влияния на тех хозяев, ибо по делу заключить можно, что земля сия некогда была общественною, но предки его давно уже присвоили оную себе, будучи беками в деревне Маштаги, не воспрещая, впрочем, жителям разводить на ней сады и огороды, коих лишать теперь хозяев было бы несправедливо и крайне для них разорительно».

Несмотря на такое, казалось бы, ясное решение, местная бакинская администрация несколько лет спустя вновь начинает поддерживать домогательства бека и принуждает сельчан платить ему аренду вплоть до 1842 г. Затем жители опять отказываются, а в 1844 г. нардаранцы подают жалобу начальнику каспийской области, и после переписки последнего с каспийской палатой государственных имуществ, все уплаты в пользу бека были прекращены.

В этом деле решение оказалось в пользу крестьян, вследствие, главным образом, хозяйственно-экономических соображений администрации, но нередко бывали случаи, когда бекам удавалось закрепить за собою земли общин, правителями которых они были назначаемы. Характерны в этом отношении об'емистые дела семьи Казаровых, владевших селением Хачмаз, с несколькими другими, и в продолжение полустолетия не оставлявших в покое ни одного местного должностного лица, от участкового начальника до наместника, причем не раз они выигрывали процессы; но дела выходят из пределов бакинского уезда.

Как смотрела русская администрация начала и средины XIX века на право беков управлять селениями, без владения землею, показывает дело того же архивного фонда, под временным № 212.

В 1826 г., приказом бакинского коменданта барона Розена 5-го, селения Ахмедлы, Кишлы, Амирджан, Бильбили и Романы были отданы в управление Мешеди-Мамед-Кули-беку с тем, чтобы никаких доходов с них он не брал, но за то каждое семейство сельчан обязывалось работать на него 3 дня в год, обрабатывая его поле. Таким образом, комендант выдал документ, совершенно аналогичный ханским жалованным грамотам, «талагам». Это было случаем обычным и в делах встречаются даже примеры применения этого термина, в показаниях местных жителей, к подобным комендантским документам.

В конце 1844 г. Мамед-Кули-бек умер, и, донося об этом в каспийскую палату государственных имуществ, 31 января 1845 г., № 488, бакинский уездный начальник сообщает, что сын умершего, Гаджи Али-бек просит передать управление селением ему и что этот Али-бек «хотя никаких услуг правительству не оказал, но поведения хорошего». Следовательно, право управления деревнями рассматривается здесь не как наследственное, а как даваемое по воле правительства и притом с принятием в рассчет заслуг претендента. Позже, в донесении от 23 марта 1845 г., № 1406, тот же уездный начальник Палашковский указывает на большое семейство, оставленное покойным, на исполнительность его сына и вновь ходатайствует о передаче последнему деревень, добавляя: «это даже я нахожу необходимым, дабы не ослабить усердия и преданности беков к правительству». Характерная фраза, содержание которой мы встречаем позже в докладной записке наместника Воронцова (1846 г.), заявившего, что необходимо создать сословие, привязанное благодарностью к правительству и могущее влиять на народную массу.

Ходатайство было удовлетворено наместником. Гаджи Али-бек управлял всеми 5-ю селениями до своей смерти в 1855 г., после чего его братья обратились с прошением о предоставлении управления им. Новый уездный начальник, майор Карпов, в своем донесении от 5 сентября 1855 г., № 2733, пишет по этому поводу, «что настоящие наследники для русского правительства не сделали ничего и, кроме того, во время управления этими деревнями покойного Гаджи-Али-бека, была вечная распря с остальными братьями, чем постоянно утруждали начальство. А потому полагаю оставить им для пропитания деревню Бульбули, где они живут, а остальные взять в казенное управление. Так и было поступлено, и жители отошедших от бека селений зачислены в число казенных крестьян, но селение Бильбили оставлено за братьями Али-бека. Любопытно, что старший из них, Ших-Али-бек, возбуждая ходатайство о предоставлении ему рабочих из отобранных в казну селений, пытается обосновать свои домогательства на наследственности прав, заявляя в прошении 28 апреля 1856 г.: «Селение Бульбули, находившееся в пользовании предков моих, после смерти отца досталось старшему брату

моему Гаджи-Али-беку. Кроме того, были пожалованы бывшим за Кавказом главнокомандующим Ермоловым отцу моему еще 4 селения, а именно—Амирджан, Романы, Кишлы и Ахмедлы, которые также по смерти его перешли к означенному брату...». Однако, эта попытка подменить назначаемость наследственностью потерпела неудачу, тем более, что попутно выяснилось, что часть селен. Романы (Ханчобани) управлялась совершенно другой семьей беков, а именно Селимхановыми.

Приведенные примеры касаются бекских родов или вышедших из крестьянской аристократии на памяти сельчан, как в Маштагах, или получивших селения уже при русском правительстве. Размеры настоящего доклада не позволяют мне приводить дальнейшие выдержки из дел, касающихся бекских родов старинного происхождения, управлявших подвластными селениями издавна, еще до образования ханств. Но если их положение было прочно при ханах, которым приходилось с ним считаться, то при русском управлении, когда из рук этих беков ушла военная сила, они перестали выделяться из среды остальных управителей селений, и в смысле земельных отношений разницы между всеми этими группами беков не заметно.

Что касается хозяйственных форм, то до русского владычества тип бекского хозяйства можно назвать «феодальным» в том смысле, что все нужные продукты доставлялись в готовом виде подвластными крестьянами и от бека даже не зависел выбор продуктов, за отсутствием крепостного права: их состав регулировался обычаем и формою крестьянского хозяйства. Собственное хозяйство бека, ведшееся речбарами и рабами, было незначительно, а нередко и вовсе отсутствовало. Этим и об'ясняется то, что когда в сороковых годах XIX века русское правительство сделало попытку отстранить беков от управления селениями, то оказался громадный процент беков совершенно безземельных, не имевших ни полей, ни садов. В бакинском уезде таких семейств оказалось до полутораста. Только в половине того же столетия бекское хозяйство кое-где начинает принимать характер капиталистически-помещичьего, работающего на наемном труде, почти совершенно миновав промежуточную форму вотчинную, с ее принудительным трудом. То, что вотчинное хозяйство не получило в Азербайджане развития, об'ясняется незначительным числом крепостных крестьянских групп, представлявшихся в до-русское время речбарами и рабами, а при русских—лишь одними речбарами и сродными с ними группами. По отношению же к остальной массе крестьянства крепостного права, в русском смысле слова, не было ни в старое время, ни при русском правительстве, несмотря на некоторые колебания последнего в вопросе о бекско-крестьянских отношениях, и если вплоть до конца XIX и начала XX века кое-где в Азербайджане сохранялись обычаи, казавшиеся остатками вотчинно-крепостного хозяйства, то, на самом деле, их, повидимому, следует считать пережитками более раннего феодального строя. Вообще, история сословно-поземельного вопроса в Азербайджане представляет чрезвычайно любопытные особенности и заслуживает глубокого изучения.

Проф. Б. В. Миллер.

Предварительный отчет о поездке в Талыш летом 1925 г.

(доклад, читанный на заседании Истор.-Этнограф. Секции О-ва 14/IX 1925 г.)

Предпринятая мною этим летом, благодаря любезному содействию Общества Обследования и Изучения Азербайджана, поездка по Талышу, продолжавшаяся, включая мое пребывание в центре его—гор. Ленкоране, —один месяц (10 авг.—10 сент.),—является моим вторичным посещением этого интересного края. В первый раз я в нем побывал 23 года назад в свои студенческие годы, когда, задавшись целью ознакомиться с талышским языком, я провел в Талыше около полутора месяца, причем побывал в южной части края, на низменности до Астары, и предпринял две поезки в горный округ Зуванд, посетив сельские общества Келевез, Люлякеран, Вери, Оранд и Лерик. Результатом тогдашней поездки явилось некоторое количество записей талышского языка,—образцов как разговорной речи, сказок и повестушек и т. п., и т. наз. «махне», [1]) поэтических четверостиший, распеваемых талышской молодежью. Этот материал за долгие истекшие с того времени годы остался мною неиспользованным: мне вскоре затем пришлось уехать на мусульманский зарубежный Восток и жить там многие годы в условиях, не всегда благоприятствовавших научной работе и изданию лингвистических текстов. В 1919 г., когда я работал в Петрограде в кавказской секции академической Комиссии по изучению племенного состава России, возглавлявшейся академиком Н. Я. Марром, мне снова пришлось заняться талышами. Мои беседы с ак. Марром и, отчасти, фактический материал по языку и быту талышей, мною ему тогда сообщенный, направил его внимание на этот интересный народ. Н. Я. Марр в археологических памятниках края, в языке талышей и, вообще, в их материальном и духовном быте старался усмотреть следы их яфетической подпочвы и установить их связь с остальным яфетиче-

[1]) В транскрипции талышских слов я для настоящего отчета пользуюсь обычным русским алфавитом, и потому ни на какую научность она не претендует. Вообще, я прошу иметь ввиду, что данный отчет является именно предварительным, что под рукой у меня не имеется, за немногими исключениями, необходимых книг и справочных изданий, нет сколько-нибудь подробной карты прилегающих к Талышу областей Персии, и что я часто ограничиваюсь только собственными рукописными заметками по Талышскому краю и языку, составлявшимися мною в разное время.

ским миром Кавказа. [1]) Результатом занятий Н. Я-ча явилась его работа о Талыше, изданная в трудах упомянутой комиссии в 1922 г.—Моими заданиями в настоящую поезду по Талышу, к сожалению слишком кратковременную, явилось—освежение моих сведений по языку, проверка уже имеющихся у меня материалов, а главное, запись новых текстов из разных областей фольклора; кроме того, я хотел посетить некоторые интересовавшие меня местности, необследованные мною в отношении языка в мою первую поездку, и выяснить неясный для меня вопрос, не имеется ли в талышском языке поднаречий. Между прочим, на пути в Талыш, в Баку от местных краеведов я узнал о недавно отмеченном в Талышском крае каком-то совершенно неизвестном народце«дережей» (деришей), говорящем, будто бы, на никому непонятном языке. Обследовать этот народец тоже представлялось желательным.

Талыш, как известно, занимающий южную часть Ленкоранского уезда, в географическом отношении делится на три полосы: прибрежную низменную, с крайне влажным климатом, довольно узкую (верст 15—20 в северной части, верст 8—10 к западу от Ленкорана и верст 5 у Астары, на юге), на которой в многочисленных и часто зажиточных селениях живет главная масса талышей, занимающаяся разведением рисовых плантаций (чалтыков),—на гористую-лесистую, в которой в узких долинах многочисленных речек, стекающих с Талышского хребта в Каспий, живет разбросанными усадьбами редкое и сравнительно бедное население,— и на высокогорную сухую полосу, расположенную близь персидской границы, составляющую климатически полную противоположность первым двум полосам, на которой в безлесных горных котловинах население наряду с земледелием (пшеница, ячмень, картофель) занимается и скотоводством, что обуславливает полукочевой образ жизни некоторых групп горцев (напр. орандцев, аларцев).

В настоящую поездку я посетил все три полосы: сперва селения, расположенные на низменности к северу от Ленкорана, выясняя границу талышского и тюркского языков, затем побывал опять в южной части уезда, но на этот раз в непосещенных мною ранее суннитских селениях (большинство талышей—мусульмане-шииты),—и, наконец, проехав через лесную полосу, по двум маршрутам, я опять посетил горный район Зуванд, причем самый крайний пункт, мною достигнутый, было селение Мистан. Как во время раз'ездов, так и в самом Ленкоране мною было записано довольно много текстов, и сейчас собранный мною материал, вместе с прежним, состоит из: 1) нескольких длинных сказок на сюжеты, встречаемые в народных литературах и у других мусульманских народов, 2) нескольких десятков кратких рассказов, анекдотов, повестушек на темы, преимущественно, о глупцах и о женском коварстве,—интересные

[1]) Не будучи сам яфетидологом, я, конечно, везде подхожу к талышам, как к иранцам, и их языку, как к чисто иранскому наречью,—предоставляя впоследствии яфетидологам-специалистам использовать мои материалы, когда они будут напечатаны, с точки зрения своей науки.

по подробностям талышского быта, 3) поговорок, пословиц, 4) рассказов на темы из современной жизни (напр., о засухе этого года, об организации в одном селении комсомольской ячейки, о земледельческих работах, о появлении весной прошлого года тигра в четырех верстах от Ленкорана и т. п.), 5) материалов для грамматики талышского языка и талышско-русского словаря, 6) около сотни четверостиший «махне» и 7) записей пастушеских сюжетов-тем, воспроизводимых наивными мелодиями пастухов-горцев (т. наз. галованов или галышей), играющих на камышевых флейтах (нейля, лейна). Записанные мною «махне» представляют собой форму, излюбленную и в других иранских диалектах и очень распространенную в Персии. Это—четырехстрочные строфы, каждый стих которых состоит из 11 слогов; иногда, впрочем, число слогов в отдельных строках бывает 12 и 13, а иногда не доходит до 11, что, быть может, об'ясняется плохой памятью передатчиков и невольным искажением ими отдельных стихов. Обычно рифма проходит в 1-й, 2-й и 4-й строках, тогда как 3-я ее не имеет, как и в литературных персидских четверостишиях, т. наз. «робаият». Повидимому, эта стихотворная форма восходит к далекой древности,—именно к древнейшей части Авесты, к одной из групп, так наз. «гат». Талышские «махне» принадлежат к любовной поэзии, отличаются большой свежестью и непосредственностью чувства; сравнения и образы отличаются реальностью и заимствуются из окружающих талыша природы и быта. Юноша и девушка воспевают радость свидания, красоту возлюбленной или возлюбленного; говорят о горечи разлуки, муках ревности, измене, бросают вызов клеветникам и сплетникам и т. д. Иногда отношения влюбленных изображаются в диалогической форме. Часто в песнях фигурируют «братец» и «сестрица», связанные глубоким нежным чувством. Записанные мною «темы» пастушеских мелодий также отражают примитивный, близкий к природе быт пастухов-горцев и несложное содержание их повседневной жизни,—например: пастух сидит на камне, играет на флейте, внезапно появляется волк; пастух взывает о помощи к своей верной собаке (банака); или,—пастух бродит со своим стадом овец, вдруг одна из них падает со скалы и ломает себе ногу,—и музыка изображает горестные чувства пастуха; или,—сестра с братом пасут стадо, подкрадывается шахсеван и внезапно похищает девушку; она умоляет похитителя позволить ей сыграть на флейте, играет призыв о помощи к брату, который ее слышит и спасает. Вот еще одна тема: пастух с далеких гор попадает в Ленкоран, город богатый, «с красивыми домами», но ему вспоминаются его родные горы, становится тяжело на сердце, и его флейта изображает его переживания; и т. д.

Остановлюсь теперь вкратце на вопросах о численности талышей и о границах их распространения, как в пределах советского Азербайджана, так и соседней Персии, а также на вопросе о талышах-суннитах.

В пределах АССР талыши занимают южную часть Ленкоранского уезда; с севера они граничат с тюрками, причем граница проходит приблизительно по реке Виляж-чай; но таковой границей эта река является не

на всем своем протяжении, а, главным образом, в среднем течении, тогда как в нижнем ее течении тюркские населения перешли на ее правый берег, доходя до Кумбашинского «мордова» (болота-озера). Западную границу распространения талышей составляет в главных чертах, но не везде, Талышинский хребет, составляющий здесь и государственную границу: в самой западной, вдающейся в Персию, части Ленкоранского уезда талышские населения не доходят до главного хребта, отделяясь от него тюркскими; на юге талышское население вплотную подходит к р. Астара-чаю, государственной границе с Персией. В указанных пределах по довоенной статистике (Кавказ. Календ. 1915 г.), весьма несовершенной, числилось 67.552 чел. в 297 поселениях, без Ленкорана. Новейшие статистические данные о Талыше,—именно перепись АзЦСУ 1921 г., тоже крайне несовершенны. В Ленкоранском уезде было переписано всего 46 сельских обществ, из которых,—в северной, отчасти северо-западной и крайне западной части уезда, в 24 сельских обществах, которых я перечислять не стану, население показано исключительно тюркским (и в небольшем числе—русским); в 4-х сельских обществах талыши составляют незначительное меньшинство (в Болгаринском сел. общ.—4 селения, в Перембельском, Масалинском и Шилавангском—по 1). Но далее к югу талыши идут сплошной массой, а тюрки либо составляют незначительное меньшинство (в Аркеванском сел. общ.—1 сел., в Борадигинском—3, в Кызылаварском—3, в Порнаимском -1, в Шингадуланском—2), или же их вовсе нет. Сплошь талышских сельских обществ—16: Джиль, Арчеван, Путасар, Сютамордов, Герматук, Гирдани, Рво, Рудакенаруд, Тенгеруд, Вери, Зенони, Келевез, Лерик, Мистан, Оранд, Сори. Перепись происходила в год еще не затихшей гражданской войны, и 44 селения остались не переписанными, главным образом на низменности к югу от Ленкорана (сел. общ. Тенгеруд, Путасар, Арчеван); 25 селений отмечены разрушенными, главным образом в горной полосе (сел. общ. Вери, Зенони, Келевез, Лерик, Мистан, Оранд, Порнаим),—и их обитатели, возможно, или совсем не были переписаны, или же оказались в числе жителей тех селений, в которых они укрывались. За этими исключениями, общее число талышей по переписи составляет 66.683. Данные переписи мало заслуживают доверия, как мне пришлось не раз убеждаться. Например, сел. Борадигя показано тюркским, между тем я в нем записывал талышские тексты от мальчиков школьного возраста. Часто селения, лежащие на торных путях, могут с первого взгляда произвести впечатление тюркских: тюркский язык господствует на базарах, и некоторая часть населения, особенно связанная с торговлей, является тюркской,—но сплошь и рядом вы можете встретить талыша, который назовет себя тюрком, а потом окажется, что у себя в доме, в семье, он говорит только по-талышски. Правда, большинство талышей свободно владеют тюркским языком,—но этого нельзя сказать о женщинах, особенно в глухих лесных и горных местностях, не знающих тюркского языка. Имеются до сих пор в глухих углах и целые группы населения, незнакомые с тюркским языком, что мне и подтверждали и ленкоранцы,

видевшие их представителей на своих базарах. Несмотря на преобладающее, как будто, двуязычие, я лично не склонен считать талышей «двуязычным» народом, и нахожу, вообще, такое «двуязычие» психологически трудно допустимым: несомненно, определяющим должен быть язык семьи, язык матери и женской половины населения, воспринимаемый с самого раннего детства. Таковым является талышский, тюркский же—талыш усваивает уже в более позднюю пору своей жизни. При последующих переписях АзЦСУ следовало бы обратить на это серьезное внимание и, во избежание ошибок, относить к талышским селениям все те, в которых языком семьи является талышский. К упомянутой цифре 66.683 следует прибавить несколько тысяч талышского населения Ленкорана, этого естественного центра советского Талыша, распространяющегося от города приблизительно на ровные растояния в направлении севера, юга и запада. Общее число жителей Ленкорана около 12.000 (11.953); население города и теперь, как и раньше, огульно признается тюркским, но это не совсем верно, если принять во внимание тесную связь части ленкоранцев с талышами окрестных сел; даже в местных интеллигентных семьях иногда слышится талышская речь. Итак, учитывая вышеприведенные недостатки и пропуски переписи, общее число талышей советского Азербайджана, мне кажется, можно принять приблизительно в 80.000 чел., живущих приблизительно в 350 селениях и отселках и частью в Ленкоране. Если сравнивать цифры населения талышского и тюркского по последовательным переписям (начиная с посемейных списков 1886 г.), можно притти к заключению, что талыши нисколько не вымирают, что число их прогрессивно возрастает, не уступая в этом отношении тюркам, и что процентное отношение между обоими племенными группами в Ленкоранском уезде не изменяется, и это несмотря на невольную тюркизацию, которой подвергаются неимеющие своей письменности талыши, вынужденные в школах и административных учреждениях пользоваться тюркским языком. Талыши отнюдь не производят впечатления народа регрессирующего или вымирающего; наоборот, в этот своей приезд я мог констатировать, по крайней мере на низменности, на которой живет их преобладающая часть, заметный прогресс материального благосостояния; в селениях, например, заметно увеличилось число кирпичных строений, многие из которых не уступают ленкоранским домам; хорошо построены и строятся кое-где новые мечети,—и все это несмотря на сильно затронувшую край гражданскую войну.

На путешественника, знакомого подобно мне с Персией, Талышский край производит впечатление персидской прикаспийской провинции. Он теснейшим образом связан географически, этнически и культурно с персидскими прикаспийскими областями,—Гиляном и Мазандераном; предполагаемая ак. Марром яфетическая подпочва, быть может, отчетливо выявится лишь в результате последующих детальных изысканий специалистов по яфетидологии. Политическая граница по р. Астаре и вдоль Талышского хребта пересекает компактную массу талышей, протянувшуюся далеко

на юг по берегу Каспия, а также по горам и плоскогорьям, его окаймляющим. Какова же картина расселения талышей в Персии и какова их численность? Мы этого, к сожалению, еще не знаем. Лучшие исследователи южных прикаспийских областей (в 60-х годах прошлого века), акад. Дорн и Мельгунов, ничего определенного нам об этом не сообщают. Работа Мельгунова по описанию южного побережья Каспия содержит много детальных и ценных данных, но этот исследователь не задавался целью выяснить границу языков талышского и гилеки по побережью, с одной стороны,—и границу талышей и тюрков в персидском Азербайджане, с другой. В виду отсутствия в Персии статистики, эти вопросы смогут быть освещены лишь путем посылки специальной экспедиции. Пока же приходится ограничиться случайными расспросными сведениями, что я и делал. Моими осведомителями были люди, лично из'ездившие по своим делам побережье до Энзели, знакомые также и с прилегающими горными округами и, вместе с тем, настолько владевшие талышским языком, что они могли даже уловить диалектические отличия. По их словам, вдоль моря на юг талыши распространяются до Капирчала (Кепричала), который составляет границу языков талышского и гилеки, и занимают персидские округа Астара, Чилаванд, Кергери (Керганруд), Асалым и Талышдолаб,—до границы с Энзели. На юг от Кергери, в Асалыме и Талышдолабе, талышский язык, по их словам, сильно отличается от того, который господствует к северу, включая и советский Талыш. Но несмотря на отличия, все же, человек, знакомый с талышским наречием Ленкорана, может свободно об'ясниться по всей прибрежной полосе почти вплоть до Энзели. В горной полосе, окаймляющей побережье, распространение талышей к югу не заходит так далеко, как по берегу, и там они скорее начинают смешиваться с гилянами. Главные талышские селения этой полосы—Туларуд и Рек (богатое селение); гилянцы же в этой полосе живут в округах Масула, Чаршамбабазар, Пейшамбабазар, Гаскере и Фомене. В горах и на плоскогорье от Зуванда к Ардебилю есть ряд талышских селений: Амбаран, Кюлеш, Джеид, Пилечай, Делидаш, Кюльтепе, Сарыханлы, Дохюльтепе. Везде население чисто талышское и лишь в Сарыханлы оно смешано с тюрками. В округе Халхал талыши называются по имени округа—халхалцами.—О числе талышей в Персии можно только делать предположения. На мой вопрос мои осведомители давали самые разнообразные ответы: одни говорили, что персидских талышей больше, чем на нашей стороне, другие,—что их ни в коем случае не меньше; третьи,—что их всего 25-30.000. В очень устарелой (1868 г.) работе Мельгунова приводятся некоторые цифровые данные,—для округа Асалыма 4240 чел., для округа Керганруда (Кергери) 41.380 и до 5.000 семей кочевников, приходящих на яйлаки из Мугани. Но по его же словам, уже в Асалыме талыши живут смешанно с гилянцами, в Керганруде, будто бы, тоже, и, кроме того, там он отмечает еще тюрков, переселившихся из Ардебильского и Халхалского округов; выделить из этих общих цифр талышей не представляется возможным. Если данные моих осведомителей о распространении талышей в округах Кер-

ганруд и Асалым верны,—то для этой низменной полосы пришлось бы численность талышей принять, для наших времен, едва ли менее 40-50 тыс. Из горных местностей, населенных талышами, мои осведомители мне отмечали как очень населенный округ Пилечай (несколько тысяч домов). Таковы мои случайные данные, создающие впечателение, что в Персии живет еще довольно компактная масса талышей в несколько десятков тысяч,—и тогда обычную численность этого народа можно принять во всяком случае значительно превышающей сотню тысяч.

Самая южная часть Ленкоранского уезда имеет значительное суннитское население; мне перечисляли до 25 таковых селений. Главное из них,—Тенгеруд,—я посетил сам. Яйлагом суннитов назвали мне местность Би. Численность суннитов по переписи 1921 г. установить нельзя. Как я выяснил, в этом суннитском углу Талыша и наречие имеет некоторые, правда небольшие (главным образом фонетические), отличия от обще-талышского языка, понимая под последним язык остального Талыша. Далее, я выяснил, что во многих суннитских селениях (мне называли определенно до десяти) имеются переселенцы (во 2-м и 3-м поколении) из Персии, преимущественно из прибрежной полосы,—округов Керганруда, Асалыма, а также из Талышдолаба; эти переселенцы частью еще сохраняют особенности своего диалекта, частью же уже смешались с остальным населением. Чем было вызвано их переселение и не являются ли остальные сунниты Астаринского округа такими же переселенцами из Персии, но только более древними, вопрос, требующий особого выяснения. Отмечу, что в персидском Талыше имеются значительные суннитские группы; таковы селения Амбаран, Аминджан, Джеид, Мизран, Минавар, Куляш. В Пилечае сунниты живут смешанно с шиитами. В Наминском округе сельское население сунниты, в самом же г. Намине—шииты. Отмечу далее, что по данным Мельгунова большая часть Асалымского округа населена суннитами, в округе же Керганруд гилеки (гилянцы), которых он там находит, шииты, а талыши сунниты.

Об'ясняются ли отмеченные особенности языка суннитов каким-нибудь этническим субстратом, т. е. не следует ли искать в талышах-суннитах посторонней этнической примеси? Этот вопрос требовал бы освещения, и мне кажется, должен быть поставлен в связь с происхождением и этимологией слова Талыш, с одной стороны, и с вопросом о происхождении суннитских групп, сохранившихся в прилегающих частях персидского Талыша, с другой. В слове Талыш мы вероятнее всего имеем название какого-нибудь племени, древнейших обитателей этих мест. Акад. Марр высказывает предположение, что в термине Тал, Дал—сохраняется переживание племенного названия далеев (Dalla), населения области, известной по VIII походу Саргона.—С другой стороны, отметим, что прежние исследователи этих областей (Ходзько, в работе о Гиляне, Мельгунов), повидимому исходя из персидских исторических свидетельств, видят в талышах турецкое племя, происходящее из Средней Азии, входившее в состав монгольских армий и получившее талышскую область как бы в ленное владение. Ходзько даже сообщает, что «гилянские талыши» говорят на восточно-

турецком наречии, а население их деревень сохранило свое родное наречие, которое Ходзько считает одним из наиболее благозвучных наречий языка гилеки (очевидно Ходзько имеет ввиду язык собственно талышский). Мельгунов, как мы видели, противопоставляет в округе Керганруде талышей-суннитов—гилянцам-шиитам.

Версия о появлении талышей лишь после монголов должна быть оставлена. Насколько мне помнится, уже у арабских географов-историков конца IX века (Якуби) есть упоминание о талышах. Вероятнее всего предположить, что захватившие талышский край турки (тюрки) составляли небольшую группу, об‘единенную родовым началом и возглавлявшуюся одним или несколькими предводителями (родоначальниками ханов талышинских), которая получила имя покоренного народа талышей*) и затем мало-по-малу частью смешалась с другими тюркскими племенами персидского Азербайджана, потеряв свое имя,—частью же растворилась в талышском народе и усвоила его язык, на котором говорит с легкими фонетическими особенностями, но сохранила свое суннитское вероисповедание, принесенное из Средней Азии. Нельзя ли поставить в связь с этим предположением о растворении в талышской среде тюркской племенной группы также и отмечаемое некоторыми исследователями Талыша различие физического типа его обитателей,—более смуглого у обитателей низменности и лесов и несколько более светлого в горных и безлесных частях. И этот вопрос, как и предшествующий, мною здесь только ставится, но разрешить его, конечно, сможет лишь всестороннее изучение Талыша во всех его частях, на всем протяжении.

Перехожу к «дережам». По собранным мною сведениям, это ничтожная племенная группа (всего семей 30), до последнего времени полукочевая, зимовки свои имела в т. наз. Рвинском лесничестве, к западу от Ленкорана, в Миянху, приблизительно между сел. Гуйнагером и Гагероном, кочевки же под Кыз-юрды. В последние годы дережи уже не делают регулярных перекочевок, а живут летом разбросанно в горах в районе селений Чайруд, Сиов, Хамуат, Джони, Тули. Дережи—шииты, выходцы из персидского Талыша из местн. Лисар, округа Керганруд (Кергери), где до сих пор имеются их ханы (Рашид хан, Хусейн Али хан, Шир Али хан, Агаджан бег). Раньше дережей в наших пределах было больше и они отличались зажиточностью; теперь же это быстро исчезающий народец. Говорят они на талышском языке, но на особом наречии. Дережи диковаты, плохо знают счет деньгам; на кочевках живут в шалашах из веток, а не в крытых войлоком «алачихах», как остальные талыши—скотоводы; женщины дережей ловко лазают по деревьям и рубят сучья. Даже скот дережей отличается дикостью. Таковы собранные мною сведения. Розыскать дережей, ввиду их малочисленности и разбросанности, не было легко и лишь случайно в селении Боради, близ Хамуата (Хамарата) я встретил одного их представителя, который жил в батраках у одного сельчанина. Сделан-

*) На это как будто есть указание у Ходзько: l'émir Tchouhan avait donné le nom de Talyche à un de ses fils (le Ghilan. p. 83).

ные мною от него записи показали, что он говорит на особом наречии талышского языка, которое, впрочем, по его собственному заявлению, он уже забывает.

В суннитской части Астаринского района, близ селения Сарах, я встретил представителей т. наз. «чарожей». Они оказались тоже талышами, но суннитами, выходцами из персидского Талышдолаба, такими же кочевниками, как и дережи; кишлаки их находятся в Тенгерудском районе, а яйлаки в горах выше Торади. По-тюркски они совсем не понимали. Про них мне рассказывали, что у них свои обычаи (между прочим свадебные), но они это отрицали. Я записал несколько образцов их речи, которая оказалась талышским диалектом.

Скажу в заключении несколько слов об истории изучения талышского языка и дам его краткую характеристику.

Литература о талышском языке невелика. Талышских текстов издано всего лишь две сказки с русским переводом (в 20-м томе Сб. мат. для опис. местн. и плем. Кавказа) да десятка полтора кратких песенок (четверостиший) в «Specimens of the popular poetry of Persia» —Ходзько. Если мы присоединим сюда маленький (в несколько строчек) талышский рассказ, который мы находим в «Caspia» Dorn'a (стр. 218), то перечень напечатанных талышских текстов будет пожалуй исчерпан. Грамматических очерков языка существует на русском языке два, очень устарелых и совершенно неудовлетворительных: Березина,—в его «Recherches sur les dialectes persans» (1854 г.) и Риса в 3-м т. Зап. Кавк. Отд. Р. Г. О. в 1855 г.

Известный академик Дорн, совершая свое научное путешествие по южному Прикаспию в 1860 г. в числе других прикаспийских языков занимался и талышским, во время своего пребывания в Ленкоране. Он добыл довольно значительный лингвистический материал,—именно, перевод на талышский язык рассказов некоего муллы Абдуллы, талышские стихотворения муллы Исмаила и русско-талышский словарь, составленный Ибрагим беком; кроме того, по поручению Дорна в Ленкоране некий Козицкий переводил на талышский язык тексты, данные ему Дорном; совместно с Ибрагим беком «из Талыша» Дорн составил основы талышской грамматики. К сожалению весь этот материал не был разработан и опубликован и должен храниться в недрах Азиатского Музея Академии Наук. При составлении очерка прикаспийских наречий, в том числе талышского, для «Grundriss der iranischen Philologie», Geiger принужден был пользоваться только устарелыми работами Березина и Риса и очень немногими вышеуказанными текстами. Плохое качество работ его русских предшественников и крайняя скудость материалов, записанных большей частью арабскими буквами, не могли не отразиться в сильной степени и на очерки Geiger'a. Охарактеризую вкратце работы по талышскому языку этих трех лиц.—Хотя Березин и утверждает, что изыскания его по иранским диалектам явились плодом личного изучения их, но по крайней мере из его очерка талышского языка этого вовсе не видно. Редкое талыш-

ское слово у Березина не искажено в такой сильной степени, что его трудно узнать; всякий, хоть несколько знакомый с этим наречием, никогда не сможет употреблять талышских слов в формах, противоречащих самым основным правилам талышской фонетики,—а между тем мы это именно сплошь да рядом встречаем в маленьком словаре, приложенном к работе Березина. Повидимому единственным литературным источником, которым он пользовался, послужили те 15 талышских стихотворений, какие были записаны Ходзько и притом арабскими буквами. Песенки же эти представляют любопытную смесь форм ново-персидского литературного языка с талышскими и являются поэтому весьма сомнительным материалом для грамматики. Самые важные отделы грамматики у Березина совершенно неразработаны, и грамматические формы искажены до неузнаваемости. Особенно же много искажений мы находим при изложении талышского глагола, которого Березин совершенно не понял.—Очерк талышской грамматики Риса тоже очень не полон; глагол у него разработан чрезвычайно поверхностно; многих времен мы совсем не находим, другие же перепутаны. Но в работе Риса мы не находим все же стольких искажений и прямого фантазирования, как у Березина. Рис, к своему счастью, не был знаком с трудом Березина, вышедшим годом раньше; он пользовался, между прочим, рукописью, составленной для Ханыкова одним ленкоранским муллою Али Экбер Захидом, заключавшей в себе словарь и несколько восточных повестей и сказок с персидским переводом.—Перехожу к Гейгеру. Кроме упомянутых мною работ он пользовался извлечениями из рукописи, № 932, Петербургской университетской библиотеки, заключавшей талышский словарь и тексты,—возможно тою же, что и Рис.—Гейгер, насколько ему позволяли материалы, не основанные на научной фонетической записи, разработал довольно подробно талышскую фонетику и учение о флексиях, поставив талышский язык в связь с другими иранскими прикаспийскими наречиями (гилеки, мазандерани, тат, семнани), но даже из очерка Гейгера можно усмотреть, что талышский язык часто занимает особое положение, роднящее его с западно-иранскими (курдскими) наречиями, между тем, как фонетические и морфологические особенности неоднократно об'единяют гилеки и мазандерани. В морфологии у Гейгера множество ошибок, особенно там, где он пользуется Березиным. В описании глагольных форм Гейгер недалеко ушел от своих предшественников, и можно сказать, что этот отдел у него почти не разработан; мы даже не находим у него сколько нибудь полных парадигм спряжения, какие приведены для мазандерани и гилеки.

Таково состояние изучения талышского языка в данный момент. Постараюсь, на основании собранного мною материала и, разумеется, в виде предварительного пока изложения,—охарактеризовать талышский язык с грамматической стороны. Его лишь весьма условно можно назвать наречием ново-персидского языка. Лучше называть его более общим термином иранского наречия, так как и в вокализме и в консонантизме, особенно же в образовании глагольных форм он весьма отличается от

современного (ново-персидского) языка и сохраняет немало архаических и своеобразных черт. В вокализме следует отметить характерную неустойчивость кратких гласных («ы», «е», «i», звук, соответствующий франц. «eu»), не всегда различимых в произношении, особенно в суннитских селениях южной части Ленкоранского уезда. Долгому персидскому «а» в талышском соответствует «о»; долгому «у»—звук выражаемый французским «u»; долгое «i» и краткое «а» сохранилось; краткие персидские «i», «е», «у» переходят в талышском языке чаще всего в «ы» (жирокое «i»). Есть случаи сохранения «яйе маджхуль». В консонантизме любопытно повидимому полное отсутствие звука «ф», встречающегося лишь в словах заимствованных или в исходе слов. После «п», «т» и «к» слышится придыхание более или менее сильное. «Ш» и «с» иногда заменяют друг друга. Начальное «в» (персидское «б» и «г») сохранилось во многих словах и в глагольной приставке «вi» (персид. «го»). Звук «ж» (из авест. «j» и из иранского «ч») сохранился хорошо, отчасти так же как иранское «з» (персид. «д») и «с» (персид. «h»). Начальное «х», «хв» ослабляется; в «h»; «р» и «д» в конце слова отпадают; «д» между гласными выбрасывается; в середине слова не терпится «р», которое сохраняется лишь в сочетании «ар». Конечное «б» переходит в «в», и «ф»; и «х»и «ф» перед «т» выпадают. Скопления гласных талышский язык избегает, допуская, главным образом, лишь группы согласных с плавными и носовыми. Благодаря отмеченным фонетическим особенностям, склонности к стяжению слов, отсутствию скопления согласных—талышские слова отличаются краткостью и благозвучием. Из грамматических форм отмечу абсолютное отсутствие персидского изафета; определяющее всегда предшествует определяемому, а прилагательное существительному, причем прилагательное принимает окончание «а». Остатки падежных флексий сохранились в суффиксе «i» (casus obliquus) и «о». Падежи образуются с помощью предлогов «чы», «ба», «бо», «ды» и послелогов «ку», «ада»; своеобразно образование сравнительной степени использованием слова «са» (голова). В образовании числительных порядковых наряду с иранским суффиксом проник и тюркский (мiнджi). Сохранилось в именит. падеже личное местоимение 1-го лица—«аз»,—сближающее талышский язык с авестийским. Талышские глаголы в большинстве случаев образуют времена или от неопредел. наклонения или от основы, получаемой отбрасыванием окончания неопредел. наклонения—«е», или, наконец, от причастия прошед. времени на «а». Лишь в очень немногих глаголах можно предположить другую основу, остатки древнего образования настоящ. времени. Основа прошед. времени почти вытеснила основу настоящего времени.—Отлично от ново-персидского языка образуется принудительный залог. При спряжении различаются глаголы с переходным значением от глаголов непереходных; в прошедшем времени первые всегда конструируются страдательно (я сделал—мною сделано),—чего мы не имеем в языках гилеки и мазендерани. Своеобразно образование настоящего и прошедшего несовершенного времен из неопредел. наклонения с послелогом «да» и глаг. суффиксами. По моим

материалам, можно, применительно к временам ново-персид. языка отметить в талышском еще следующие времена: прошедшее-настоящее, давнопрошедшее, аорист, два времени в условных предложениях при неосуществившемся условии, особые формы для optativ'a, для выражения намерения, долженствования,—наконец, форму герундива, в которой, б. м., можно усмотреть влияние тюркского языка,—две формы причастия. Далее следует отметить особенности отрицательного спряжения—свободу в постановке отрицания, или позади глагола, или впереди него. или же, наконец, между глагольной основой и суффиксами. Тюркское влияние можно отметить и в некоторых словообразовательных суффиксах. Особенность талышского языка составляет также довольно значительное количество совершенно оригинальных (и весьма употребительных) глаголов, каковых не имеется в современном персидском языке, и которые мне удастся отождествить вероятно лишь после детального сопоставления с глаголами других иранских наречий, преимущественно западного Ирана.

Проф. Б. ЧОБАН-ЗАДЕ.

Предварительное сообщение о Кумыкском наречии.

Положение кумыкского наречия среди других тюркотатарских наречий

(доклад, читанный на заседании Лингвистической Комиссии О-ва 20-XI 1925 г.).

Среди всех тюрко-татарских наречий, изучаемых с XI-го века на востоке по монументальному труду М. Кашгарского и с XIII-го века на западе с легкой руки знаменитого философа Лейбница, сравнительно мало изученным, по нашему мнению, является наречие тюркского племени, населяющего часть Дагестанского плоскогорья нынешней Дагреспублики—кумыков.

О происхождении кумыков мы имеем весьма скудные сведения. Некоторые авторы полагают, что кумыки издревле занимали побережье Каспийского моря, и были известны Птоломею под именем к а м и, к а м а к и. Klaproth („Reise in den Kaukasus, II 1812 г") видит в них потомков хазар, а Vambéry («Das Türkenvolk», 1885 г.) допускает, что они поселились в занимаемых ими теперь местах еще во время процветания хазарского царства, т. е. в VIII веке.

В этимологическом отношении можно предполагать, что слова к у м ы к, к у м у к и к а м а к происходят из корня «кама» или «кума» и из суффикса «ак» или «ок», что означало бы по аналогии со словом «согдак» у М. Кашгарского—«согдский»—«камский». С другой стороны можно сопоставить слово «кумук» или «камак» словами к у м а н, к у б а н или к а м а н. Вместе с тем, привести более или менее конкретные факты о взаимоотношениях куманов и кумыков не представляется возможным. Здесь не помогает статья Аристова под заглавием «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей», помещенная в журнале «Живая Старина» за 1896 г., где, опираясь на данные Стан. Жюльена и Радлова, автор производит слово «куман» из двух слов—именно: «ку» и «ман» т. е. «человек, обитающий около реки Ку».

Как известно, слово «куман» впервые появилось в греческих источниках. Затем в 1078 г. христ. эры знаменитый географ Якут, опираясь на сведения Альбируни, сообщает, что куманы живут на востоке в соседстве с другими тюркскими племенами кан, хырхыз, кимак и токуз-огуз. Точно так же М. Ауфи, в своей книге جامع الحكايات ولامع الروايات—на персидском язы-

ке, написанной в 7 веке Хиджри, сообщает сведения о племенах «кай» и «мерка», которые в то же время носили имя «кун». Немецкий тюрколог Банг относит язык куманов не к западной ветви тюркских языков, а к восточной [1]). К более подробному рассмотрению этого вопроса мы вернемся в конце нашей статьи.

Материалы по языку и литературе кумыков так же скудны, как и по их истории. Вряд ли будет ошибкой, если скажем, что первое сообщение о кумыкском языке имеется только в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (изд. в 1881—1894 г.г.). В этом сборнике имеются кумыкские песни, собранные заведующим Костековским училищем М. Афанасьевым, там же помещен «Краткий Русско-кумыцкий словарь» того же автора, Кумыкско—Русский отдел которого был составлен М. В. Мохиром. Н. Ф. Катанов, в своем известном «Опыте исследования урянхайского языке», изд. в Казани в 1903 г., ничего нового не добавляя, повторяет упомянутые труды Афанасьева и Мохира. Однако Катанов не приводит никаких примеров кумыкского языка для сравнения его с урянхайским, т. к. собранный выше упомянутыми авторами материал считает недостаточно характеризующим этот язык.

К изданным до сего времени на кумыкском языке материалам можно прибавить сборник Мухамеда Эфенди Османова, выпущенный по определению Петербугского Факультета Восточных языков, кумыкско—ногайский сборник, заключающий в себе довольно богатый материал из области кумыкской народной словесности. Труд этот (174 стр.) был издан в 1883 г. Между прочим, тот же Османов, первый из кумыков попавший в тогдашний Петербург, работал в то время под руководством проф. Казембека, в качестве лектора Факультета Восточных языков.

Что касается численности кумыков, то по трудам Афанасьева и Мохира они определяются в количестве около 80-ти тысяч. По академику Н. Я. Марру численность кумыков доходит до 112 тыс. душ. («Племенной состав населения Кавказа»). Ж. Дени в своей «Grammaire de la langue turque» (Paris, 1921 г.), определяет эту численность в 83 тысячи.

* * *

Для определения места кумыкского наречия среди остальных тюрко-татарских, необходимо ознакомиться с некоторыми фонетическими, морфологическими и лексикологическими особенностями этого наречия [2]).

I. Общий звуковой колорит кумыкского произношения выражается в преобладании твердых звуков над обычными мягкими звуками в других наречиях. Вообще артикуляционная база кумыков находится еще в области задняго неба (velum).

---

[1]) М. Кашгарский, считающий в XI в. самым западным тюркским племенем печенегов и самым восточным киргизов—ничего не сообщает в своем «Диване» относительно кунов, куманов и кумыков.

[2]) Более исчерпывающие сведения по этому вопросу даст читателям наша статья, подготовляемая к печати.

Примеры: coiламак (cöilemek), билмак (bilmek), гильмак (gelmek).

Кроме этого, слова, имеющие в особенности на южных наречиях форму «хер», «билен», «динle», в кумыкском наречии имеют следующие формы: «хар», «булан», «тынла».

II. Появление звука «h» в словах «удж», «акыл», «окунч», «аракы» и т. д. Примеры: hуж (удж), hокунч (окунч), hиз (из), hакыл (акыл), hаракы (аракы), hаiды (аiди).

III. Звук «н» и «р» в конце некоторых слов переходят в «л».

Примеры: Зарал—Зарар
Дармал—Дерман
Ханчал—Ханчар.

IV. Наблюдается удвоение некоторых простых звуков:

Пример: Гыччыр—гычир, jеттинчи—jетинчи, уллу—улу.

V. Звук «н» ассимилирует последующий звук «д»:

Примеры: Мен не (мен-де), болмаганней (болмагандей).

VI Перед звуком «н» выпадает звук «р» в суффиксе множественного числа «лар» или «лер».

Примеры: билени (билерни), суйгенлени (суйгенлерни).

VII. Звук «н» перед «л» ассимилируется последним.

Примеры: азгаллар (азганлар), ичегеllер (ичегенелер), окугаллар (окуганлар), ичмесиllер (ичмесинлер).

VIII Звук «с» или «з» ,находящиеся в одном слове с звуком «ч», ассимилируется последним.

Примеры: чачмак (сачмак), чач (сач), чеч (чез), чанч (санч).

IX. Суффикс родит. падежа имеет форму суффикса винительного.

Примеры: Улуну (улунун), оланы (оларнын).

X Личное местоимение третьего лица единственного числа в дательном падеже имеет форму «огар», «шугар».

XI Звук «ф» в заимствованных словах переходит, как в начале, так и в конце слов в «п».

Примеры: пайда (файда), тарап (тараф).

XII Причастия, употребляющиеся в некоторых других наречиях в форме «тура-турган», «суе-турган» с значением «привыкший стоять», «привыкший любить», в. кумыкском наречии имеют форму «тураган», «суеген».

XIII Конечный звук «г» в словах «таг», «саг», «баг» превращается в звук «в»: (тав, сав, бав).

XIV Основные местоимения кумыкского наречия следующие:

1—мен, 2—сен, 3—о, ол.
1—биз, 2—сиз, 3—олар.

XV Имена числительные те же, что в северо-крымском наречии, за исключением слова «семь», которое, как известно, произносится там: «еди» или «джеди,» а в кумыкском «етти».

XVI Название дней недели следующие:

1—джума (пятница), 2—сонгыкун, 3—каттыкун, 4—этне-кун, 5—телат (селас), 6—арба, 7—хамскун.

XVII Глагольные формы кумыкского наречия совершенно совпадают с глагольными формами северо-крымского татарского наречия, за исключением формы личного окончания первого лица множественного числа настоящего времени.

Например: «Келебиз», «китебиз», вместо крымского «келемиз», «китемиз».

XVIII Переход обще-тюркского «е» (ى) в «дж» (ج) как в северо-крымском и ногайско-киргизском, и переход звука «ш» в «с», как в ногайско-киргизском наречии, неизвестны в наречии кумыков даже в Хасав-Юртском районе, где кумыки непосредственно сообщаются с ногайцами.

Примеры: Ялан (джалан) игит (джигит).

XIX В лексиконе кумыков арабско-персидских заимствований меньше чем, например, в азербайджанском наречии.

XX Судя по сравнительному словарю Эбу-Суф'яна «Ситтети Эльсине» —словарь шести языков (арабского, кумыкского, русского, аварского, чеченского и лакского) заимствований из местных кавказских языков в кумыкском наречии не встречается.

* * *

Из всего этого явствует, что включить кумыкское наречие в группу южно-тюркских наречий (османского, азербайджанского и туркменского) никак нельзя.

Вышеприведенные особенности достаточно показывают близость этого наречия к балкаро-карачайскому и северо-крымскому наречиям тюрко-татар. Эта группа наречий, по нашему мнению, занимает среднее место между казацким и османским диалектами. Кодекс-куманикус, вопреки утверждению Банга, является по всей вероятности историческим памятником именной этой группы, а не восточной. Эта группа в классификации Самойловича означена под названием „Тав-группы", а в географическом отношении северо-западной. Махмуд Кашгарский относит кипчакское наречие к одной группе с Огузским, Киргизским, Чигильским и т. д. Слова „илыг" الغ, „кун" قون, „кану" قانو, „бен" بن, против общетюркского „илыг" ايليغ, „кой" قوى, „каю" قايو, „мен" من, он считает особенностями кипчакской группы. Конечно, эти особенности сегодня являются уже характерными как раз для южной группы. Кипчакская группа наших дней с историческим памятником Кодекс-Куманикус, хотя подходит ближе к киргизскому наречию, ничего общего с означенными признаками теперь уже не имеет. Надеясь вернуться к разбору классификации тюрко-татарских наречий, от М. Кашгарского до Самойловича, более подробно, здесь же ограничимся утверждением, что ни одна из этих классификаций ясно не указывает взаимоотношения тюрко-татарских наречий.

Кумыкское наречие, как видно из предыдущих §§, не отличается архаизмами, что не отвечает занимаемому, на первый взгляд, изолированному положению этого народа. Основываясь на языке кумыков, никак нельзя согласиться с предположением, что эти тюрки занимают Дагестанское плоскогорье и побережья Каспийского моря со времен хазар, (т. е.

приблизительно с VIII в. христ. эры). Наоборот, на основании тех же данных можно утверждать, что кумыки ничто иное, как оторвавшаяся часть балкаро-карачайских и северо-крымских тюрок, на что указывают, кроме языковых фактов, многочисленные предания, сохранившиеся среди современных кумыков.

Примечание: За отсутствием условных фонетических знаков, приходится звуки передавать приблизительной транскрипцией.

Проф. Л. И. ЖИРКОВ.

Языки Дагестана и их изучение.

(Доклад, читанный на заседании Истор.-Этнограф. Секции О-ва 4/IX 1926 года.).

Дагестан и крайний север Азербайджана по пестроте своей языковой карты представляют исключительное, единственное в мире место. Скопление разнородных языковых территорий само по себе встречается нередко (Балканы, Индия, Индокитай, Центр. Америка, весь Кавказ в целом), но нигде эти языковые территории не достигают такой степени измельчания, такой расспыленности, как в Дагестане. Здесь мы находим не мало примеров «одноаульных» языков, языков совершенно обособленных от всех окружающих, непонятных за пределами своей миниатюрной, микроскопической территории. Число семейств, говорящих на каком либо из таких мелких языков, подчас не превышает 200—300, т. е. языком пользуются не более 800—1000 индивидуумов обоего пола, для которых он является языком родным. Представители иноязычных племен такой мелкий язык не изучают,—в междуплеменных сношениях каждый район пользуется языком какого либо главенствующего племени. На севере Дагестана роль международного языка весьма счастливо выпало на долю языка аварского, на самый морфологический строй которого эта его функция оказала влияние. Южнее до некоторой степени междуплеменными являются языки даргинский, лякский, кюринский. Последний встречает в качестве междуплеменного языка конкурента, гораздо более сильного, чем он сам,—тюрский азербайджанский язык. Лезгины, живущие на территории северного Азербайджана, так же пользуются для сношения друг с другом государственным языком этой республики.

Оригинальность дагестанской территории в языковом огношении не исчерпывается только пестротой его лингвистической карты. Грамматический тип этих языков, являясь до некоторой степени общим для всех их, поражает своей необычайностью того, кто приступает к их изучению. после занятия языками индо-европейской, тюркской или семитической груп Весь строй речи здесь совершенно иной... Суждение, для его словесного выражения, расчленяется на совершенно другие части, в мышлении подчеркиваются и ярко выступают не те пункты, которые выступают в речи европейца, тюрка или семита. Многое из того, что в нашей речи выражается, в речи кавказского горца остается не выраженным никак. Зато какое

богатство и обилие, какое уточнение мы видим у них в выражении многих оттенков речи, из которых некоторые мы можем поставить в связь непосредственно с горной природой их страны (сюда относятся: обилие указательных местоимений различаемых по уровню местности, выражение в глаголах движения под'ема или спуска и проч.). Наконец, совершенно оригинальной является проводимая в большинстве из этих языков классификация имен, предметов внешнего мира, которая в принципе может быть, и не отличается от известной всем классификации по грамматическому роду.

Если мы взглянем на звуковой состав этих языков, мы должны будем признать, что и в этом отношении наш район представляет чрезвычайный интерес. Хотя мы находим и в других местах Северного Кавказа, напр. звуки латериального образования *) нескольких типов, но только в Дагестане мы имеем группу языков, в которой эти звуки достигают особенно сильного развития (аварский, дидойский, все андийские, арчи). Согласные звуки образующиеся сближением языка с задним небом, здесь развиты гораздо сильнее, чем в языках семитских и представлены исключительно многочисленными типами. Наконец, звуки гортанного образования развиты также сильнее, чем в индо-европейских и семитских языках. К этому следует добавить наличие весьма своеобразных различений между долгими и краткими согласными, осложненных многими побочными отличиями.

Казалось бы, если этот уголок земного шара так интересен в языковом отношении, то и на изучение его могло бы быть уделено надлежащее внимание. К несчастию, придется сказать, что в интересующей нас области языковедных работ исполнено пропорционально гораздо меньше, чем в сфере тюркологии, семитологии, не говоря уже об индо-германистике. Лишь по немногим из этих языков мы имеем грамматические труды описательного характера и мы совсем не имеет ни исторических грамматик, ни сравнительных грамматик. Успехам индо-германистики помогали поиски гипотетической «прародины» и попытки прозрения в стадию «праязыка». Семитология работала вокруг интересов библейской критики и арабской филологии. Угрологии пошел на пользу до некоторой степени под'ем национального чувства в Финляндии и Венгрии. Венгерцы не мало помогли и разработке тюркских языков, надеясь определить степень их связанности с финскими. В области кавказских языков, в частности в области языков Дагестана, не было ничего подобного. Никакие посторонние интересы не влекли к изучению этих языков, огромное большинство которых относится к так называемым «бесписьменным» языкам. Не было материала для филологического изучения, исключалась, как казалось, всякая мысль о какой бы то ни было связи этих языков с окружающими языковыми группами. Языки эти призновались «изолированными» ,фактически же, в смысле изучения, мы могли бы назвать их «заброшенными».

*) Т. е. звуки типа Л, образованные протоком воздуха через отверстие с б о к у между языком и зубами.

Напечатанная в Вене работа Эркерта [1]) являлась сводкой, обзором, каталогом этих языков, но являлась во всяком случае весьма неудовлетворительной работой. Как каталог языков, она давала не везде верную классификацию (напр. признание языка ахвак аварским наречием). Как описательный обзор, книга эта давала материал неверный и относилась к нему некритично. Первородной грех Эркерта состоял в том, что материал собирался при посредстве русского административного аппарата, т. е. людей весьма далеких от языковедения. Языковые показания туземцев они записывали кустарным способом просто русскими буквами. Эркерт переписывал эти материалы своей приблизительной транскрипцией, нагромождая ошибки на ошибки. Самая программа опроса туземцев была им составлена без взякого внимания к лексическим и синтаксическим особенностям кавказских языков. Сейчас положение дел таково, что книгой Эркерта, как материалом рекомендуется не пользоваться. В значительной мере то же самое надо сказать и про обзоры отдельных кавказских языков, которые вошли в Grundriss der Sprachwissenschaft Фридриха Мюллера, (изданный тоже в Вене).

Совершенно другой характер имеют работы незабвенного П. А. Услара; основанные всегда на самостоятельном изучении, его грамматики поражают нас безупречной, изумительной точностью зарегистрированных в них языковых фактов. Пусть Услар был во многом сыном своей эпохи, пусть его взгляды на природу и структуру языков кажутся нам теперь несовременными—во всем, что им записано, мы имеем твердую базу: такие факты есть или такие факты были. Здесь, на этой базе будет отправной пункт всех новых изысканий, и в области языков аварского, даргинского (хюркилинского) лякского и кюринского нельзя будет ступить ни шагу вперед, не повторив пути Услара.

Весьма велики заслуги А. Дирра в изучении этих языков. Помимо того, что он попытался достигнуть некоторых обобщений в этой сфере (напр. по вопросу о родовых или классных категориях), он повидимому поставил себе целью доделать или продолжить работу Услара по языкам, которые последний не успел обследовать. Отсюда его работы по удинскому, табассаранскому, агульскому, рутульскому, цахурскому, арчинскому и андийским языкам. [2]) Работы эти чрезвычайно ценны. Они дают сознательно проверенный материал, но они не дают той полноты материала, на какую был способен только гениальный Услар. Услара придется только дополнять,—Дирра придется пересмотреть и дополнить. Как бы то ни было и на эти работы приходится смотреть, как на базу. Упомянув о некоторых работах академика Шифнера, большею частью состоявших в немецком изложении добытых Усларом данных, мы исчерпаем почти все, что сделали ученые в интересующей нас области. Услар и Дирр составили эпоху, они же эту эпоху и завершили. Языки Даге-

[1]) R. von Erkert. Die Sprachen des kaukasishen Stammes (Wien 1895).

[2]) Помещались в „Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа“; выходили и отдельными оттисками.

стана в целом, вместе с языком чеченским оказались классифицированными предварительно, как восточная группа северо-кавказских языков. Западную группу этих языков составляли кабардинский язык, языки других черкесских племен и язык абхазский, близко связанный уже с языками Южного Кавказа. На эти последние (южнокавказские) языки наука смотрела с разных точек зрения. Армянский язык изучался под углом зрения индогерманистики. Грузинский язык и языки связанные с ним считались „изолированной", группой. Дело представлялось в таком виде, что связи существуют внутри грузинской группы, внутри черкесской и внутри чечено-дагестанской. Сомнительной представлялась связь между обоими северными группами и почти невозможным казалось перекинуть мост от севера к югу.

Поворотов в деле изучения кавказских языков вообще послужило зарожение нового взгляда на природу „изолированного" грузинского языка. Этот пункт связан с именем акад. Н. Я. Марра. Углубленное филологическое изучение литературного грузинского языка в исторической перспективе привело его к выяснению формальных элементов этого языка и к выделению его корневого состава. После этого стали, конечно, невозможны попытки сопоставлять неанализированные грузинские слова с неанализированными же, слегка созвучными, словами каких либо других языков (была между прочим даже курьезная попытка сопоставлений грузинско-церковно-славянских). Для формальных элементов языка пришлось искать аналогий в морфологическом строе других групп, для корней в каком-либо чужом корневом запасе. Сопоставления, как формальных, так и корневых элементов вели к одной точке—к группе семитских языков. Здесь нашлись целые ряды самых обычных семитских корней, повторенных в грузинском в регулярно-измененном фонетическом виде. Внешние звуковые расхождения между корнями семитским и грузинским обычно бывали очень значительны, но нельзя было забывать того факта, что все известные нам представители семитской группы языков крайне близки друг к другу, так же близки, как наприм. все языки славянские или все языки германские. Связи семитско-грузинские представлялись несколько более далекого типа, в роде наприм. связей славяно-германских. Приблизительно в то же время выяснилось, что имеются связи и между семитскими языками с одной стороны и языком древнего Египта (хамитской группой) с другой стороны и, что эти связи такого же довольно отдаленного порядка. Наличие двух библейских эпонимов давших название языковым группам братьев Сима и Хама подсказало привлечение в качестве эпонима и третьего брата Яфета. Так укрепилось название яфетического языка за языком грузинским и за, теснейшим образом связанными с ним, языками мегрельскими, сванским и чанским (лазским).

Параллельно с грузинской работой Н. Я. Марр все время вел работу армянскую. Он стоял по отношению к этому языку в счастливых условиях. Ему был известен материал не только индо-европейский, но и грузинский (яфетический) С полной определенностью обнаружилось, что

армянский язык имеет два лица, что он язык смешанного типа, его строй одинаково пронизан элементами яфетическими и индо-европейскими. Своей яфетической долей он входил стало быть, в одну группу с «изолированным» языком грузинским. Этот успех и эти определенные результаты в арменистике были добыты Н Я. Марром тоже на пути филологического, исторического изучения языка. Теории Н. Я. Марра получили, как мы знаем, дальнейшее развитие.

По иному пути пошла начавшаяся гораздо позднее работа Н. Ф. Яковлева в Москве. Являясь искусным «натренированным» фонетиком, он мог дать то, что никогда еще не давалось в сфере кавказских языков: точное, стоящее на уровне современного знания описание их звуковых систем и выяснения своеобразных артикуляций. Он счастливо начал свою работу с языков Северного Кавказа, наименее изученных. Самый характер фонетического изучения требовал от него стать на базу статического изучения современного живого языка, регистрации языковых фактов сначала вне всякой исторической перспективы, выяснения языковой системы, наличной на текущий день. Только такое изучение и было возможно в области, например, ингушского или чеченского языков, где не существовало никакой письменной традиции, никакой истории языка. Как мы видим, Ленинград и Москва в этой области дополняют друг друга. Там прослеживание языковой истории и выяснение подсказываемых ею выводов, здесь в Москве—статическое изучение живых языков, накопление материала для будущих выводов.

Возвращаясь ближе к предмету этой статьи—языкам Дагестана—надо сказать, что в частности и в этой области, как теории Н. Я. Марра так и работа московских работников дали некоторые плоды. Дагестанских языковых фактов Н. Я. Марр касался во многих своих статьях, особенно же в статье «Непочатый источник истории Кавказского мира»[1]) Факты этого непочатого источника проливали для автора свет на факты общекавказские и даже более широкого порядка.

Московские научные работники уже несколько лет вели и ведут работу по описанию живых языков Дагестана, которые считались «безписьменными», но в некоторых из них теперь вскрывается литература во всяком случае не бедная. Языковое обследование Дагестана соединяется с этнологическим и археологическим изучением местности. Планомерно идя с севера на юг, работа эта теперь подошла к северной границе Азербайджана—к реке Самуру—и переходит на южную сторону этой реки, где имеется население лезгин-кюринцев, а также группа в пять или шесть «одноаульных» языков у подножия Шах-Дага (хиналуг, крыз, джек, апут, будуг).

Мы указывали выше, что на известном этапе изучения Н. Я. Марр осознал связь грузинского языка с семитским. Мы указывали также что теория Н. Я. Марра получила дальнейшее развитие. Это развитие шло

---

[1]) Изв. Академии Наук 1917 г.

под напором фактов, вполне независимо от автора теории. Такая упрямая вещь как факты, просто не позволяла, по мере их накопления оставаться при старых теоретических возрениях. Приходилось волей неволей высказывать новые предположения, как бы эти предположения ни казались смелы, как бы ни перевертывали они весь привычный уклад мысли людей, посвятивших себя изучению языков. Н. Я. Марр, к глубокому сожалению всех языковедов, не дал нигде законченного, связного изложения своей теории ни на одном из этапов ее развития. Если не оправданием этому, то об'яснением может послужить то, что новый материал для выводов прибывал ежегодно и ежедневно и в соответствии с этим теоретические взгляды изменялись и ширились. Законченное изложение можно было бы дать только искуственно оборвав на каком нибудь моменте приток новых фактов. Для этого требовалось бы психологическое усилие: закрыть глаза, когда кругом так интересно. Этого Н. Я. Марр не сделал ни разу.

Для нас однако, будет полезно, хотя бы может быть и в несовсем точном изложении, вспомнить и перечислить те этапы развития, через которые проходили его теоретические взгляды.

1, Как мы уже говорили, осознана связь грузинского языка с семитским.

2. Осознаны связи, существующие между грузинской группой, армянским языком (с элементами яфетическими и индо-европейскими) и языками Северного Кавказа--общекавказская языковая группа яфетических языков.

3. Подмечена связь этой яфетической группы с языками древнейших культур Передней Азии—сумерийским (культурным языком досемитской Месопотамии), эламским (языком древней Сузианы и Персиды) и древними малоазийскими языками. Таким образом, вскрылись связи между языками наших дней и зарей нашей культуры.

4. Привлечение в круг яфетидологических исследований языка этрусков в Италии, умиравшего в начальную римскую эпоху. В связи с этим поставлены вопросы о миграционных движениях народов древности в бассейне Средиземного моря. Работы Н. Я. Марра по баскскому языку (в Пиренеях), языку типично яфетическому, отнесли границу яфетических изучений далеко на запад.—В то же время привлечение языка буришков (горное племя в западных Гималаях) отодвинуло границу на восток.

5. Поставлен вопрос о до индоевропейском населении Средиземного моря, вопрос о том, действительно ли были миграции народов с Кавказа в Испанию или из Испании на Кавказ, или миграции не было, а просто мы имеем там и тут обнажения древних „геологических“ слоев, в иных местах размытых и уничтоженных историей.

6. Даны попытки об'яснения не раз'ясняющихся (или раз'ясняющихся с натяжкой) на основе индо-европейских материалов, языковых слоев на севере Европы, в языках германских и славянских. В самое последнее время Н. Я. Марр подошел под этим углом зрения к изучению финских и тюркских языков.

7. Наличие яфетических элементов в столь многих и столь разнообразных языках заставило поставить вопрос о природе наблюденной связи. Откуда эти, пусть гипотетически признаваемые за яфетические, элементы? Наследие ли это одного древнего языка? Об'яснимо ли это, в какой либо мере, сравнением с ветвями родословного древа, идущими от одного корня? Или удачнее будет сравнение с полем и колосьями на нем, при чем во многих случаях колосья эти, как лианы, скрещиваются и вновь расходятся? Т. е. в начале процесса языков много, в течение процесса они испытывают всевозможные влияния друг на друга, в конце процесса языков так же много, а может быть несколько меньше чем в начале. Таким образом, отправляясь от одного только кавказского языкового уголка, исследователь принужден спросить себя о характере понимания процессов языкового развития в общем масштабе.

8. Постановка вопроса о характере языкового развития в истории влечет за собой постановку другого вопроса: о начальных стадиях развития языка. Намечается, что определенные типы языка (социального орудия) отвечают определенным социальным типам человеческих обществ. Однако эта стадия только намечается и говорить о ней что-либо—преждевременно.

Читатель видит из обзора этих этапов в какую глубину и к каким серьезным вопросам ведут нас языковые факты, наблюдаемые нами на территории Кавказа и в частности Дагестана. Яфетическая теория перестала быть кавказской теорией, она затронула самые принципиальные вопросы науки о языке. На эти вопросы она дает предварительные, посильные, сообразные с имеющимся материалом ответы. Эти ответы могут оказаться со временем неверными, новые данные подскажут новые выводы. Теорию Н. Я. Марра поэтому лучше считать пока за гипотезу или за систему гипотез. Проверка этих гипотез будет дана их соответствием с новыми пока еще неизвестными фактами. Вот почему мы больше всего сейчас заинтересованы в накоплении фактов из области в первую очередь кавказских языков—языков, на которых родилась яфетическая теория и которые, как мы сказали, изучены еще так мало и неполно.

Итак, яфетическая теория может устоять в целом виде, может пасть. Может, наконец, подвергнуться превращениям. Мы заинтересованы в том, чтобы работать над ее проверкой. Теоретики-языковеды и краеведы Дагестана и вообще Кавказа должны поднять на свои плечи планомерную работу по накоплению фактов.

Зачем? Какая польза в достижении определенности наших знаний о прошлом ходе развития языков? Какая в этом непосредственная польза?

Непосредственной пользы от этого мы предсказать не можем. Мы руководимся чистой любознательностью. Мы работаем в убеждении, что от науки человечество еще никогда не получило вреда, а всегда из научного изучения возникала какая-нибудь польза. Уже указывалось, что гениальный Пастер, начиная свою работу, руководясь чистой любозна-

тельностью. Что же вышло из его работ? Прививка против бешенства, целое учение об иммунитете, и т. д. и т. д.,—т. е. самая непосредственная, воочию ощутимая польза.

Язык—инструмент человеческого мышления. Мыслимо-ли не стремиться к углубленному познанию природы и истории языка?

В. М. СЫСОЕВ.

Тюркское население Азербайджана в XVII веке.

(Доклад, читанный на заседании Этнографической Комиссии О-ва 21/X 1925 г.)

В середине XVII века Азербайджан посетили некоторые европейцы-путешественники, оставившие очень интересные описания нашей страны и ее обитателей, почти за 300-500 лет тому назад. Особенно интересны те сведения, которые сообщают: Олеарий, Стрюйс и Кемпфер.

Адам Олеарий присоединился к голштинскому посольству, которое направилось сначала в Москву—к московскому царю, а затем к персидскому шаху в Испагань. С этим посольством он попал в Дагестан, а затем в Шемаху в конце 1636 года, пробыл там начало 1637 г., после чего отправился в Персию, а в начале 1638 г. снова, идя той же дорогой, прошел через Шемаху и Дагестан в Дербент. Он оставил весьма ценные записки о своем путешествии, которые неоднократно издавались на многих языках[1]). Они дают достаточно полную картину жизни Азербайджана, в правление шаха Сефи.

Голландец Иван (Жан) Стрюйс в 1670-71 г. г., повидимому, с торговыми целями посетил Дагестан и Азербайджан. Ограбленный, захваченный в плен и проданный в рабство, он попал сначала в Дербент, а затем в Шемаху. Его хозяином сначала был некто Бирам-Али, торговавший драгоценными камнями и имевший бани в Дербенте, Шемахе и Испагани, которые давали ему большой доход; он относился к Стрюйсу с большим вниманием и добротою тем более, что Стрюйс однажды спас его жизнь при купанье в Каспийском море. Тем не менее Стрюйс в Шемахе упросил его продать польскому (Польша тогда имела здесь своего посла) посланнику, как христианину. Однако этот посланник, родом грузин, хотя и христианин, отличался грубым и жестоким характером и безнравственной жизнью, так что, испытав от него много страданий, Стрюйс снова был куплен Бирам Али и с ним совершил путешествие в Испагань, при шахе

[1]) Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Перевод на русск. А. М. Ловягина. СПБург. Изд. Суворина. 1906 г. Большой том XXVIII+582 стр. В этом издании есть пропуски, относящиеся главным образом к Персии, но один пропуск касается Шемахи. (Имеется в библиотеке О-ва. Ред.).

Сулеймане I Сефеви. Его записки [1]) тоже очень интересны, но отличаются большей суб'ективностью, чем записки Олеария. В трехтомном (малого формата) французском издании, Кавказу отведена значительная часть второго тома, а все остальные описанию дальнейших путешествий автора по Московии, Персии, Индии и т. д.

Немец Энгельберт Кемпфер, естественник и врач, посетил с научными целями Дагестан, Азербайджан и Персию и др. страны. В Азербайджане он был в 1683 г. при шахе Сулеймане I Сефеви. Описание его путешествий на латинском языке дает много ценных и точных указаний относительно некоторых мест Азербайджана, например, относительно полуострова Окесра, т. е. Апшеронского, относительно Баку, Беш-Бармака и некоторых других мест и явлений, но он очень мало внимания уделяет некоторым другим местам, например, Шемахе, о которой упоминает вскользь; изложение у него дается в несколько своеобразном порядке, напр., о Беш-Бармаке он сообщает в той главе, где ведется речь о Южной Персии, об окрестностях Персеполя [2]).

Пользуясь этими тремя путешественниками, мы можем создать довольно живую картину быта Азербайджана 250-300 лет тому назад, так как они до некоторой степени дополняют друг друга. Следует однако оговориться, что все они сообщают сведения только относительно восточной части Азербайджана и о Дагестане, так как все они побывали только в прибрежном к Каспийскому морю Дагестане, в Дербенте, затем, в Шемахе и Мугани. Ни один из них не был, напр., в Гандже или вообще в западной части Азербайджана. Значит, все, что будет в нашем очерке сказано, будет относиться исключительно к древнему Ширвану и преимущественно к его восточной части и к Апшеронскому полуострову и Мугани, а также к Дербенту и части Дагестана. Кроме того, в этом очерке я коснусь почти исключительно состава и быта населения Ширвана, оставляя почти совершенно в стороне некоторые другие вопросы, напр., о городах края, истории его и т. д.

Население Ширвана в указанный почти 50-ти летний период XVII в., т. е. за время с 1636 по 1683 г., при позднейших сефевидах (Сефи и Сулеймане, сыне Аббаса II), как видно из замечаний этих путешественников, в племенном отношении имело резкую границу по р. Куре и Араксу.

Олеарий, в феврале 1638 г., на обратном пути из Персии, со своими спутниками, пройдя по Муганской степи, приблизился к Джавату. 15 фев-

---

[1]) Les voyages de Jean Struys en Moscovits, en Tartarie, en Perse, aux Indes. A Rouen. «Путешествие Ивана Стрюйса в Московию, Татарию, Персию и Индию. Руан. 1724 г.». 3 тома, 747 стр. малого формата в 32 д. л.

[2]) Amoenitatum exoticarum politico-physico-medicarum fasciculi V,quibus continetur Rerum Persicarum et ulterioris Asiae, multa attentione, in peregrinationibus per universum Orientem, collectae ab auctore Engelberto Kaempfero. Lemgoviae. 1712.

«Чудес иностранно-политико-физико-медицинских сборников 5, в которых содержатся различные сообщения, наблюдения и описания Персии и Дальней Азии, с великим вниманием, во время путешествий по всему Востоку, собранные Энгельбертом Кемпфером». Львов. 1712. (958 стр.—большой том, в 8⁰). (Имеется в библиотеке О-ва. Ред.).

раля, он говорит: «мы прошли через степь 8 миль и расположились лагерем в четверти (мили) пути от р. Аракса. Мы бы вошли в Джават, где в предыдущий раз мы остановились, если бы там не поместился Араб-хан, хан шемахинский, со всем своим двором, заняв все помещения. Он и следующий день пробыл там, так что мы остались поэтому на месте. 17 февраля мы вновь собрались в путь и перешли через важную реку Аракс, через которую у Джавата был наведен корабельный (понтонный) мост, у них именуемый джиср. Мост этот ежегодно весною в июле месяце, когда вода разливается, должен сниматься, так как река тогда выходит из берегов и заливает соседнюю плоскую низменность на милю и более водою; в это время никто не может путешествовать этим путем... Мы вступили в Джават... Это место получило свое название от арабского Джавас, что значит переход, так как здесь имеется переход через реку, где каждый желающий перейти с той стороны, обязан показать свой паспорт, чтобы не мог тайком пробраться кто-либо из турок—их неприятелей». «19 февраля», он говорит: «мы проехали еще 8 миль дальше, большею частью по пустынной, проросшей тонким тростником местности, вплоть до Шемахинских гор, где для нас были раскинуты аладжух или круглые хижины (кибитки»).[1])

Почти то же говорит и Стрюйс: «отправившись 30 октября 1671 г. с караваном из Шемахи в Исфаган, на второй день они ночевали у Тжавара или Тжавата, т. е. у перехода; такое название дано потому, что здесь приходится переправляться через реку Аракс; но сначала каждый должен доказать, что он не тюрок, при помощи паспорта, полученного из места отправления каравана. Этой предосторожностью пользуются персы, стараясь помешать тому, чтобы тюрки не воспользовались этими караванами для постепенного проникновения в их сторону, которой они потом могут овладеть. Перейдя реку по мосту на понтонах (лодках), охраняемому некоторым числом солдат, мы раскинули наши палатки на равнине, где нужно было переночевать, так как там нет ни селения, ни караван-сарая. Река Арас или Аракс утрачивает свое имя в окрестностях Джавата, где она впадает[2]) в Кур или Кир под 39°54′.

Значит, все пространство к северу от Куры и Аракса считалось населенным тюрками по преимуществу, а к югу—персами, которые, побаиваясь тюрок, ревностно охраняли эту водяную и этнографическую межу, тем более, что вся предшествовавшая история тюрок и других кочевников в XII и следующих веках и даже ранее показывала, что завоевание страны с оседлым земледельческим населением всегда начиналось с медленного, но упорного и постоянного просачивания степняков-кочевников через ту или другую естественную преграду-реку, горы, разделяющую две разные

---

[1]) По-тюркски теперь: кибитка-алачак آلاجيق. См. словарь рус-тюрк. Ганиева. 6 изд , 1922 г., стр. 169.

[2]) У Стрюйса напечатано: 34°54′, у Олеария в одном месте 39°64′ и только в другом уже совершенно правильно 39°54′. В настоящее время слияние Куры и Аракса находится под 40°1′ т. е. на семь минут или на 12 верст севернее.

этнографические массы, как это часто было, особенно в средней Азии. Олеарий дает сведения и о населении Муганской степи и ее состоянии вообще. Он говорит, что 12 февраля 1638 года они оставили Гилян и 13 февраля вечером пришли к деревне Эллиесду (на карте Эйлисду). «Она лежит в начале Моканской (Муганской) степи, на склоне низких плодородных холмов. Ведь, и вообще вся эта область у подножья гор повсюду весьма плодородна и обработана. Деревни, которых в этой области было много, состояли из плохих домов, были сплетены в роде плетней и вымазаны глиной. Все они были заняты шахскими солдатами. Отсюда мы двинулись дальше по Моканской степи, прошли две мили и расположились в Оба (на карте Обба) в круглых пастушьих хижинах... В означенной деревне (13 февраля) высота солнца в полдень 40°48′, а высота полюса под тем же меридианом 39°28′. Побережье здесь тянется с Ю-З. на С-В. Мы вновь могли видеть перед собою Шемахинские горы[1]).

О Моганской (Муканской) степи нужно сказать подробнее. Полагают, что она тянется в длину более, чем на 60, а в ширину на 20 миль. Турки зовут ее Миндюнлук (1.000 дымовых отверстий), а персы Моган или Мокан. В этой степи живет весьма много племен и родов, которые во времена Гусейна (против него их предки сражались под начальством Иезида) были в наказание как бы сосланы сюда. Им не разрешают жить ни в городах, ни в деревнях, но лишь в хижинах (кибитках); зовут их Сумек-Райети[2]) с одной, стороны потому, что они от кости к кости (от поколения к поколению), как самые жалкие рабы, на-веки покорены шаху, с другой— потому, что им едва оставлено для пропитания, чем сохранить свои кости. Они кормятся от скотоводства, летом направляются под горы, где у них хорошие пастбища и приятный климат; зимою же они располагаются лагерем в ровной степи. Их считают полудикими людьми, и роды их перечисляются следующие: ходже-чаубани, текле, элменкю, хаджиказилю, султанбахшелю, караи, ардендюшенлю, халедж и др.[3]).

14 февраля мы продвинулись на три мили дальше к северу и пришли к племени хаджиказилю. По дороге в поле, мы встретили часовню, в которой похоронен некий Байрам-Текле-Обаси. Он был во время шаха Абаса (I), когда турецкий паша Джалал-оглы напал на Персию, разбойником; с несколькими сотнями собранных вокруг себя оборванцев, он часто хитростью нападал на турок и почти ежедневно доставлял шаху Аббасу несколько турецких голов, Наконец, ему дана была для набегов армия в 12.000 человек, с которыми он, пожалуй, больше зла сделал неприятелю, чем шах с своим главным войском. За это шах освободил его от наказания, сделал князем и подарил ему несколько деревень в этой местности.

Мы расположились в круглых пастушьих хижинах (кибитках)».

---

[1]) Олеарий, стр. 477—478.

[2]) Сумек-Райети, т. е. подданные или рабы Сумека (собств. имя)

[3]) Повидимому, это все арабские названия и персидские.

Таковы сведения, сообщаемые Олеарием, они несколько дополняются довольно скудными в этом отношении сведениями, сообщаемыми Стрюйсом, который пишет[1]), что они из Шемахи отправились в Исфаган целым караваном—«в количестве около 2.000 человек, в нем было больше верблюдов, чем лошадей. Из этих последних 20 были нагружены самыми лучшими в стране каштанами; их мой благодетель, Хаджи Бирам, хотел представить шаху в виде подарка, так как к шаху не позволялось являться с пустыми руками. В первый день мы шли по высоким и сухим горам, за которыми мы вступили в провинцию Факерлу[2]), область пустынную и бесплодную, из нее мы спешили выйти. Вечером мы остановились лагерем близ селения называемого Казили, положение которого не очень благоприятно, так как оно окружено бесплодными пространствами: жители его кочевники (vagabonds), как татары, переходящие с места на место и остающиеся на одном месте только до тех пор, пока есть средства для пропитания... на следующий день мы ночевали у Джавара или Джавата».

Таково было население южной части (степной) Азербайджана, к югу от Куры, повидимому, преимущественно не тюркское, а персидское или арабское, кочевники, преимущественно, живущие очень бедно и в положении рабов.

Что касается массового состава населения северной части Ширвана, к северу от Куры, то это мы знаем из рассказов Олеария о событиях, случившихся 15 ноября 1636 г. Именно, голштинское посольство с Олеарием попало на Каспийском море, южнее Дербента, в сильную бурю, во время которой опасность погибнуть была так велика, что после долгих колебаний и страданий, решили лучше выброситься на берег, чем явно погибнуть. Однако пассажиры выдали шкиперу удостоверение, что это сделано не самим шкипером, а по настоянию свиты посольства (накануне была хорошая погода и сам посол с некоторыми лицами спокойно высадился на берег). Олерий дальше пишет: «Та местность, где мы выбросились на берег, называлась Мюскюр: [3]) это была область и часть провинции Ширван или Старой Мидии. Она простирается от Дербента вдоль Каспийского моря до Гиляна, заключает в себе 200 деревень и находится под управлением Дербентского султана. Страна эта повсюду весьма приятна на вид, так как деревья и трава еще зелены. (Олеария здесь поражает обстановка южной зимы, без снега и т. п. особенности юга, странные для человека, знакомого только с северной зимой и т. д.) Почва здесь тучна и плодородна и вся область богата рисом, пшеницею и ячменем, а также хорошими плодами. Она заросла отдельными деревьями и немногими рощами, в которых птицы весело распевали еще в декабре месяце. Скот, как зимою, так и летом ходит на пастбища; поэтому у жителей и нет привычки заготовлять много сена для своего скота. Если они его заготовляют, то для путешествующих.

---

1) II том, гл. XXVII, стр. 197—198; перевод с франц. текста сделан В. Сысоевым.

2) «Племя бедняков»,—по тюркски фäгир فقیر—бедный, см. словарь Ганиева, стр. 27.

3) Олеарий, стр. 449—450.

Виноградные лозы подымались тут и там у заборов, выросши дикими, не будучи посажены. Некоторые, представляя прекрасный вид, поднимались по высоким деревьям на 8 или 10 сажен в вышину, обвивались вокруг ветвей и свисали вниз на 2-3 сажени.

Подобного рода виноградные лозы мы встречали на обратном пути во всем Гиляне, особенно в Астаре, где они достигали неимоверной высоты. Здесь было много красивой пернатой дичи, как-то: фазанов, кур; в большом количестве встречались зайцы, охота на которых доставляла нам большое удовольствие. Здесь же находится особый вид лисиц, которых жители называют шакалами; они величиною с обыкновенных лисиц, которые также встречаются в весьма большом числе и именуются «тулки». [1] У шакалов на спине густая шерсть, при чем волосы твердые, длинные и торчащие кверху; брюхо у них белоснежное, уши черны, как смоль, а хвост меньше, чем у обыкновенной лисицы. Ночью они стаями бегали кругом деревни и жалостливо кричали, точно плакали.

У крестьян здесь имеется также много буйволов, на которых они перетаскивают бревна, деревья и большие тяжести. Их питание и корм состоят из шембелиле или f(o)enum graecum, которым они, как у нас чечевицею и виками, засевают целые поля. Когда оно еще зелено, его срезают и дают в пищу буйволам и стебли и семена. Молоко коров этой породы так жирно, что дает сливки в два пальца толщиною и весьма вкусное масло. Сыр они, однако, никогда не готовят из коровьего, но лишь из овечьего молока.

Деревня Ниазабат [2]) в которую мы направились, лежит от экватора в 41^0 15'; в ней едва 15 разбросанных повсюду домов, которые все построены от земли четырехугольником, высотою почти в два человеческих роста; вверху они были плоски, уложенные дерном, на котором можно было ходить, как на земле. Подобного рода плоские постройки обычны во всей Персии, и даже во всей Азии. В летнее время видно, как люди иногда ходят взад и вперед на крышах, где иногда есть палатки, иногда и нет; ка здесь едят, и ночью чтобы иметь прохладу, спят ... Внутри все эти крестьянские дома были очень опрятны и в комнатах полы выстланы коврами Нас поместили в Ниазабате в домах, и сначала каждый получал хорошее угощение от своего хозяина. Так как, однако, нас было много народу и нам полагалось оставаться здесь несколько недель, деревня же была не велика, и кроме того, не имелось приказания о доставлении нам пищи, то нас, на наш счет, стали кормить не в домах, а рядом с помещением послов в палатке. Ввиду отсутствия свежего хлеба и пива, нам пришлось довольствоваться черствыми сухарями и пить мутную речную воду, так как по близости не было ключа». (Полуразбитый корабль был разобран на топливо).

19-го ноября наместник Дербентский Шахверди-султан прислал двух сановитых людей, один из которых был брат каухи (т. е. начальника села) ниазабатского, чтобы приветствовать послов. Они доставили на ряду с

---

[1]) Лисица-тюлки, по тюркски 'تولکی словарь Ганиева, 206.

[2]) Современная пристань Низовая, лежит под $41^0 30'$.

письмом, в подарок двух лошадей, 2 быков, 12 овец, 20 кур, 3 больших кувшина с вином, *кувшин с чистой водой,* 2 корзины яблок, 5 мешков пшеничной муки; все это султан сам от себя приносил в дар. (В Ниазабате они простояли 5 недель, так, как только после долгих хлопот, от хана из Шемахи было доставлено 40 верблюдов, 30 подвод с волами и 80 лошадей для перевозки посольства и всего багажа, причем первая партия возчиков и вьючного скота, предназначенная для этой же цели, просто-на-просто, разбежались).

22-го декабря посольство, наконец, двинулось в Шемаху из Ниазабата. «При этом некоторые, а именно, мальчики, должны были подсесть на лошадях сзади, а другие, как-то: лакеи, драбанты, солдаты и другой простой люд,—идти пешком. Путь шел вдоль персидского побережья к югу. Мы переправились через 4 небольших реки и к вечеру прибыли в деревню Мордов, через 4 небольших мили; она принадлежит к Шемахе. Крестьяне жили вроде татар под Астраханью, в очень плохих, сплетенных из камыша и гибких прутьев круглых домах, которые они зовут оттак. Так как дров в этом месте не было, то мы[1]), особенно те из нас, которые перешли через реки и воду, имели плохой ночлег.

Мордов по—турецки обозначает «болото», так как кругом, и рядом с этой деревней большое болото и трясины, которые из-за многих ключей и в самую суровую зиму не замерзают. Поэтому, именно, в зимнее время там больше всего ловят лебедей и пух их идет на постели шаха. В этой, как и в соседних деревнях, живет *нация,* именуемая *Падар*; у нее особый язык, несколько родственный турецкому и персидскому. Они турецкой веры (сунниты), но имеют еще особые суеверные обычаи. Горячие кушанья у них стоят до тех пор, пока они сами собою не остынут совершенно став удобными для еды. Никто не смеет дуть на них и если это сделает, по незнанию, кто-либо из зашедших в их дом иностранцев, то пищу, как нечистую, нужно выбросить». В этих же местах был Олеарий и в 1638 г. на обратном пути из Персии он пишет: «30 марта мы собрались в путь из Шемахи, причем хан и калентер с несколькими всадниками следовали за нами из города заставили еще раз присеть с ними в открытом поле и угощали. Любезно простившись с нами, хан опять со своей свитой вернулся в город, а мы направились в Пюрмарас(а) куда прибыли к вечеру, проехав добрых три мили.

В последнее число марта, рано утром, в 8 часов, мы все опять тронулись в путь и прошли 6 миль по очень высоким горам, где в течение целого дня не видели ни одной деревни, пока вечером не заметили деревню Кохани, в долине, где мы и остановились на ночлег. 1-го апреля мы вновь по высоким горам и глубоким долинам сделали семь миль, вплоть до деревни Бахель, обыкновенно, в виду плодородия местности и роста пшена, весьма здесь изобильного, именуемой Суррат.

2-го с. м. мы оставили горы и пришли в равнину, в четверти пути от моря, прошли мимо высокой горы Бармак и недалеко от моря увидели нефтяные колодцы....числом до 30.......белой и бурой нефти.....К вечеру мы

[1]) 455 стр.

прибыли к деревне Кизихт, расположенной недалеко от берега, в 6 милях от предыдущего нашего места ночлега. 3 апреля мы прошли две мили до местечка Шабран и перешли через 3 небольших речки. Вокруг этих мест в горах живет племя, называющееся *Падар*; оно занимается сильно воровством и грабежом и предпринимает набеги на два или три дневных перехода кругом. В течение дня некоторые из них были в этом местечке, чтобы навести справки, как мы сильны и как мы бережемся. Шабранцы на своем языке называют себя «кюр»—то-есть кюринцы, почему некоторые из нас предположили, что это курды и так и записали в своих дневниках о путешествии. Однако курды живут далеко отсюда, в Курдистане, который раньше именовали Халдеею. Жители этой местности, так же, как и махемандер, искренно советовали нам, чтобы мы, если желаем пользоваться безопасностью, держали добрую стражу. Так мы и делали. После полудня мы пришли к деревне, называвшейся Мишкар, в двух милях от Ниазабата....Деревня лежала у большого болота. Крестьяне разбежались, полагая, что мы неприятели; попрятались по кустам и оставили все вещи лежать и стоять на своих местах. Впрочем, некоторые, узнав, что мы за люди, к вечеру опять вернулись. Здесь мы в доме священника нашли много великолепных рукописных книг.

5-го апреля путь наш шел 8 миль через пустынные поля и кустарники до местечка Кектепе. По дороге мы встретили место погребения святого пюр-Ших-Молла-Юсуфа, а также отряд из 28 вооруженных всадников, сказавших нам, что они крестьяне, жительствующие в этой местности. Из-за разбойников, мешающих безопасности здесь на улицах, им приходилось, по их словам, ездить столь большими отрядами; впрочем, они сами очень походили на разбойников. Жители Кектепе были из племени *Падар;* они жили на склонах веселых холмов в домах, там и сям разбросанных среди отдельных высоких деревьев; большая часть домов была наполовину вкопана в землю. От одного дома на другой получался прекрасный вид». (6 апреля они прошли 3 мили, через лес и три реки: Коссар, Самбур и Кургани; 7 апреля еще пройдя 3 мили, пришли в Дербент, где наместник Шахверди-хан предупредил, что через Дагестан предстоит опасный путь; осмотрев оружие спутников, выяснили, что на лицо имеется мушкетов и длинных ружей—52, а пистолетов—19 пар).

Почти тем же путем шел и Стрюйс, с которым случилось несчастье: около Дербента на судно Стрюйса напали разбойники (стреляли из луков) ограбили корабль, а самого Стрюйса продали в рабство в Дербент. Хозяин Стрюйса уже давно хотел поехать из Дербента в Шемаху, так как в Шемахе, в одно из землетрясений, в 1667 г., были разрушены его дома. Первого сентября 1671 г. хозяин с Стрюйсом присоединились к каравану из 1800 лошадей, большого числа верблюдов, нескольких мулов и проч. животных, так что караван был похож на небольшую армию. В первый день мы пересекли три речки: Кургани, Кистар и Самбур», пишет Стрюйс. (Сравнивая текст Стрюйса с текстом Олеария, иногда невольно спрашиваешь себя, не пользовался ли Стрюйс иногда текстом Олеария,

так они близки между собою, напр. в данном месте или, в описании каравансараев Шемахи. Но у Стрюйса тем не менее есть много таких подробностей, которых вовсе нет у Олеария). «Костар больше двух других: она, начинаясь несколькими истоками в городах Эльбура, делится на 5 довольно широких, но не глубоких, притоков. На следующий день наш переход был в 8 лье. Незадолго до прибытия в большое селение Коктеп, где мы остановились на ночлег, мы видели великолепный мавзолей одного туземного святого, где всегда пребывало значительное количество богомольцев, совершающих там свои обеты. Жители этого селения и его окрестностей называются *Падар* или «воры», не находящие себе больше места в Персии, где они жили прежде. Жальем им служат хижины в 10—12 футов высоты, каждая наполовину находится в земле, а остальная часть четырехугольная и покрыта землёй. 3-го сентября мы прошли через Ниазабат или Наизабат, красивое и большое селение, которое принадлежало древним мидянам, а теперь называется Сурван или Ширван. В этот день мы на большой дороге и в лесу видели много грабителей, которые двигались большими шайками, но будучи менее многочисленными, чем мы, они не решались напасть на нас. Вся эта дорога пролегает по местности, населенной таким народом, который не прочь напасть на людей, находящихся под слабой охраной; от них всегда можно было ожидать нападения. Мы ночевали в селении Мюскар, где я не видел ничего замечательного.

4 сентября мы дошли до Скабарана, маленького городка, где, как говорят, получается самый лучший рис во всей Персии. Его окрестности болотисты и этому обстоятельству приписывают и значительное количество и хорошее качество зерна. Рис обыкновенно стоит два лиара фунт (deux liars la livre), но часто продается и дешевле. Этот город имел некогда крепкие стены, но в настоящее время едва можно видеть их развалины, хотя печи, в которых готовили хлеб для армии Александра Македонского почти совершенно целы. 5 сентября мы остановились близь горы Пармарх или Барнак, невдалеке от моря[1]) (Стрюйс отмечает, что здесь имеется до 40 канав или колодцев белой и темной нефти).

6 сентября мы прошли по высотам этой горы и к вечеру спустились в прекрасную долину, где мы остановились лагерем в окрестностях селения Бакал. Кроме риса, который почва здесь производит в изобилии, здесь также растет много ячменя, из которого жители делают пироги на масле и меду; мы сделали запас их на остальную часть нашего путешествия и мы их нашли в большом количестве.

7 сентября мы ночевали в селении Котани; постройки в нем порядочные, но в окрестностях были только кустарники, в которых водилось много зайцев. 8 сентября мы вошлив город Скамахи, Самахи или Шамахи. Этот город прикрывается двумя очень высокими горами, благодаря которым его не видно издали. Он находится в провинции Ширван, или

---

[1]) Struys, p. 126—129

древней Мидии, расположен над полюсом почти в 40° 50'. Обыкновенно из Дербента в Скамахи доходят за 6 дней, хорошая лошадь может легко пройти за 2 дня».

На описании города Шемахи, довольно подробном и у Олеария, и у Стрюйса, я не буду подробно останавливаться. Отмечу только, что город был очень обширен; незадолго до посещения его Олеарием, в нем насчитывалось до 5.000 очагов (дымов), но недавние войны при шахе Аббасе I между персами и турками и неоднократные штурмы Шемахи сильно уменьшили население города. Шемаха делилась на две части: северную и южную, которые прежде были окружены стенами; шах Аббас велел срыть эти стены, чтобы турки не могли за ними укрываться; но турки вновь отстроили стены. В городе было 5 ворот. Улицы очень узки; дома низкие, глиняные и земляные. Живут здесь персы, армяне, евреи, немного грузин и индусов, а также и несколько других народностей, но в очень малом количестве; каждая нация имеет свой язык, но все они говорят, как вообще жители Ширвана, по-турецки. Главное занятие жителей—прядение, тканье и вышивание шелком и бумагой.

В южной части города—большой рынок,—базар с крытыми улицами, лавки с товаром: пестрой бумажной тканью, шелком, серебряной и золотой парчей, луками, стрелами, саблями. Есть еще два каравансарая для чужих купцов: Шах-Каравансарай, где русские торгуют оловом, медью, юфтью и мехами (соболями), и Лозги-Каравансарай, где черкесские татары и лезгины торгуют лошадьми, рабами, продавая женщин, малолетних и взрослых девиц, мальчиков, девочек, купленных или украденных у русских. За красивого мальчика запрашивали 6 томанов. Евреи продавали персидские ковры. В городе жили: хан-правитель (при Олеарии Ареб-хан) и калентер (Яябек), оба они при Олеарии редко были трезвы. При хане состояло 1000 человек войска. В 1712 году лезгины напали на город и ограбили 300 русских купцов. Дербент и Шемаха были самыми главными рынками продажи рабов (русских, грузин, грузинок, черкесских татар); при продаже рабов подвергали самому бесцеремонному осмотру.

По рассказу Стрюйса, в Шемахе было много армян, которые в день крещения (6 января ст. стиля) справляли свой праздник освещения воды в реке, но они должны были заплатить хану 1000 дукатов, чтобы солдаты охраняли процессию от оскорбления и постороннего нападения. Довольно много было индусов (баниансв). Стрюйс отмечает, что однажды умер индусский купец, брахманист; его тело, по обычаю индусов, было предано сожжению, но вместе с ним была сожжена и христианка—невольница, старуха, купленная для этой цели; она сопротивлялась и кричала. Спустя несколько времени умер другой купец, тело которого тоже было сожжено, но вместе с ним пожелала быть сожженной молодая девушка, которая выказала при этом полное спокойствие. Погребальный костер был воздвигнут за городом. Хан дал на это свое разрешение за 5.000 флоринов. В апреле 1671 г. в Шемаху прибыли шахские комиссары, которые должны были доставлять в гарем шаха самых красивых девушек страны.

По городу было сделано об'явление, что все имеющие девочек от двух до семнадцати лет, должны представить их, не позже как через неделю, в Шемаху для отбора в гарем шаха по красоте, независимо от бедности или богатства родителей. Все население было в горе. Отобранных отправляют в Испагань, где старшие (от 12 лет) должны были поступать прямо в гарем, а младшие проходили особое воспитание для подготовки к гарему. Нравы отличались большой грубостью и жестокостью. Польский посланник, хозяин Стрюйса, отличался пьянством, развратностью и очень грубым обращением с своими невольниками. Один юноша, сын человека, близкого к хану, осмелился открыто осуждать распоряжение хана относительно того, чтобы не были устраиваемы шествия в дни махаррема и чтобы люди не наносили себе ран в эти дни. Несчастный отец, боясь, что заподозрят и его в вольнодумстве, сообщил хану о поведении сына. Юношу водили по улицам и били палками, пока не убили на смерть. С одной женщины, которую уличили в нарушении супружеской верности, суровый муж велел с живой снять кожу и повесить в доме в назидание всем.

Остается дополнить общую картину того времени сведениями сообщаемыми Кемпфером,[1]) который очень мало сообщает о Шемахе, но за то сравнительно много говорит о Баку и Апшеронском полуострове. Кстати следует отметить, что при описании Персии и Ширвана, Кемпфер довольно часто упоминает о Мультани (Multhani), так тогда везде называли индусов; иногда их называли беньянами. В Баку Кемпфер тоже встретил «двух индусских купцов, из племени мультанов, самого религиозного из всех язычников; их, как рассказывали, насильно удерживали в Баку». В Испагани он считает до 10.000 мультанов.

В Баку Кемпфер попал при очень неблагоприятных для него обстоятельствах: в'ехав в город, он оказался в руках какого-то проходимца, который завел его, вместо общественного каравансарая, в свою дрянную лачугу, что-то вроде пещеры, темную, грязную и в пустынной части города, на горе среди развалин. По дороге их окружила праздная толпа зевак. Когда Кемпфер скрылся в хижине проводника, то толпа зевак забралась на крышу и явилась опасность полного разрушения лачуги. Когда Кемпфер, в сопровождении переводчика-негра, юноши, вышел на улицы города, создалась невообразимая суматоха. В конце концов явился даже губернатор и велел арестовать вновь прибывших неизвестных людей, тем более, что тогда все боялись появления агентов страшного Стеньки Разина. Кемпфера со спутниками отвели в какой-то каравансарай, но приставленный к ним одноглазый сторож скоро соблазнился принесенным в изобилии вином и так напился, что арестованные свободно ушли. После этого Кемпфер все-таки осмотрел некоторые части города: полуразрушенный ханский дворец, Девичью башню и т. д. Не касаясь племенного состава, он вообще довольно резко и отрицательно говорит о Баку и его населении:

---

[1]) Кемпфер, стр. 267; перевод с латинского сделан В. М. Сысоевым.

«Дома жителей большею частью однообразной постройки, сделаны или из глины, или из кирпича; самый лучший дом султана (губернатора), невдалеке от порта, у подошвы холма. Жители живут бедно; ленивы, насмешливы, глуповаты; едва ли во всей Азии видел я людей более безобразных, ибо по большей части они одержимы кахексией (высшей степенью малокровия), с бледными лицами, а если кто и здоров в остальных отношениях, то все-таки страдает гнойным воспалением глаз или вообще глазами. Причиной болезненности особенно является вода, которую они пьют, сохраняя ее от выпадающих дождей или стекающую с соседней горы: но первая пропитана селитрой, другая же имеет уже на своей поверхности очевидную нефть. Земледелия у них почти не существует или в весьма ограниченных размерах; ремесла, обработка шерсти, пряденье и торговля довольно незначительны. Суда из Мангышлака в Узбекии и соседних городов, забирая отсюда соль и нефть, подвозят овощи. Окрестности города совершенно пустынны и песчаны; немногочисленные огороды при усиленном уходе доставляют дыни, винные ягоды, яблоки, гранаты. Вьючный скот есть у немногих: коров держат на соседнем полуострове Кесра; овец везде держат, так как для них везде пастбище и от них получается много нежного мяса; рис и прочие хлебные продукты подвозят на судах. Канавы, вырытые на берегу моря, на незначительном расстоянии от города, дают морскую воду, как бы очищенную фильтром, до некоторой степени опресненную, для скота; но, так как они с течением времени приобретают более значительную соленость, то вследствие этого ежегодно приходится копать новые канавы; они встречаются повсюду на болотистом морском берегу.»

Совершенно другой отзыв дает Кемпфер о жителях одного селения на полуострове Окесра, т. е. Апшеронском.

Дав очень интересное и точное описание нефтяных и соляных разработок на полуострове, Кемпфер описывает (7 января 1684 г.) вечные Сураханские огни. Кемпфер пишет, что он посетил campus ardens, т. е. горящее поле. «На поле, на участке, около 80 шагов в длину и 26 в ширину, находились отверстия, из которых вырывалось пламя». Здесь он нашел около десятка людей, из которых одни на этом огне готовили кушанье для своих семей в соседнем селении Сроганни Атесгава, другие жгли известь. Двое из племени древних персов индусские пришельцы, огнепоклонники, праздно сидели около выстроенной ими стенки, предаваясь созерцанию и поклонению вырывающемуся из земли пламени, молясь вечному божеству. Один из обжигавших известь, выпросивши кое-какую плату, показал опыт с зажиганием горючего газа. После Сураханов Кемпфер пишет: «при наступлении [1]) вечера, мы воспользовались гостеприимством в соседнем селении Бонна [2]). Здесь нас ожидало полное радушие жителей, принявших нас в своих жилищах, устлавши пол коврами: они не допустили, чтобы мы провели ночь в грязном каравансарае, среди по-

[1]) Кемпфер, стр. 279.

[2]) Вероятно, это теперешнее селение Бина.

гонщиков. Едва мы вошли, появились первые лица селения, чтобы приветствовать нас; за ними приходили другие и другие, менее важные по положению, но все нетерпеливо желавшие дружелюбно посмотреть на нас и поговорить с нами. Некоторые из них приносили винные ягоды, виноград, яблоки, гранаты, и другие с‘естные припасы, привозимые из других мест; иные осторожно сообщали на ухо переводчикам о готовности принести вино, как только уйдут посторонние, готовясь устроить для нас пирушку. Некоторые предлагали даже, вместе с вином доставить и женщин, не понимая, что они от христиан получат отказ. Между тем были приняты меры, чтобы доставить отраду нашим глазам и утешение душе: иной рассказывал о деяниях древнейших времен, совершившихся на этом полуострове; тот о страданиях имамидов, изгнанных за исповедание веры, подвергшихся в этих уединенных местах страданиям; третьи, когда к этому являлся повод с нашей стороны, перечисляли чудеса природы в пределах Кавказа или рассказывали о чем-либо необыкновенном или сообщали баснословные предания. А, так как любят также и дары Камены, то обратились и к поэзии стихов, которые декламировали хором; вскоре стали также петь, а под такт песни завели танцы, приятные для нас столько же в отношении зрения, сколько и в отношении слуха, вследствие необычных телодвижений и хлопанья в ладоши. В полночь мы, утомленные, попросили народ уйти, желая уснуть, после того, как удалились, по своей воле, руководители собрания».

Из приведенных сведений видно, что сравнительно очень мало имеется данных о племенном составе сельского населения восточного Ширвана. Чаще всего упоминается какое-то *племя Падар*, которое называется вместе с тем племенем очень склонным к грабежу и воровству. Важно с нашим сведениями сопоставить сведения, приводимые царевичем Вахушти в его Географии Грузии[1]), из которых видно, что какие-то падары были и в совершенно другом конце Азербайджана, а именно, на дальнем западе Азербайджана, и на границах Грузии, почти по верхнему течению р. р. Алазани и Иоры. Он пишет: «от Хоранны до Кизики и, идет поле, называемое ниже обрыва к Алазани, Цинаминдори, . . . над обрывом, вместе с Карагаджи,—Упадари, (390) и это хорошее место для охоты. В старину же были тут и населенные селения, но после прибытия Берки, все подверглось разорению. Кроме того, в старину были поселения христиан в излучинах Алазани, но впоследствии (взамен их) поселили Элов, особливо же ханы, которые поселили элов-падаров, (народ) большой многочисленный; но и их вместе с элами иорского побережья выселил шах Надир».

В примечании (390) к этому тексту переводчик М. Джанашвили добавляет, что местность Карагаджа и Дедоплис-цкаро (Царские Колодцы) до слияния Иоры с Алазанью с XIII в. стала называться Уп‘адари, и в это время тут появились селения монголов—П‘адарло, Муг‘анло.

[1]) **Вахушти** царевич. География Грузии. Перевод М. Джанашвили. Тифлис. 1909.

Следует отметить также, что в истории первых сефевидов (при Тахмаспе I в начале его царствования) шейх Падарский играл известную, довольною видную роль (упоминается Корча-баши-Падарский).

Остатки этого племени, очевидно, сохраняются и теперь еще в нагорной части Шемахинского уезда, к с.-з. от Шемахи, где падары являются более или менее значительной группой населения.

Кроме того, имя падаров сохранилось в названиях многих селений, существующих и до настоящего времени и притом в местах, совершенно, удаленных друг от друга, таковы:

селение Падар около Закатал, верстах к 10-15 к югу;

селение Падар в 5 верстах к западу от Ниджа, в Нухинском уезде;

селение Падар-Гюльмали в 30 верстах к северу от Кюрдамира;

жел. дор. станция Падар, в 30 верстах к востоку от Кюрдамира, очевидно, получила свое имя от одноименного населения, когда-то здесь аходившегося;

сел. Падар, на реке Акере, при впадении в нее р. Кичик-чай, в Курдистане, в бывшем Зангезурском уезде;

затем ряд селений около Дербента:

сел. Падар, в 20 верстах к северу-западу от Дербента; там же сел. Армуд-Падар;

сел. Падар-Шабран, в 10 верстах к сев. от жел. дор. станции Дивичи;

сел. Руди-Падар, в 5 верстах к западу от Хачмаса.

Все это показывает, что некогда племя падар было распространено в Азербайджане очень широко, оставив следы своего пребывания в столь отдаленных друг от друга местах.

К сожалению, скудость имеющихся пока на лицо материалов не позволяет составить более определенное заключение о происхождении, количественном составе и роли этого племени.

Проф. И. МЕЩАНИНОВ.

Основные начала Яфетидологии

Краткий очерк основных положений яфетидологии.

(Доклад, читанный на заседании Истор.-Этногр. Секции О-ва 21/XI 1925 г.).

Зародившись на почве Кавказа, яфетическое языкознание ныне далеко ушло за его пределы и в процессе расширенных работ изменило самый взгляд свой на взаимоотношение языков различных семей народов.

Выделение языков Кавказа в особую группу не представляло чего-либо неожиданного, на эти языки уже принято было смотреть, как на языки самодавлеющие, более того, новым и в значительной степени неожиданным явилось утверждение Н. Я. Марра о родстве этих языков, в частности грузинского, с языками семитическими. Положение это было высказано в одной из первых работ Н. Я. Марра, в его Основных Таблицах.

Зная практически грузинский язык, Н. Я. Марр приступил к теоретической его разработке уже после углубленных занятий над армянским. В результате явилось новое освещение последнего, не как индоевропейского, а как языка постолько же индо-европейского, как и яфетического. Всплывшее в нем наличие, тогда противополагавшихся, как не родственных, норм арийских языков и языков кавказских, привело к утверждению, что языки Армении на половину индо-европейские, на половину кавказские и выделение в них элементов последнего выявилось в целой серии работ, об'единенных общим заглавием «Яфетические элементы в языках Армении».

Не касаясь индо-европейской части в этих последних и налетов индо-европеизма в речи других народов Кавказа и Закавказья, Н. Я. Марр, после длительного исследования грузинского и армянского языков древне литературных, средневековых и новых, приступил к уточнению взаимоотношений внутри самой кавказской языковой группы и привлек в круг своего исследования языки соседящих Грузии народов. В процессе работ в этом направлении, анализ языков мегрельского (иверского) и чанского (лазского) совершенно отстранил всякую возможность видеть в них одни лишь диалекты грузинского. Таким путем, на сцену стали выступать самостоятельные языки той же кавказской ветви и языки эти, по характе-

ризующим их особенностям, поддались определенной группировке с основным делением на языки сибилянтные с господством свистящего слоя (грузинский) и шипящего слоя (мегрельский, чанский) языки спирантные мешаные со свистящим (абхазский) и шипящим (сванский) и языки сонорные, пока не подвергшиеся еще уточнению. Такая группировка на почве сравнительного изучения названных языков выявила звуковые их соответствия, установив акающий по преимуществу характер свистящих, окающий шипящих и екающий спирантных и ряд согласных соответствий с характеризующими «s» свистящих, «ш» шипящих и «h,к» и т. д. спирантных с их рядами сложных зубных звуков, аффрикатов. В итоге получился не напечатанный, но проработанный для чтения, курс «Сравнительного яфетического языкознания», краткие выдержки из каковой и помещаются в виде приложения к настоящей моей заметке.

Работа над языками кавказских народов поставила на очередь изучение хронологически более древних памятников письма, именно мертвых клинописных языков, к которым и перешел Н. Я. Марр, остановившись, главным образом, на эламском, в частности на языке 2-й категории Бегистунской надписи (ново-эламском) определившемся, как яфетический сонорной группы, и на языке древнего Вана (халдском), по структуре своей оказавшемся спирантно-шипящим, то есть типа сванского, мегрельского и чанского.

Углубление занятий над письменными языками, хронологически в историческом аспекте наиболее древними из числа всех пока привлеченных к исследованию, поставило на очередь еще и раньше остро чувствовавшийся вопрос об отношении письменных языков к живой речи, что привело к признанию необходимости сосредоточить исследовательский труд на собирании материалов и изучении безписьменных языков современного населения Кавказа.

Только после длительной и упорной работы над языковыми материалами Кавказского перешейка и Закавказья представилось своевременным пойти по пути намечавшегося в научной литературе указания на родство с языками Кавказа языков этрусского и баскского. Теоретическая проработка их по имеющимся печатным пособиям и поверка материала работами на местах древнего поселения этрусков и современного населения басков Франции и Испании, установила не только родство их с кавказскими языками, но и самую принадлежность их к числу яфетических.

Тогда стал вопрос о генезисе этих языков и об отношении населения Средиземноморья к населению Кавказа.

Стойко сохранившаяся на Кавказе и, именно, здесь оказавшаяся в громадном своем разнообразии яфетическая семья народов естественно привела на мысль, что яфетические народы Средиземноморья являются выходцами из Передней Азии и в частности из при-араратского района, в топонимике и племенных названиях которого господствует основа «ras (rош)», наличная, как в названиях Урарту, Арарат, так и в имени этрусков-расенов. Впрочем, от этой мысли пришлось вскоре отказаться, так

как самостоятельные изыскания, главным образом, в области топонимики Средиземноморья, вскрыли целые ряды яфетических названий, рассеянных по всем прилегающим к морю странам и по островам от Испании до Кавказа, при чем наметился путь и дальше на восток, где современный язык при-памирских вершиков-бурешиков выявил яфетическую его принадлежность.

При таком положении стали рискованными и бесцельными поиски центра распространения яфетической расы и исследовательская работа привела к установлению третьего этнического элемента в созидании Средиземноморской культуры, то есть до индо-европейской и до семитической расы, когда то раскинутой по всему обширному району юга Европы и Передней Азии и потом залитой семитическою и индо-европейскою волнами с сохранением нетронутыми оазисов на Пиренеях, Кавказе и в Средней Азии у Памира. Такая постановка, потом тоже видоизмененная, повела к прослеживанию яфетических пережитков в языках современного населения Европы, в языках романских и германских и, в то же время, вполне подтвердила невозможность наименования этой языковой группы по названию одного какого-либо района, хотя бы Кавказа, так как и в нем мы имеем, хотя и сохранившийся до настоящего времени, но лишь незначительный пункт, когда то обширного района поселения этого третьего этнического элемента. Поэтому естественным оказалось удовлетворение, что исследуемой языковой группе присвоено не территориальное наименование, а условный библейский термин «яфетический».

Дальнейшие уточнения стоят уже в тесной связи с работами палеонтологическими.

Исследование племенных и топонимических названий свело все их к весьма ограниченному числу основных племенных терминов, чаще всего имеющих основы «rош», «ber», «sal» и yon», которые, в свою очередь видоизменением согласного элемента расширяются до семи и более и, с другой стороны, сужаются до трех: «rош» «ber» «sal». Эти же племенные названия были уловлены в названиях небес во всех трех их яфетидологических аспектах, то есть верхнего (неба в собственном смысле), неба среднего (земли) и неба нижнего (преисподни, она же вода). Таким образом, выяснилось, что каждое из указанных основных племенных названий есть в то же время и название неба. Но имя неба передалось и его дериватам, в частности и дериватам из мира животных, так, с небом верхним связаны птицы, с небом нижним--существа преисподнии и воды. Следовательно и названия отдельных животных также оказались одной основы с племенными названиями. То же явление было наблюдено и с именами металлов, Отсюда естественным явилось задание яфетидологии уточнить какие именно животные связаны с каким, именно, племенем и таким животным условно присвоить термин «тотема». И этого рода задание проводится в ряде работ Н. Я. Марра, частью касающихся их попутно («Термин скиф»), частью специально им посвященных («лошадь || птица тотем урартов-этрусков»).

Работа в этом направлении осложнилась новым выплывшим фактом, именно тем, что основные яфетические племенные названия были усмотрены в морфологических частицах, в первую очередь в суффиксах мн числа, что было об'яснено, как семантическое продвижение племенного названия (племя •➢• потомство •➢• дети •➢• множество). С другой стороны выяснилось, что с племенными терминами связаны глаголы говорить, созидать, строить, двигаться и т. д., так что определенные народы рошат, салят, берят, ионят в различных значениях говорения и действия. Факт сам по себе весьма важный и об'яснение ему напрашивалось то, что в длительном процессе развития человеческой речи действие связалось с самим деятелем, то есть оказалось внешним проявлением самого человека, точнее самого племени. Равным образом, племенные названия ярко выявились в социальных терминах, как племя поработитель и как племя порабощенное.

В процессе работ в этом направлении на первое место выдвинулась семантика и стали прослеживаться семантические ряды, улавливаемые по данным материалов яфетических языков, как-то: «небо •➢• верх •➢• гора•➢•голова» и т. д., и по мере накопления этих данных яфетидология все глубже и глубже уходит в процесс созидания человеческой речи, а в связи с этим, в значительной мере меняются прежде высказываемые яфетидологиею положения и выдвигается целый ряд новых вопросов.

Так, в процессе исследовательской работы, все более и более выясняется, что основные яфетические племенные названия «rош», «ber» «sal» с их дериватами лежат в основе всех семантических рядов, восходящих к племени и небу, то есть лежат в основе всего человеческого словотворчества определенного периода, когда небо заняло в человеческом миропонимании главенствующее место. Но те же основы племенных терминов лишь преемственно перешли к периоду особого почитания неба и связались с ним вовсе не как им созданные, а как термины первичные. Между тем, племя, как уже развитая форма человеческой общественной жизни, могло быть деятелем усовершенствования человеческой речи, а не творцом ее. Следовательно, «rош», «ber», «sal» и другие были изначала не племенными названиями, а терминами иного порядка, приближающимися к основным выкрикам человека.

Засим, с такого рода племенным названием могло связаться название животного, дерева, металла и проч. вовсе не как «тотем», хотя бы и в условном его понимании, а просто в процессе его приурочения определенного названия определенному существу или предмету.

И далее, палеонтологические изыскания в этих своих работах устанавливают на основании яфетических языковых материалов особенности не одних только яфетических языков. Такие положения, как образование человеческой речи путем скрещения, являются, конечно, общими положениями вообще для всего процесса словотворчества. Равным образом, признание возможности образования и параллельного развития человеческой речи во многих местах, а не в едином центре, касается не одних только яфетических языков.

И, наконец, если в палеонтологических изысканиях мы выходим за рамки расового словотворчества и, если к тому же, исторические наблюдения указывают нам на то, что раса и язык могут не совпадать, то вправе ли мы на основании яфетического языкового материала басйейна Средиземного моря говорить о яфетической расе, как о третьем этническом элементе в созидании средиземноморской культуры?

Ответ на последний вопрос в категорической форме был дан академиком Н. Я. Марром в 1924 году в серии докладов Академии Наук и формулировка последних достижений яфетидологии выявляется в следующем виде: яфетические языки представляют собою не расово обособленную группу, а определенную стадию развития языков вообще. Эта стадия, под давлением определенных видоизменившихся условий общественной жизни, переродилась на континенте Европы и Азии в индо-европейскую и от этого процесса перерождения по каким то причинам, уцелели лишь языки баскский на Пиренеях и кавказские, сохранившиеся на предыдущей яфетической стадии. Равным образом, ответвлениями от языков яфетической стадии являются языки хамитические и семитические, чем и об'ясняется отмеченное еще в самом начале научной деятельности Н. Я. Марра родство грузинского языка с семитическими. Естественно, что при таковом положении дела языковедных изысканий, должен был стать вопрос об отношении к яфетическим языкам других, еще не перечисленных здесь, так называемых основных языковых семей. И вопрос этот, в части языков угро-финских с одной стороны и монгольских, турецких с другой, становится на очередь в самое последнее время в связи с работами Н. Я. Марра текущего момента над языком чувашским, по структуре своей яфетическому, и другими языками Волго-Камского района.

В этом кажущемся нагромождении противоречивых данных и заключается интерес яфетидологической работы, но здесь нет противоречия, а есть целый и может быть длинный ряд невыясненных и пока спорных вопросов, есть и ряд высказанных Н. Я. Марром положений, от которых он в процессе работ вынужден был отказаться.

Самым характерным для живой работы яфетидологии оказывается то, что с установлением яфетического периода развития человеческой речи неопределены еще границы этого периода и не уточнены еще не только причины перехода в следующую стадию, но и главные особенности этого перехода, главные существенные отличия его характеризующие. Далее, если мы в доживших до нас яфетических языках баскском, кавказ ских и других имеем конечный в современном его состоянии период стадии, то где ее начало и должны ли мы это начало стадии определять по существующим яфетическмм языкам или по каким либо иным основаниям. В частности, представляет ли собою яфетическая стадия первичную для человеческой речи, или же ей предшествовали другие? Все эти вопросы только что намечаются для более определенного ответа.

В процессе их разработки уже и раньше вставал вопрос об особом значении неба. Оно в казанных выше трех своих плоскостях ярко выразилось

не только в семантических рядах, прослеживаемых по лингвистическим материалам, но и в самом миропонимании человечества, отразившемся и в дошедших до нас мифических сказаниях о семи яфетических небесах, о дуализме добра и зла, о борьбе доброго начала со злым,как раздвоившегося, когда то единого божества, о дереве, женщине и воде и пр. Небо усмотрено в целом ряде терминов культового порядка, частью сохранивших свое культовое значение, частью его утративших, частью в своем семантическом продвижении перешедших на предметы обыденного порядка, как-то «небо •➤• гора •➤•храм•➤•дом», или «небо•➤•божество•➤•властелин», или «вода•➤•милость» и др. Небо же связано с понятием круга, отсюда года. Его основы носят небесные светила и связанные с небесных миром птицы. Но, единое небо троится в своих плоскостях и оно же оказывается водою, морем, которое в свою очередь проявляется в своих дериватах. Название его совпадает и с племенными терминами. Этот богатый период поклонения человека перед небом и выдвигание его на первый план занял значительное место в работах Н. Я. Марра и, как гнездо празначений в достаточной мере ярко выразился в серии небольших сообщений, напечатанных докладах Академии Наук за 1924 год. Его, в отличие от периода яфетического, Н. Я. Марр называет в некоторых своих работах периодом ураническим.

Но если этот период и должен быть выделен в особую стадию развития человеческого мышления, а по влиянию .его на словотворчество и в особую стадию развития человеческой речи, то все же он относится к развитой и общественно довольно осложненной эпохе человеческой жизни и не мог включить в себя период созидания речи.

С другой стороны, рядом с логически нами осмысляемыми семантическими рядами, материалы яфетических языков выдвинули и такие семантические ряды, которые толкованию не поддавались, так, «вода•➤•дерево» могло иметь об'яснения, как нижнее небо (вода) двуликое в своих функциях подателя жизни и смерти; в ней приобретает герой силу для совершения земных подвигов, но в нее же он погружается по смерти. Этот дуализм присущ воде именно потому, что она есть небо в нижней его плоскости. В христианстве ту же роль играет небо среднее (земля), из которой сотворен человек и в которую он уходит по завершении земного странствия. Человечество здесь лишь поднялось на одну плоскость выше. И если вода есть подательница жизни, то и дерево может быть связано с нею тоже, как подательница жизни, как священное древо, равным образом двуликое в своих качествах познания добра и зла. Но такой хорошо известной яфетидологам семантический ряд, как «вода•➤•женщина•➤•рука» смущал до самого последнего времени. Если женщина, как подательница жизни, может быть соединена с водою, в тех же ее функциях, то рука все же стоит обособленно, так как присвоение ей такой роли представляется в значительной мере натянутым. Но отказаться от такого семантического ряда яфетидология не могла; слишком ярко выступает по данным яфетических языков именно этот ряд, и яфетидология повторяла его, констатируя факт, но не давая приемлемого об'яснения.

В самое последнее время, в текущих работах 1925 г., рука и ее дериваты подверглись особому исследованию в зависимости от наличия ее в отмеченном выше семантическом ряде. Взятые сами по себе, как исходный пункт своих семантических рядов, термины связанные с рукою дали весьма обильный материал, при чем во многих случаях получились семантические ряды, совпадающие в своих конечных звеньях с рядами неба, например: «небо→божество→владыка→власть→правитель» и «рука→владеть→власть→правитель», или «небо→вода→рождение→созидать || творить→делать» и рука→делать→созидать→творить». Ряды эти, устанавливаемые на основании лингвистического материала, поставили в начало рядов и небо и руку, но не связали их, как дериваты одного из другого. Таким образом, рука и небо выявляются, как равноправные и исходные пункты целых последовательных серий терминов и, если можно было говорить о небе, как центре человеческого миропонимания определенной эпохи, то данные яфетических языков выдвинули и руку, как характеризующий фактор человеческого мышления тоже определенного периода. Рука лежит в основе целого ряда глаголов выражающих разрушительное или созидательное действие, целого ряда слов означающих господство и власть, рука лежит в основе названий числительных. Но если многие термины тяготеют и к небу и к руке, то все же семантическое продвижение понятий идет у них по совершенно различным основам осмысления. Так, в рядах с небом ясно выступает, как фактор семантического движения отвлеченное мышление с религиозным оттенком (небо→божество→власть), тогда как в рядах с рукою ощущается производительный принцип (рука→брать→владеть→власть). Оба направления в корне своем различны и параллельное их возникновение в одном периоде неестественно, и сам человек в обоих периодах предоставляется различным, в одном как мыслитель, а в другом как практик.

Напрашивающееся об'яснение чисто практического значения руки как орудия действия ведет и к признанию ее орудием выражения человеческой мысли. Здесь мы переходим к языку жестов, особенно наглядно выявляющемуся в языковых материалах, свидетельствующих о наличии основы со значением руки в различных наименованиях числительных. Язык жестов мог существовать и одновременно с фонетической речью; пережитки его, быть может, улавливаются даже и при современных нам развитых способах выражения мысли голосом, но появление этого языка, языка жестов, едва ли одновременно фонетической речи. Есть более оснований предполагать о предшествовании первого последней. В таком случае представляется возможным выделение языка жестов в особую стадию, все сглаживающиеся пережитки которой оставили глубокие следы и в самом словотворчестве, именно в той роли, какую рука сохранила в указанных выше семантических рядах уже фонетической речи. Отсюда возможен и тот архаизм, который мы находим в наличии термина рука, как одноосновного с названием неба.

Эти данные, намечаемые яфетическим языкознанием, конечно представляют собою только предположительные толкования тех фактов, ко-

торые выдвигаются лингвистическими материалами и находятся в процессе разработки и накопления материалов, но все же факт наличия таких семантических рядов остается фактом. Дело яфетидологии уточнить эти данные и собрать новые, но одновременно, естественно, возникает желание и осмысления этих данных, их об‘яснения, хотя бы подчас и гипотетического.

Процесс языковой жизни, по данным языкового материала, представляется длительным и непрерывным. Языковые стадии не являются самостоятельными обособленными периодами, они переплетаются одни с другими в общем движении человеческой речи и элементы одного пережиточно сохраняются в последующих, при чем то же явление окружающего человека мира получало новое осмысление, хотя бы и сохраняло прежние формы внешнего выражения его понятия жестами и словами. Впрочем, яфетическое языкознание вовсе не берет своим заданием исследование, именно, языка жестов, как такового. Язык жестов вовсе не есть яфетический материал и он может стать об‘ектом исследования яфетидолога только, как фактор, отразившийся в словотворчестве более богатой разнообразием внешнего выражения фонетической речи, оказавшейся более восприимчивою и сохранившейся до настоящего времени, пока без замены каким либо иным способом общения людей друг с другом.

Если, переходя к звуковой речи, человек уже обладал развитым мышлением, то, в процессе усовершенствования способов передачи своей воли и мысли словами, человек должен был сохранить отголоски предшествующей стадии языка жестами. Здесь палеонтология речи доходит до одного из основных вопросов общечеловеческой культуры и разрешить этот вопрос одними лингвистическими материалами, конечно, невозможно. Тут необходим параллельный исследовательский труд лингвистики, антропологии и в значительной степени изучение памятников материальной культуры, именно, до-исторической археологии и в частности археологии каменных веков до самых глубин палеолита включительно. Что же касается одних лингвистических материалов, то, судя по ним, такая связь была и легче всего, именно, ею об‘яснить восходящие к руке такие семантические ряды, как ряды с числительными и ряды с глаголами: «указывать», «звать» и т. д., свидетельствующими об особом значении руки в процессе словотворчества. Этот исходный пункт семантических рядов, рука, яснее всего может быть об‘яснен, как пережиток того времени, когда сама рука служила орудием выражения человеческой мысли.

В результате палентологических изысканий яфетидология выставила несколько основных положений, оказавшихся и методологическими основами исследовательской работы. Таковыми являются покоющиеся на фактах, выявляемых материалами яфетических языков, положения об образовании речи в процессе скрещения, о зарождении ее не в одном каком-либо едином центре и о движении языкового процесса развития речи путем семантических переходов. Методологическим следствием указанных основных положений является задание изучения каждого языка внутри его собственного материала.

Все эти основные положения требуют большой осторожности при учете их во время исследовательской работы. Так, утверждение об образовании речи путем скрещения устраняет наличие чистых языков уже в до-исторические времена. Но положение это остается в силе и для исторических времен, когда в соприкосновение входят уже сформировавшиеся языки и даже их диалекты. Такой процесс смешения диалектов, дающий в результате нечто новое, новый язык, был наблюден проф. В. Я. Владимирцевым в текущем XX веке. Равным образом, утверждение о возможности зарождения языка во многих местах имеет главным образом в виду отрицание единого праязыка, но вовсе не отвергает возможности переноса языка с одного места на другое, например, при переселении племен. Положение же об исследовании языка внутри его самого, конечно, считается с проникновением в язык чужих слов заимствованием их разными путями, хотя бы через торговые сношения. Наконец, положение о развитии человеческой речи путем семантических переходов, то есть продвижением слова по различным значениям, возводит всю развитую членораздельную речь в весьма ограниченному числу основных корней и может повести к утверждению о бесцельности прослеживания самих семантических рядов, так как каждое слово, возводимое к этим основным корням, может иметь всевозможные значения. При таком утверждении мы смешали бы два различных подхода к изучаемому материалу, подход к нему в вертикальном разряде и иследование его в горизонтальной плоскости.

В вертикальном разрезе палеонтологического подхода мы действительно стремимся установить в разбираемом слове его основу, совпадающую с одним из основных названий яфетических племен, то есть возвести это слово к определенному племенному термину, тогда, как в горизонтальном разрезе мы работаем уже над языком в его целом, как в продукте развитого словотворчества, диференцировавшего слова и приурочившего их по определенным обозначениям. При этом, развитая фонетика способна придать однокоренным словам совершенно различную внешность и созидатель человеческой речи, сам человек, вовсе не задается палеонтологическими построениями и несходные по произношению однокоренные слова считает совершенно различными. Для анализа таких слов и возведения их путем теоретической проработки к основным племенным названиям нужно знать законы звуковых переходов и законы звуковых соответствий между различными группами языков.

В работе же над определенным языком мы имеем уже дифференцировавшийся языковый материал, мы имеем обилие основ, хотя бы палеонтологически они и восходили бы только к трем или пяти-семи основным терминам. Следовательно, в пределах определенного языкового материала мы в состоянии прослеживать и семантические ряды и ряды эти будут служить нам подспорьем для установления семантических рядов до-исторической речи человека. Во всяком случае, если мы устанавливаем за небом и рукою основу гнезда празначений, то мы имеем в виду тер-

мины, означающие небо и руку уже в исследуемых нами исторических языках и только на основании проработки этих языков, яфетидология перешла к палеонтологическим исследованиям.

Ясным подтверждением сказанному служит хотя бы следующее: человек, преследуя определенную цель для осуществления своих общественных или хозяйственных потребностей, может сохранить то же название за различными или одушевленными, или неодушевленными предметами, служащими ему для достижения этой цели и, когда в одной из самых последних работ Н. Я. Марра прослеживается семантическое продвижение одного названия по ряду животных, служивших человеку для передвижения, как-то оленю, коню, верблюду, слону, то прослеживание это производится по материалам живых и мертвых, но исторических языков, сохранившим одну основу для наименования этих животных, хотя подобного рода работа непосредственно уводит нас в до-историку, в века слона, оленя и приручения коня. Здесь палеонтология тесно связывается с живым, даже современным материалом, но на нее никоим образом нельзя смотреть, как на препятствие к изучению исторических языков, как на подход, запутывающий исследовательскую работу возведением всего словотворчества к нескольким основным исходным пунктам, условно называемым племенными названиями «sal», «ber» «roш» и др.

Правда, палеонтологический подход вызывает ряд спорных вопросов, но неизбежность его вытекает из самого существа привлеченного к исследованию яфетического материала и лишь благодаря ему, мы получаем возможность подойти и к об'яснению многию явлений морфологии.

Выдвигая положение о первичности упомянутых выше племенных названий, яфетидология переходит и к признанию первичности двухкоренных основ. В определенное время в определенных языках к этим двукоренном основам прибавляется третий согласный звук, которий вростает в корень воспринимаемый уже, как трехсогласный. Таким образом, мы имеем ряд языков, каковые в палеонтологическом разрезе будут восходить к двукоренным основам упомянутых выше яфетических племенных терминов, но в исторической жизни языка окажутся уже трехкоренными. Таковы языки семитические, таков, между прочим, и язык грузинский. Этот наросший третий согласный имеет свою длинную историю, так как и он, в свою очередь, восходит к тем же племенным названиям и представляет собою выветрившийся остаток тоже двукоренного слова.

Процессу выветривания подвергается, как гласный, так и согласный звук и благодаря этому в наличии могут оставаться и тот и другой, при чем они могут оказаться и в начале слова и в его конце. Здесь мы уже переходим к анализу префиксов и суффиксов. Таким образом, по данным яфетидологических изысканий устанавливается, что аффиксы представляют собою пережиток отдельного слова, палеонтологически восходящего к основным яфетическим племенным терминам. Слово это, в процессе жизни языка, приняло служебную роль по отношению к другому слову и слилось с ним в виде придатка к основе, аффикса, или в виде третьего коренно-

го и т. д. Но, если аффикс может сохраниться в форме слога, то есть согласного и гласного, то он может сохраниться и в полном виде племенного термина, то есть двух согласных с огласовкою. В последнем случае он легко может не слиться с основным словом и, получив служебное к нему отношению, сохраниться самостоятельно, но все же он по характеру своему будет тем же префиксом или суффиксом. Такое явление теперь отмечается в языках Волго-Камского района и до известной степени в языке баскском. Впрочем, нужно оговориться, что частичное возведение суффиксных придатков к племенным названиям делалось еще в работах Н. Я. Марра, предшествовавших серии палеонтологических исследований, так, отдельные указания на дериваты племенных названий в формах мн. числа имеются в работах над термином скиф, в халдской Даш-Керпинской надписи и др.; но тогда шла речь только об окончаниях множественности и строился семантический ряд, возводящий эти окончания к именам яфетических племен (племя→дети→множество).

В настоящее время, с расширением об'екта исследования, положение это меняется и теперь на очередь становится вопрос об анализе всех суффиксов и префиксов, не исключая частиц спряжения и склонения, с возведением их к тем же яфетическим племенным названиям, при чем изучаемый яфетический материал выявил интересный факт, свидетельствующий о том, что лучшая сохранность форм вовсе не зависит от хронологической древности языка, в частности многие живые языки Кавказа и даже современный язык басков, в особенности же язык чувашский имеют более цельные, значит по структуре своей более архаичные, формы, чем, напр., языки древнего Востока, до клинописного шумерского включительно.

Впрочем, работа по возведению морфологических частиц и самих слов к основным яфетическим племенным названиям осложняется некоторыми звуковыми явлениями, как общими для всех яфетических языков, так и присущими отдельным из них. Например, склонность первокоренного спиранта к отпадению и наблюдаемая в языках Армении и Халдском такая же склонность начального плавного «r» оставляют иногда однокоренные основы, которые могут быть возведены к различным племенным терминам, так-то «rur→ur» и «hur→ur». Засим, в тех же языках Армении, повидимому и в халдском, наблюдаются случаи сохранения начального «r», но тогда помещается предшествующий ему гласный звук, например, в названии страны Эриа (-хи), реки Аракс'а и т. д. Такие формы, оторванные из их языковой среды и разбираемые сами по себе, поддаются различному толкованию, так, в «Eria», начальное «e» может быть фонетическим придатком для сохранения следующего за ним «r» при основе «ri←rih», но допустимо и отпадение начального спиранта; тогда будем иметь основу «her←er» и суффикс «ia». В первом случае основа будет восходить к спирантной разновидности рош'ского племенного названия, а во втором к спирантной же разновидности саль'ского. Но при анализе этого названия, естественно, не следует отстранять структуру языка его создавшего и нельзя рассматривать его отдельно от других окружающих его топоними-

ческих имен, которые в общей своей массе уяснят имеем ли мы в нем случай отпадения спиранта или же нарост префикса имен места перед начальным «r». Равным образом, учитывая звуковые соответствия «r» свистящей группы—«n» шипящей, по закону «r || nd•➤•n», мы можем сопоставить основы «har» и «hon»; первая будет акающая свистящая, а вторая —окающая шипящая, но, первая («har») считается дериватом саль'ской среды, а вторая («hon») возводится к ионской. Оказывается, что ионская форма есть спирантно-шипящая разновидность спирантно свистящей саль'ской. Если же при выветривании основ, особенно в аффиксах, остается один только гласный звук, то он может быть возведен к любому племенному названию.

Подобные вопросы и целый ряд других не менее сложных вопросов постоянно встают в процессе исследовательской работы, некоторые из них продолжают оставаться спорными, некоторые получают более или менее приемлемое об'яснение, некоторые в полной мере раз'ясняются на основании анализа данного языка. Здесь более чем где либо мы не можем отрываться от самого материала, так как каждый язык имеет свои присущие ему особенности, и каждый язык, хотя он уже и скрещен в самой своей основе и содержит в себе смешение основных яфетических племенных терминов, все же имеет характеризующее его преобладание одних элементов над другими. Например, дериваты ионского племенного названия резче других выступают в географических названиях Армении и древнего Вана в суффиксальной их части, отсюда мы вправе делать заключение об отнесении к этому же ионскому термину и некоторых выветрившихся приставок, так, халдское «q̇i» несомненно ионского происхождения (из «q̇in«), а не саль'ского (из «q̇ir»). Подобные об'яснения должны быть подкреплены примерами усечения в данном языке полных форм в сокращенные и наличия именно таких полных форм. В частности, по отношению указанных примеров, мы их и имеем в халдском, где на ряду с усеченными «q̇i» «di» (Argište q̇i, Ar—di) встречаются полные «q̇in», «din» (Argište-q̇in-i, Ar-din-i), при чем те и другие в одном и том же значении.

Следовательно, основным заднием яфетидологии является проработка материалов внутри самих языков. Такая проработка материала внутри языка тем более необходима, что отдельные языки имеют часто и свои чисто фонетические особенности, о чем уж пришлось говорить выше. Игнорирование же их может повести и к тому, что отдельный гласный или согласный будет принят за выветрившийся остаток племенного термина, когда на самом деле он является лишь чисто фонетическим придатком, появившимся по требованиям местных фонетических особенностей данной речи. Неизбежность же изучения языка внутри его самого, отодвигает сравнительный метод исследования на второй план.

Но и сама постановка в основу исследовательской работы возведения слов к определенным племенным названиям есть лишь методологический прием, так как при этом исследовании мы исходим из стадии племенных образований, которая является вовсе не первичною в процессе

словотворчества. Таким образом, «племенной термин», как исходный пункт исследования, оказывается естественным для племенного словотворчества и методологически условным для стадий, ему предшествующих.

Заканчивая краткий обзор направления яфетидологических работ, я хочу предупредить один вопрос, именно, исследует ли яфетидология, своим палеонтологическим подходом, обще-человеческий язык или же только определенные группы языков, и применимы ли выдвигаемые яфетитологиею положения ко всем вообще языкам? Решительный ответ на этот вопрос может быть дан только по изучению всех языков земного шара. Яфетидология и не бралась за такое задание, но те материалы, которые находятся в ее распоряжении по языкам яфетической стадии, дают основание говорить о до-исторических языках и углубляться ко времени созидания человеческой речи.

С другой стороны, утверждение о наличии яфетической стадии неизбежно влечет за собою проработку и языков, трансформировавшихся в другие языковые стадии, в ближайшую очередь индо-европейских, а на Востоке угро-финских, монгольских и турецких. К параллельному изучению семитических языков уже было приступлено, говорить же о других языковых семьях пока не приходится. Яфетидология до настоящего времени тщетно выжидает подобной же проработки этих языков в среде их специалистов с учетом яфетидологического языкового материала и, выдвигая палеонтологический метод, стремится к накоплению материала, к обогащению словарного запаса и, в процессе работ, обращает особое внимание на топонимические термины, как сохранившие наиболее архаичные основы.

Весьма существенным представляется мне и следующее заключение: яфетический метод называется лингвистическим лишь потому, что он возник на языковых материалах и применяется к исследованию человеческой речи. Но человеческая речь есть только одно из проявлений духовной человеческой культуры. Основные положения яфетического языкознания, выдвинутые по данным яфетических языков, о трех плоскостях неба, о дуализме божества в образе добра и зла, о творческом начале воды, женщины и дерева находят себе прекрасное отражение в древнем мифотворчестве и в фольклоре.

Но на этом вовсе не заканчивается круг научных изысканий, для которых яфетидология является не столько пособным материалом, сколько даже неизбежным сотрудником. Остается еще громадная область проявления духовной и общественной жизни человека в творимых им памятниках материальной культуры. В археологических работах в неменьшей степени применимы те указанные выше основы, которые служат руководящими при лингвистических изысканиях, как то, роль сокращения, параллельное развитие форм во многих местах и связанное с этим прослеживание процесса развития на месте. И в археологических работах придется натолкнуться на вопрос о роли скрещения форм рисунка в развитии художественного творчества. Археологии придется также углубить вопрос

о независимом зарождении сходных форм орнамента в различных местах, как следствие развития самого рисунка в преемственных стадиях жизни исскуства данного района; выдвижение же отдельного термина в основу целого ряда семантических звеньев может найти параллельные явления и в самом сюжете изобразительного искусства, далее в археологической орнаментовке улавливаются также отдельные стадии развития ее, напр., стадия линейного рисунка (геометрический орнамент) и т. д., стадии переходящие одна в другую и нередко развивающиеся параллельно и самостоятельно в различных местах земного шара, как продукт общечеловеческого творчества.

При таких условиях может оказаться допустимым, что в процессе саморазвития в разных местах окажутся сходные по трактовке изделия уже хорошо развитого художественного периода без взаимного их влияния одного на другой. При чем также, как и в развитых языках, где могут оказаться слова сходные по внешности, но различные по значению и различные по происхождению, так же и в развитом искусстве различных стран одинаковый рисунок может в разных местах оказаться совершенно различного происхождения, так например, известное изображение передающихся темных и светлых квадратов, называемое шахматною доскою, во многих местах имеет совершенно различный смысл то земли, то воды и т. д., иногда она является дериватом изображдния горы, рыбы, а в австралийском рисунке даже лягушки. Можно ли отсюда заключить, что рисунок шахматной доски зародился в одном каком то месте и оттуда распространился по свету, получая всевозможные значения, и следует ли искать единый центр, являющийся его местозарождением. Едва ли. Скорее всего, мы имеем здесь самостоятельное появление сходного рисунка во многих местах. И во многих местах рисунок этот может оказаться дериватом совершенно различных праформ.

При таких условиях, поиски единого цвета происхождения мировой культуры, так же, как и поиски единого центра возникновения человеческой речи, то есть возведение их к единым пра-культуре и пра-языку, предоставляются, с точки зрения яфетидологии, бесцельною тратою сил.

Но, как при лингвистических, так и при археологических изысканиях, яфетидология делает ту же оговорку: она вовсе не отрицает возможности ни заимствования отдельных форм, ни влияния одной культуры на другую, ни даже переноса ее в процессе переселения племен. Все это допустимо, как отдельное явление, но это не общее правило. Яфетидология настаивает на том, что одному только сравнительному методу нельзя придавать решающего значения. Нельзя говорить о родстве культур лишь на основании сравнения отдельно взятых форм орнамента, так как сходные формы могли появиться и независимо друг от друга путем развития рисунка на месте, путем местного творчества. Сравнение может иметь силу только тогда, когда оно не ограничивается одним лишь сопоставлением, но когда оно считается с генезисом данного слова или рисунка и когда учтены условия жизни их в обстановке данного культурного района.

Июль—ноябрь 1925 года. Ленинград-Баку.

Проф. В. В. СЛАДКОПЕВЦЕВ.

Основные разделы программы собирания материалов по вопросам театра.

(Доклад, читанный на заседании театральной Подкомиссии О-ва 26 октября 1925 года).

История театра. Театральная игра. Содержание театральных игр. Участники театральной игры. Организующая воля. Стихийное оформление. Стиль эпохи. Стиль нации. Стиль, связанный с полом. Стиль, связанный с возрастом. Целевая установка театральных игр. Удовольствие от театральной игры. Художественное оформление. Стиль автора. Основные художественные мотивы, руководящие автором. Методы художественной композиции. Стиль предмета. Стиль материала. Театр, как искусство. Место театральной игры в личной и общественной жизни.

Если под историей театра понимать восстановление во временной последовательности той части жизни человечества, которая так или иначе связана с театром—в его статике и динамике, то под историей Тюркского театра нам придется понимать восстановление во временной последовательности той части жизни тюркского народа, которая так или иначе связана с театром—в его статике и динамике. Трудности, которые встречает в своей работе всякий историк, усугубляются для историка театра тем, что самое главное в театре—исполнение—исчезает бесследно и историку театра приходится производить конечную синтетическую работу на основе анализа источников и фактов, имеющих к театру приблизительно такое же отношение, как пустая куколка к вылетевшей из нее бабочке. Этим и об'ясняется, что до сих пор работы по истории театра, сводились к истории драмы и только за последние двадцать лет появились труды, перенесшие все свое внимание на восстановление, бывшего когда то исполнения. Здесь я особенно важным считаю труды M. Herrmann'a и A. Winds'a.

В своем труде—Forschungen zur Deutshen Theatergeschichte des Mittelalters und der Renaissance [1]) M. Herrmann дает целостную реконструкцию спектакля от 14 сентября 1577г. в Нюренберге, в церкви св. Марты. Эта изумительная работа кладет начало целой школе новых историков театра в лице ряда учеников Max'a Herrmann'a. С другой стороны труд Adolf'a Winds'a—Der Schauspieler in seiner Entwicklung vom Mysterien zum

[1]) Труд начат в 1901 году, закончен в 1909, а издан лишь в 1914.

Kammerspiel—[1]) восстанавляет для немецкого театра то, чего нельзя сохранить ни в каких галлереях, ни в каких музеях, а именно,—игру актера в ее развитии и передаче от поколения к поколению.

Работа M. Herrmann'a глубоко научна, работа A. Winds'a, не будучи трудом ученого историка вся пронизана профессиональной чуткостью большого театрального деятеля и педагога. Они взаимно дополняют друг друга. M. Herramann на частном случае блестяще показывает применение исторического метода в области театра, A. Winds, как бы указывает тот путь, ради которого стоит останавливаться на этих частных случаях—путь развития игры актера, этой главной основы всякого театрального исполнения, игры актера, которая исчезает бесследно в момент самого своего появления, умирает в то мгновение, когда она рождается. Если труд M. Herrmann'a и указал нам, как надо обрабатывать материал и каким материалом нам следует пользоваться, если A. Winds и наметил область синтетической обработки восстановленных фактов театральной жизни, то все же не достает работы, которая давала бы возможность массового собирания материала по вопросам театра, не достает программы по собиранию этих материалов. И вот на меня, как научного руководителя Театральной Подкомиссии Общества, падает трудная и ответственная задача дать основу для составления такой программы, которая во всей своей полноте, может быть выработана лишь общими нашими усилиями.

В основу программы собирания материалов по вопросам театра, я кладу свои лекции по театроведению, читанные мною в Киевском Археологическом Институте и на Научно-Театральном Отделении Киевского Высшего Государственного Музыкально-Драматического Института им. Лысенко. Программа эта носит ориентировочный характер для членов нашей Подкомиссии и для тех членов других комиссий и секций, которые захотят нам помочь своими знаниями и опытом. В сегодняшнем своем докладе, как и в дальнейших подробных докладах по каждому разделу программы, я пока не буду касаться вопросов техники собирания и систематизации материалов, а тем более методов их разработки, сосредоточив в первую очередь все внимание лишь на том, по каким областям следует собирать и только частично и попутно, останавливаясь на других вопросах.

Итак перед нами задача собирания материалов по вопросам театра.

Решение всякой задачи практической или теоретической есть организационное действие[2]) «Перед нами задача»... Что означают эти слова? Прежде всего то, что в круг нашего опыта вошло нечто новое. Новое в том отношении, что оно не намечается, как простое повторение прежнего опыта. Жизненный опыт человека в его борьбе за существование направлен на упорядочение его отношений к окружающей среде и не только на упорядочение, но и на преодоление этой среды. И вот, если

[1]) Издан в 1919 году.

[2]) См. А. А. Богданов. Тектология. Всеобщая организационная наука. Петербург. Москва. Берлин. с. 508 и с. 151.

перед нами встало нечто новое, это означает, что перед нами неустроенность, которую необходимо воссоздать в устроенность, дезорганизация или неорганизованность, которую следует устранить.

Человек с его ограниченными силами, завоевывая природу, все свое внимание вынужден употреблять, прежде всего на то, чтобы экономить средства достижения или иначе—целесообразно и планомерно организовывать свой труд. Собирание всякого научного материала соответственно поставленной задаче состоит в том, что отвечающее решению этой задачи сохраняется, неотвечающее устраняется. Такое обособление нужного от ненужного зачастую достигается особыми техническими приспособлениями, облегчающими и упрощающими подбор и, благодаря этому освобождающими значительную долю человеческой энергии. Поскольку здесь подбор выполняется не прямой активностью человека, а иными активностями и сопротивлениями его можно назвать «косвенным трудовым подбором». Одним из самых простых примеров будут механизм обыкновенного сита дли просеивания, устав какого нибудь общества, инструкция, схема.

Сюда же следует отнести и программы по собиранию научных материалов.

Деятельность и покой в их взаимном чередовании заполняют жизнь человека. Деятельность внутри самое себя выявляется, как работа и как игра. К какой же из этих видов деятельности принадлежит театр? К работе или к игре? Уже Kant[1]) указывает на то, что в игре приятен самый процесс, ведущий к некоторой цели, в работе—самая цель. Groos[2]) добавляет к этому, что деятельность в работе носит принудительный характер, в игре—наша деятельность свободна. Мне думается, что сказанного достаточно, чтобы отнести театр к сфере игры, что, конечно, не исключает наличия работы в театре, особенно в его подготовительной стадии, т. е. до того момента, когда исполнители станут играть спектакль. Вряд ли кто будет сомневаться, что театр есть игра общественная. При этом следует заметить, что приятие театра как игры и игры общественной ни на йоту не умаляет достоинства театра и в то же время, как я постараюсь доказать в своих последующих докладах, увеличивает значение этого рода искусства с биологической и социальной точки зрения.

Поскольку мы признали театр игрой и игрой общественной, постольку перед нами резко намечаются четыре основных раздела нашей программы: 1) содержание театральной игры, 2) ее участники, 3) ее организация, 4) ее место в жизни личной и общественной.

Содержанием театральной игры является становление жизни путем подражания ее действительному протеканию. Поскольку общественная жизнь, как и личная, выявляется, как покой и как движение, поскольку «мирное житие» сменяют моменты «житейской смуты», постольку и теат-

[1]) K. Groos. Das Seelenleben des Kindes. Berlin 1923.S.58 Ср. также I.Kant. Kritik Urteils-Kraft. Leipzig. U. Ph. Reclam. S. 170

[2]) K. Groos. Das Seelenleben des Kindes. Berlin. 1923. S. 58-59

ральная игра, как становление жизни путем подражения ее действительному протеканию, может выявлять—то состояние относительного покоя, то борьбу, со свойственным всякой борьбе состоянием напряженности. Поскольку театральная игра, подражая жизни, не воспроизводит ее целиком, а преобразует ее, мы можем говорить не о жизненной напряженности, а о напряженности театральной.

Под театральной напряженностью мы будем понимать—обоснованное, но колеблющееся в своем обосновании предощущение чувства конечной удовлетворенности, вытекающее из возможности наступления или ненаступления определенного производящего впечатление события[1]).

Таким образом, с точки зрения содержания театральной игры, мы будем иметь игры с театральной напряженностью и без театральной напряженности. Первые мы будем называть драматическими, вторые недраматическими. Игры недраматические, в свою очередь, мы разделим на лирические и эпические, в зависимосни от степени раскрытия душевного «Я» участников. Вынесение раскрытия этого душевного «Я» на первое место дает театральные игры лирические, отодвигание этого раскрытия на задний план, почти полное его устранение дает театральные игры эпические.

Распределение содержания театральных игр, будут ли они драматические, лирические или эпические, может быть всегда заранее установленным или каждый раз распределяется по разному, отсюда возникает деление на игры свободной и строгой формы. Наконец, театральные игры могут быть со словами и без слов. Таким образом, наш первый раздел может быть выражен в следующей схеме:

СОДЕРЖАНИЕ ТЕАТРАЛЬНЫХ ИГР:

I. Игры драматические.

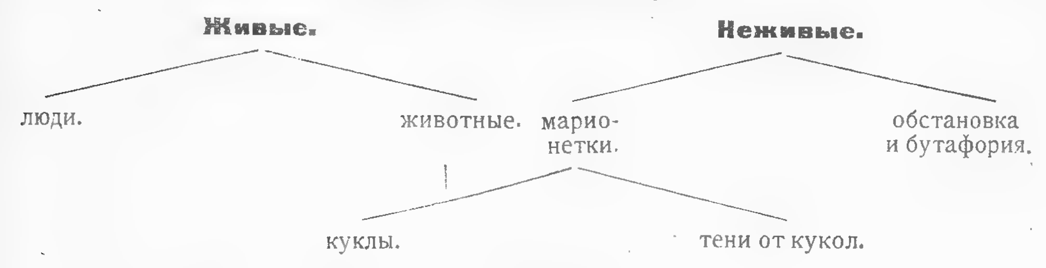
- A. Свободной формы.
  - a. Со словами.
  - b. Без слов.
- B. Строгой формы.
  - a. Со словами.
  - b. Без слов.

II. Игры недраматические.

- **1. Лирические.**
  - A. Свободной формы.
    - a. Со слов.
    - b. Без слов.
  - B. Строгой формы.
    - a. Со слов.
    - b. Без слов.
- **2. Эпические.**
  - A. Свободной формы.
    - a. Со слов.
    - b. Без слов.
  - B. Строгой формы.
    - a. Со слов.
    - b. Без слов.

[1]) Ср.—W. Harlan. Schule des Lustspiels. Berlin. 1903. S. 21.

Участниками театральной игры могут быть живые существа и вещи. С одной стороны люди и животные, с другой подобие людей и животных—марионетки в виде кукол или теней от кукол, а также обстановка и бутафория. Схематически это можно представить себе так:

Остановимся на людях, как участниках театральной игры. Их нам придется поделить на исполнителей и зрителей, оставляя в стороне весь организующий и обслуживающий персонал театральных игр, как не являющийся непосредственным участником в самой игре, хотя бы эта организация и обслуживание и происходили в процессе самой игры Если ребенок нормально развит, то у него всегда есть стремление преображаться, не быть собой и этим развлекать других. У одних детей это стремление остается в зачаточном состоянии, у других, благодаря целому ряду предрасположений и способствующих условий, оно развивается в настоящую потребность и продолжает развиваться и тогда, когда ребенок делается взрослым. Из таких, именно, детей и создаются будущие актеры. Так вероятно было и на заре человеческой жизни. Таким, вероятно, образом и явился первый актер-любитель.

В чем состояли его первые представления мы, конечно, не знаем, но, по аналогии с детьми и народностями, пребывающими в первобытном состоянии, мы можем предположить, что это был танец в самом широком смысле слова, то есть—ритмическое проявление вовне внутренних переживаний при посредстве всех средств изобразительности, присущих человеческому телу.

Это было настоящее красноречие тела, это была подлинная равнодействующая всех средств изобразительности. Тот же самый психологический мотив, который заставляет детей искать общества сверстников для совместной игры и по тем же причинам влечет и первого актера-любителя к такому же любителю-актеру для совместного представления, в его первичной форме—импровизации, но уже с уговором, как и у детей, что будет делать каждый, т. е. с первой импровизационной репетицией.

Неумолимый закон разделения труда все резче и резче разграничивает сферу работы от сферы игры, которые на низших ступенях, развития человечества составляют почти неотделимое целое, где игра лишь об'ективно с нашей точки зрения воспринимается, как деятельность мнимая, а для отдаленных наших предков являлась и об'ек ивно и суб'ек-

тивно серьезной деятельностью. В то же время в сфере самой игры, в начале бывшей, так сказать, целостной и обязательной для всех начинается процесс деления. Игры все более и более специализируются. На усвоение их требуется значительное время, а для исполнения особая к ним пригодность. В сфере игры появляются такие же профессионалы, как и в сфере труда. И вот наступает, наконец, момент, когда актеры образуют особый профессиональный цех, а театр делается производством. Жизненная ценность игры от этого не утрачивается, так как зрители, не затрачивая сил, на длительную теперь, специально техническую подготовку, получают во время спектакля путем внешнего и внутреннего подражания все те уже указанные выше жизненные ценнности, связанные с участием в театральной игре.

Итак, мы имеем исполнителей театральной игры и зрителей. Исполнители могут быть и любителями и профессионалами. Профессиональное воспитание может происходить в процессе самой подготовительной работы и проведения спектакля, оно может достигаться и путем школьной подготовки.

Наше «Я» вовлеченное в театральную игру, происходящего перед нами представления претерпевает ряд психологических изменений [1]). Наше «Я — сознание» не есть конечная неделимая сущность психической жизни. В нем относительно легко различаются два слагаемых: «Я—чувство» и «Я—представление». Понятие «Я—чувство» шире, чем понятие «Я—представление». «Я—чувство» почти тождественно с нашим сознанием и есть тот определенный чувственный тон, та определенная чувственная окраска, которые присущи всем нашим психическим переживаниям и которые определяют данные переживания, как наши.

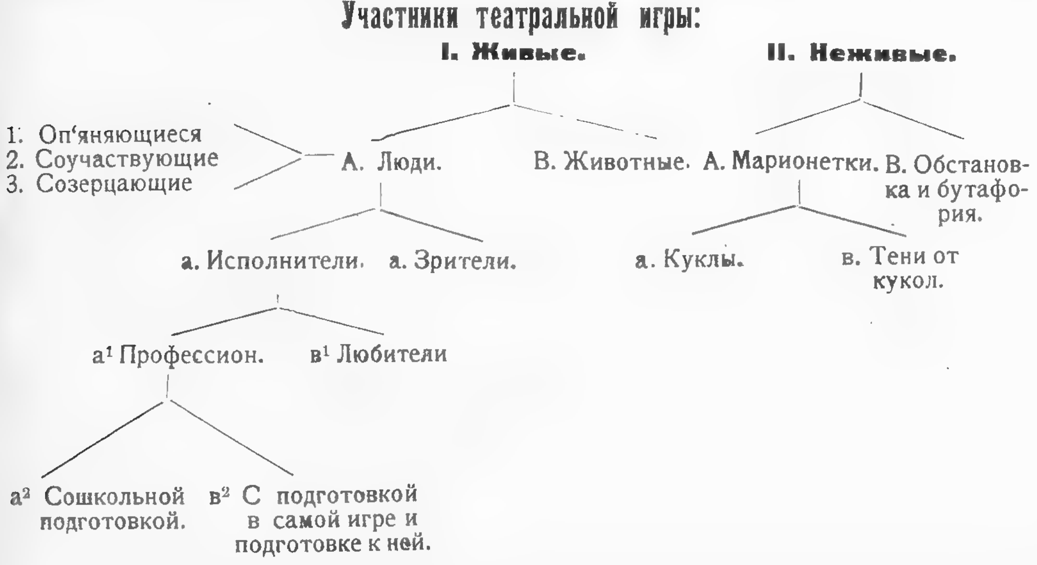
«Я—представление» не всегда с нами: оно то появляется, то исчезает. Это внутренний образ, который мы имеем о нашем бытии и действовании в его целом. О действительной раздельности «Я—чувства» и «Я—представления» говорить не приходится: одно всегда сопутствует другому, но ощущается нами не всегда одинаково ярко. «Я—представление», как уже сказано, не всегда с нами, но оно неустанно стремится появиться в поле сознания всякий раз постольку, поскольку мысль и поступки наши ощущаются нами, как наши и для нас. Всякое эстетическое переживание, в том числе и присущее игре, требует прежде всего оттеснения, как раз, этого нашего обычного «Я—представления», т. е. нашего «Я», направленного на действительность и деятельность. Чтобы лучше понять сказанное, переверьте свои переживания при бескорыстном любовании чужим домом и рассматриванием его с целью покупки для себя. В первом случае налицо, главным образом, «Я—чувство», во втором—«Я—представление».

Однако оттеснение нашего «Я—представления» и даже полное его устранение не исчерпывает собою всех изменений нашего «Я—сознания»

[1]) R. Müller-Freienfels. Psychologie der Kunst. B. I. Leipzig und Berlin. 1912. S. 161—167. Есть второе издание—1923.

Мы можем наше «Я—чувство» подчинить чужим «Я—представлениям». Смотреть на все через чужие очки. Этот психический маскарад и составляет одну из сторон участия и наслаждения зрителя театральной игрой. Сопереживающий зритель чувствует себя больше не Ивановым, Петровым, а Гамлетом, Снегурочкой, в нем уже господствует не его «Я—представление», а «Я—представление» Гамлета, Снегурочки или какого либо иного театрального образа. На ряду с устранением или оттеснением нашего «Я—представления» может быть и такой случай, когда при сильном повышении и охваченности нашего «Я—чувства» налицо бывает и наше «Я—представление». Полное устранение нашего «Я—представления», сопровождающее резкое повышение нашего общего жизнечувствования при театральной игре, ведет к своеобразному чувству оп'янения своими же собственными переживаниями; при подчинении нашего «Я—представления» чужим «Я—представлениям», мы становимся соучастниками театральной игры; при наличии свободного «Я—представления», мы делаемся созерцателями театральной игры. Отсюда три разновидности исполнителей и зрителей опьяняющиеся соучаствующие и созерцающие.

Таким образом, в целом второй раздел программы схематически может быть выражен так:

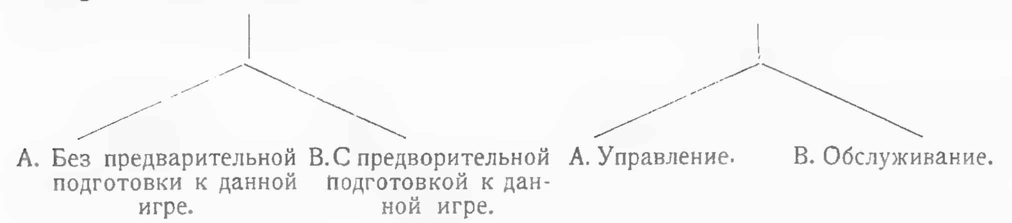
Под организацией я буду понимать такое об'единение данного материала, при котором целое будет больше суммы, составляющих его частей. Мелодия, сыгранная без ритма, равно как и ритм, выстуканный без мелодии производят весьма малое художественное воздействие; об'единенное же действие того и другого дает значительно большее художественное воздействие.

Организация предполагает организатора, организуемое, самый процесс организации и его результат—оформление. Организатором может быть индивидуум или коллектив. Индивидуальная организующая воля может принадлежать либо сильному исполнителю, который, как магнит,

притягивает и подчиняет себе все другие воли, либо—режиссеру. Коллективная организующая воля может быть либо простым согласованием индивидуальных воль, путем определенных индивидуальных уступок, либо совместным действием всех воль с утратой их индивидуальности, либо оборной. т. е. единою волей всех с сохранением индивидуальности каждого. Организующая воля может быть направлена в сторону художественно-творческую и в сторону административно-хозяйственную. Организующая воля, как художественное творчество. Может действовать без предварительной подготовки, и с предварительной подготовкой. Административно-хозяйственная организуюшая воля сводится к управлению и обслуживанию. Схематически это можно изобразить так:

Организующая воля:

Поскольку общие основы организационного процесса не входят в рамки поставленной нами задачи, а специальные уклоны попадут в различные разделы программы, мы не будем останавливаться на данном вопросе и сразу перейдем к организационному оформлению. Здесь мы будем различать оформление стихийное и творческое.

Под стихийным оформлением, оформлением самой жизнью, мы будем понимать тот результат организационного процесса, который образует стиль эпохи, стиль национальный, стиль, связанный с полом, стиль, связанный с возрастом.

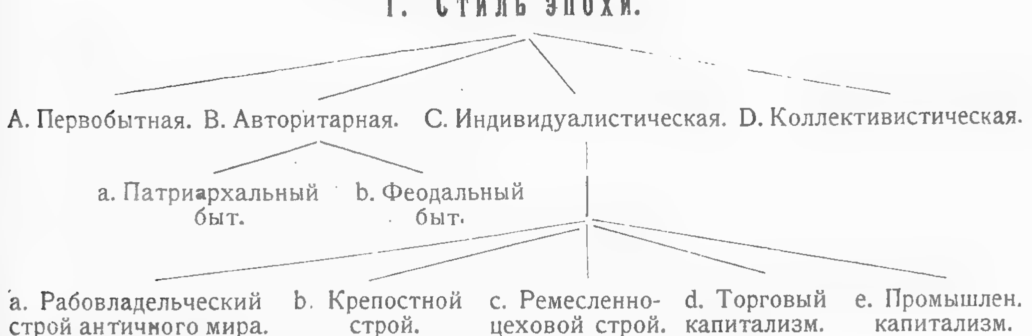
В стиле эпохи мы будет отличать театральные игры в эпохи: первобытную, авторитарную (а. патриархальный строй—в. феодальный строй), индивидуалистическую(а. рабовладельческий строй античного мира—в. крепостная система—с. ремесленно-цеховый строй—d. торговый капитализм—е. промышленный капитализм), коллективистическую.

Может быть нигде не имеет такого значения изучение национального стиля, как в вопросах, связанных с национальными театральными играми. Здесь мне хочется привести несколько соображений высказанных

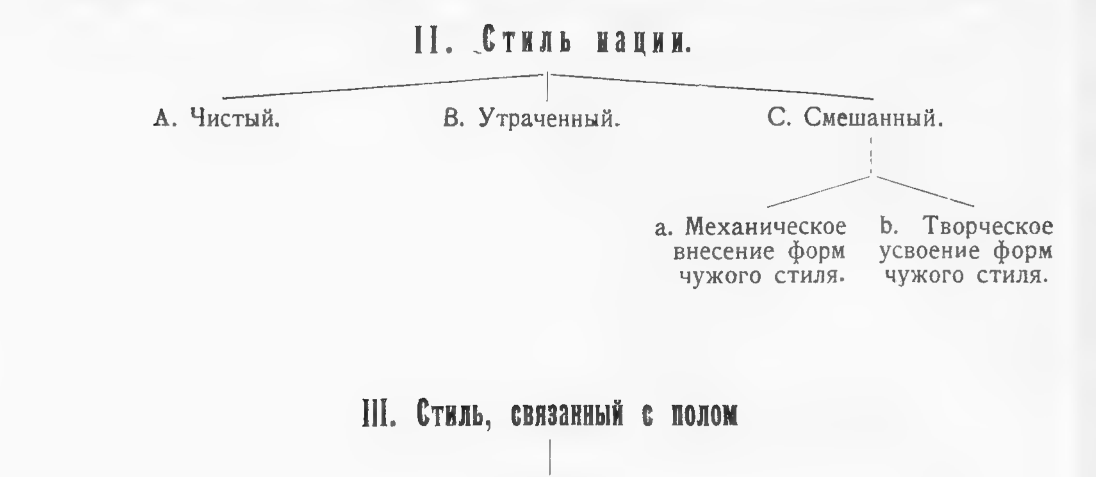
Е. Э. Бертельсом в его книге—Персидский театр [1]). Музыка является наиболее свободной от связи с той почвой, на которой протекает ее развитие. Это язык—понятный всему человечеству и иностранец быстро начинает находить прелести в местной музыке. Она говорит помимо разума прямо сердцу. Живопись уже в значительно большей степени проникается местными условиями. Зритель поймет картину только в том случае, если он знаком с эпохой и страной, к которой она относится. Поэзия, выдвигает необходимость знания языка, а знание языка, хотя бы даже поверхностное, уже предполагает известную попытку проникновения в психологию данного народа. «Наконец, театр наиболее тесно связан с той средой, где он развивается. Для полного проникновения в смысл театрального действа недостаточно знать язык страны, необходимо знание быта, необходимо ощущение ритма жизни народа. Корни театрального искусства внедряются в самую толщу народной среды, в нем, как в фокусе, отражается вся жизнь соответствующего народа, до мельчайших деталей, до мельчайших подробностей.......

Туземный зритель видит на сцене преображение своего быта, видит то, что знакомо ему с детства и дорого ему; малейший жест актера, почти незаметный оттенок в интонации, все это, понятно, вызывает ряд привычных ассоциаций. Для того, чтобы соединиться в этом отношении с туземным зрителем, иностранцу надо годами прожить в стране, проникнуться ее ритмом и, я сказал бы, полюбить ее.

Но если, таким образом, театр представляет особые трудности для изучения, то, с другой стороны, ознакомление с ним наиболее приближает нас к жизни страны, позволяет проникнуть в самые глуби народной психологии и с этой точки зрения является бесконечно ценным и важным». При рассмотрении стиля национального следует иметь в виду, что он может быть чистым, утраченным, благодаря принятию стиля чужой национальности, смешанным. В последнем случае мы имеем два оттенка: а) механическое внесение форм чужого стиля в свой стиль, б) творческое усвоение форм чужого стиля путем преобразования их в свой стиль. Схема настоящего подраздела будет такова:

[1]) Е. Э. Бертельс. Персидский театр. Ленинград. 1924 С. 7 и 8.

III. Стиль, связанный с полом

Участники:

А. Мужчины. В. Женщины. С. И те и другие.

В творческом оформлении мы будем различать эстетическое оформление, идущее навстречу потребности повысить общее жизнечувствование в том или ином направлении и художественное, стремящееся не только повысить общее жизнечувствование в том или ином направлении, но вызвать и удержать его воздействием формы.

Жизненная ценность всякой в том числе и театральной игры заключается в том, что она—1) освобождает излишек накопившейся энергии (H. Spencer), 2) является упражнением и самовоспитанием в опыте бывшем ранее через подражение, предвосхищая будущий жизненный опыт через экспериментирование (K. Groos), 3) пополняет однобокость жизни, вызванную разделением труда (K. Lange), 4) способствует смягчению антисоциальных инстинктов (Stanly Hall), 5) очищает, освобождая от эмоций связанных с антисоциальными устремлениями (Harvey A. Carr-Claparéde) и, наконец, 6) дает отдых, как приятное времяпрепровождение (Shaller, Lazarus, Steinthal). Эти стороны жизненной ценности игры дают нам возможность так схематически распределить театральные игры с точки зрения их целевой установки:

Всякое действие человека, поскольку оно является биологически или социально требуемым, связано с чувством удовольствия.[1]) Чувство удовольствия и неудовольствия поскольку они проявляются в области инстинктов, тесно связаны между собою. В своей простейшей форме это желание и удовлетворение. Удовлеторение - это удовольствие, связанное с ослаблением и успоконием. Удовольствие от игры связано с самим процессом данной игры. Если на пути удовлетворения инстинкта удовольствие венчает конечное звено действования, если при игре оно сопровождает все его звенья, то в творческом акте, чувство удовольствия относится уже к доначальному моменту действия. „Спросите художника, человека науки, изобретателя, спросите любого творящего человека, когда он переживает чувство наивысшего счастья. Не тогда, конечно, когда он продал свое произведение, пожал плоды и может им наслаждаться; и также не всегда во время исполнения этого произведения, которое часто является трудной деятельностью. Но высшим считают зарождение идеи, зарождение и формирование произведения в душе“.

Поскольку театральная игра связана с инстинктивной потребностью к перевоплощению, свойственной многим людям в весьма сильной степени, поскольку мы имеем дело с театральной игрой, поскольку она является почти непрерывным творчеством исполнителей и зрителей, в ней налицо и удовольствие от удовлетворения инстинкта,[2]) и удовольствие от игры и удовольствие от творческого процесса, т. е. и конечный и срединный, доначальный моменты связаны с чувством удовольствия. Отсюда становится понятным увлечение театром и воля к театру.

Удовольствие получаемое от театральной игры, повышая наше общее жизнечувствование должно бы целостно захватывать всего человека, т. е. и его ум, и его чувство, и его волю. Однако это далеко не так и у одних более повышается деятельность ума, у других чувства, у третьих воли. Поэтому мы можем говорить о театральных играх для людей ума,

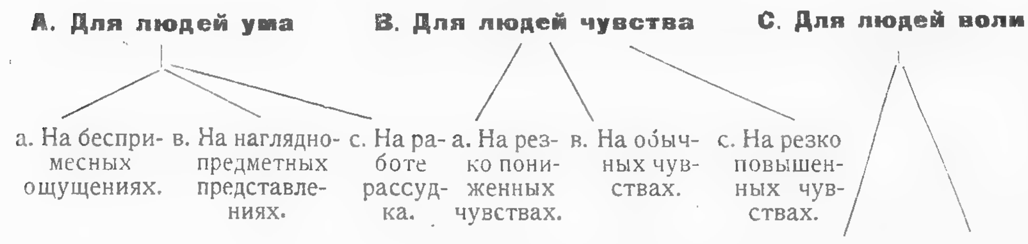
[1])—К. Бюллер. Духовное развитие ребенка. Москва. 1924 г. С. 499—513.

[2])—К. Бюллер. Там же. С. 509.

для людей чувства и для людей воли. Но и в пределах каждой из этих сторон душевной жизни человека опять замечается расчлененность. Одни из людей ума—получают удовольствие от красок, звуков, движений только, как таковых, вне всякой зависимости от того, что этими красками, звуками, движениями выражено или изображено или от того, какие мысли рождаются по поводу данного сочетания красок, звуков, движений. Другие не столько наслаждаются красками, звуками, движениями, как таковыми, а главным образом, тем, что ими выражено или изображено. Третьи исключительно получают удовольствие, благодаря тем мыслям, которые возникают по поводу данного сочетания красок, звуков, движений. В сфере чувства одни предпочитают чувства обычные, другие резко пониженные, третьи резко повышенные. В области воли одни предпочитают, чтобы воля не выявлялась в театральной игре—был бы простой показ, другие хотят, чтообы воля выявилась и показ стал бы вместе с тем и приказом. Схематически это можно изобразить так:

Удовольствие от театральной игры

Основывается:

Переходя к художественному оформлению, мы прежде всего остановимся на стиле автора, т. е. на тех особенностях, которые вносятся в творческий процесс и в его результаты личными качествами творца

Совокупность всех унаследованных и природных предрасположений, присущих данному человеку до всякого его личного жизненого опыта, мы будем называть темпераментом. Или иначе «темперамент—прирожденная способность чувствовать и реагировать определенным образом под влиянием бесчисленных физических и социальных причин, воздействующих на индивидуум». (Х. Инженьерос) [1]. Темпераментом определяются основные жизненные устремления данного человека. Непрерывный процесс приспособления данного прирожденного темперамента к окружающей его социальной среде, есть воспитание в его наиболее общем смысле. Оно зависит от коллективного духовного состояния того общества, в котором живет данный человек. Совокупность реакций при таком приспособлении к специальным условиям данной среды, будет личным опытом данного человека где каждое новое приобретение опыта обуславливается предыдущим и влияет на последующее. Повторение однородных реакций образует привычки. Последствием изменения данного прирожденного темперамента под вли-

[1])—Хозе Инженьерос. Введение в психологию. Ленинград. 1925. С. 162—164

янием воспитания, будет образование отдельной личности, а результат изменений темперамента, под влиянием личного опыта данного человека, будет образование характера. Совокупность же действий, которыми данный человек приспособляется к условиям существования в данной среде, будет его поведением. В данном случае—художественно-творческим.

Для цели нашей программы, это схематически может быть размещено так:

Для создания всякого художественного произведения особо характерны три момента: «1) Художественное переживание более или менее сильно захватывающее художника и возбуждающее его душевную жизнь; 2) влечение или стремление выразить это переживание в художественной форме; 3) старание придать этому выражению форму непреходящего произведения» (E. Meumann) [1]. Последним двум мотивам Meumann придает особое значение, сводя их воедино к влечению художника «то, что он пережил, изобразить—как не преходящее произведение в наглядной чувственно-конкретной форме средствами данного искусства». (E. Meumann) [2]. Для краткости Meumann называет эти мотивы—мотивом выражения и мотивом изображения или произведения (мотивом формы). В каком же отношении находятся эти мотивы друг к другу?

Ответ на этот вопрос находим у того же Meumann'а. «Одним из интереснейших фактов художественного творчества является то, что оба эти мотива в известной мере противостоят друг к другу враждебно (антагонистично) и при известных обстоятельствах даже диаметрально противоположны в их влиянии на искусство. Для понимания отдельных художественных направлений и различных индивидуальностей художников, весьма важно выяснить себе эту противоположность обоих основных мотивов художественного творчества. Стремление к изображению пережитого в непреходящем произведении и в определенной художественной форме должно, именно, по общей своей тенденции необходимым образом задерживать и ограничивать стремление к выражению чувств и, наоборот, стремление к выражению чувств всегда изыскивает тенденцию препятствовать возникновению подлинного художественного произведения в строгой художественной форме. Значит, таким образом, в самом искусстве мы имеем два противоборствующих по своей основной тенденции мотива:

[1]) E. Meumann. System der Aesthetik. Leipzig. 1914 c. 43

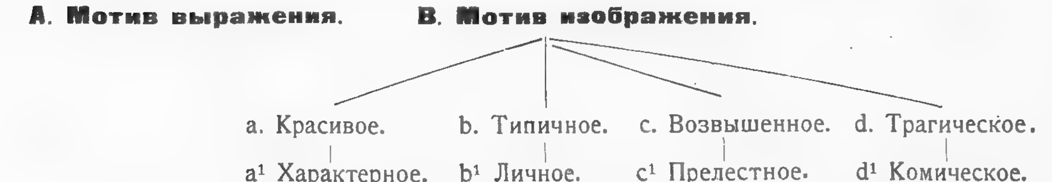
[2]) Там же—S. 47.

мотив выражения и мотив произведения или формы. А из этого следует, что вместе с тем, как тот или другой из этих двух мотивов становится господствующим, должен получиться совершенно различный характер искусства» [1]).

Если мы теперь остановимся на мотиве изображения,, т. е. на мотиве формы, то он с неуклонной неизбежностью направится в сторону основных категорий эстетического: 1) красивого—характерного, 2) типичного—личного, 3) возвышенного—прелестного, 4) трагического—комического.

Схематически это можно выразить так:

Основные художественные мотивы, руководящие автором:

Мы знаем основные художественные мотивы, руководящие автором, знаем, что они направляются в сторону основных эстетических категорий, теперь для нас важно узнать какими композиционными методами создается стиль воздействующей формы. Для этого мы воспользуемся трудом George Lansing Raymond'a—The Genesis of Art Form. [2])

Мы должны поделить методы композиции на те, в которых сказывается, главным образом, действие ума, действие природы и соединенное влияние их обоих. Нашему уму, чтобы разобраться в бесконечном разнообразии жизни, необходимо многое и различное привести к единому и одинаковому. Первое требование, которое выставляет наш ум к художественному произведению,—это требование единства, а этого можно достигнуть только соединяя одинаковое с одинаковым, и ум устанавливает это единство в сходстве. Однако в природе, из которой черпает наш ум материал для художественного творчества, нет двух вещей совершенно одинаковых, отсюда требование в художественном произведении разнообразия, а этого можно достигнуть только соединяя одинаковое с неодинаковым, т. е., устанавливая разницу. Такое соединение единства и разнообразия превращает простое единство в сложность. Сложность есть требование, обусловленное умом и материалом, поскольку мы рассматриваем требования, пред'являемые к художественному произведению, главным образом, умом.

Если мы рассмотрим те же соотношения, как обусловленные, главным образом, требованиями материала, соединение одинакового с неодинаковым мы осознаем, как дополнение одного к другому. При построении

---

[1]) Там же—S. 58—59.

[2]) Издан.—New-York and London. 1909. Краткое изложение в его же—The Essentials of Aesthetics. New-York. 1921. Chap. XIV—XVIII.

же художественного произведения для создания впечатления единства при распределении материала придется расположить его в определенном порядке, внося в него некоторую долю беспорядка и приводя их в состояние противодействия друг другу. Противодействие есть требование, обусловленное умом и материалом, поскольку мы рассматриваем требование, пред'являемое к художественному произведению, главным образом, материалом. Таким образом, мы получим первичную художественную группировку. Для того же, чтобы получилось впечатление не простой сложности, а сложности, где одно дополняет другое, материал придется расположить так, чтобы сходное стало главенствующим, а несходное подчиненным и, чтобы между этим главенством и этим подчинением установилось равновесие. Тогда от первичной художественной группировки, мы перейдем к органической художественной форме.

Теперь рассмотрим методы художественной композиции, обусловленные самим художественным произведением. Художественное произведение либо может действовать на наш ум, будя в нем те или иные ассоциации, внушая те или иные образы—либо может воздействовать непосредственно на наши чувства, главным образом, на зрение и слух самим оформлением данного материала,-либо совместным действием частью на наш ум, частью на наши чувства, одновременно пробуждая свободные (ум) и принудительные (чувство) ассоциации. Единство устрояется группировкой по сходству около некоего центра соответственным расположением входящих в эту группировку частей, то есть-соответствием с центральной точкой, обрамляющего ее окружения. Об'единенное же воздействие этого соответствия и несоответствия приводит, благодаря параллелизму расположения входящих в эту группировку частей, к особенной широте ассоциативного воздействия. Все это вместе приводит к новой группировке—симметрии.

Единство следующей группировки достигается через повторение одинаковых элементов и скучивание их . Разнообразие изменением повторности и некоторым рассеиванием господствующего скучивания. Повторение, об'единенное с изменением повторности, скучивание, об'единенное с рассеиванием, приводят с одной стороны к чередованию— с другой к усложнению, образуя группировку, сущность которой сводится к непрерывности. Единство последней группировки достигается через согласованность и постепенность, разнообразие через несогласованность и внезапность. Согласованность, об'единенная с несогласованностью, постепенность, об'единенная с внезапностью, приводят с одной стороны к последовательности— с другой к переходу, образуя группировку, сущность которой сводится к наростанию. Органическая форма и симметрия на основе продолжительности во времени, протяженности в пространстве, ударности в звуке и линии дают возможность проявиться ритму и пропорции. Непрерывность и наростание на основе качества и степени тона и цвета дают возможность проявиться гармонии в тоне и цвете. George Lansing Raymond дает сводку сказанного в следующей схеме:

МЕТОДЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОМПОЗИЦИИ:

Главным образом, обусловленные	Умом	Материалом	Умом и материалом	Умом и материалом		
	Главным образом, обусловленные требованиями ума:					
Умом	Единство	Разнообразие	Сложность	Группировка		
Материалом	Порядок	Беспорядок	Противодействие			
	Главным образом, обусловленные требованиями материала:					
Умом	Сходство	Контраст	Дополнение	Органическая форма.	Продолжительность во времени, Протяженность в пространстве, Ударность в звуке, в линии.	Ритм и пропорция
Материалом	Главенство	Подчинение	Равновесие			
	Главным образом, обусловленные требованиями продукта:					
Умом	Соответствие	Несоответствие	Широта	Симметрия.		
»	Центральная точка	Обрамление	Параллелизм			
Материалом	Повторение	Изменение	Чередование	Непрерывность.	Качество и Степень Тона и Цвета.	Гармония в тоне и цвете.
»	Скучивание	Рассеивание	Усложнение			
Умом и Материалом	Согласованность	Несогласованность	Последовательность	Наростание.		
»	Постепенность	Внезапность	Переход			

При решении вопросов художественного оформления, мы не можем обойти стиля предмета и стиля материала. Каждый предмет требует свойственного ему художественного оформления. Одна и та же вещь в разном материале производит различное впечатление и только один какой-нибудь материал целиком исчерпывает поставленную художественную задачу.

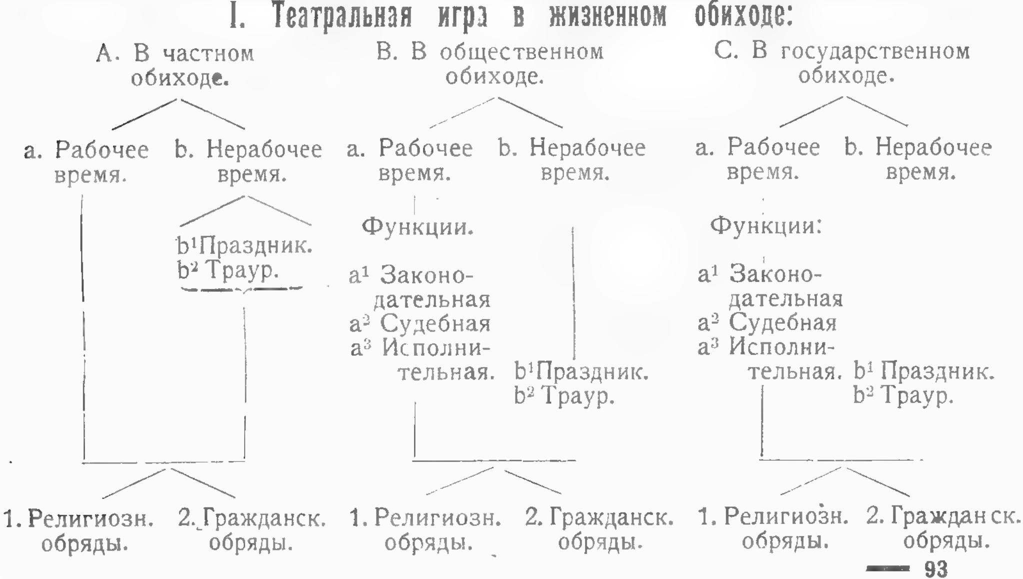
В области искусств, как и в жизни, происходит непрерывный процесс обособления и об'единения. Искусство то стремится обособиться от других искусств, при чем это устремление к обособлению зачастую проникает в глубь обособившегося искусства, где происходит дальнейший процесс деления, то, наоборот, стремится к об'единению с другими искусствами на пути к всеискусству. Театр—этот «праздник искусств» по выражению Гете, особенно ясно выявляет на себе этот круговорот, он бывает то театром, как таковым, то об'единением искусств, то синтезом искусств. В периоды, когда театр становится об'единением искусств, замечается различная роль отдельных искусств, то они играют служебную роль в отношении театра, то начинают занимать самодовлеющую позицию, делая театр своим прислужником. Схематически это можно изобразить так:

ТЕАТР, КАК ИСКУССТВО:

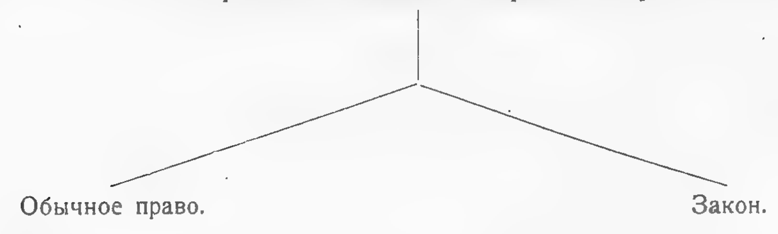

Переходя к вопросу о том, какое место занимает театральная игра в жизни личной и общественной, мы можем наметить два подраздела: 1) театральная игра в жизненном обиходе и 2) правовое положение театральной игры. Все это мы сразу может изобразить следующей схемой:

Место театральной игры в личной и общественной жизни:

II. Правовое положение театральной игры:

Таковы главные разделы программы собирания материалов по вопросам театра. В дальнейшем изложении мы перейдем к подробному рассмотрению каждого раздела, оставляя за собой право рассматривать их в целом и по частям в зависимости от реальной обследовательской нужды.

Проф. Н. И. АШМАРИН.

Краткая программа для собирания грамматических материалов по языкам и наречиям Дагестана.

(Доклад, читанный на заседании Дагестанской Комиссии О-ва 30 октября 1925 года).

В настоящем кратком очерке я намерен предложить начинающим исследователям дагестанских языков, наречий и говоров приблизительную программу для собирания грамматического материала по этим языкам, которая, в виду отсутствия общедоступной руководящей литературы, могла бы послужить им некоторым пособием при изучении интересующей их языковой области.

Языки Дагестана носят в своем строении некоторые общие черты, позволяющие рассматривать их, как некоторую об'единенную языковую группу, хотя между отдельными представителями этой группы и существуют огромные различия. Для меня, как не специалиста, составление подробной программы по этим языкам представляло бы непреодолимые трудности. Однако, я позволяю себе думать, что, на первых порах, такая программа и не дала бы желательных результатов, так как детальное изучение того или другого наречия едва ли было бы выполнимо для большинства собирателей, а более краткие и более общие указания по интересующему их предмету дадут им более простора для ведения записей в избранной каждым из них области.

Сначала я коснусь вопроса об условиях, необходимых для целесообразного собирания языкового материала, а потом приведу самую программу.

Прежде всего, собиратель должен внимательно вглядываться в внешнюю и внутреннюю жизнь народных масс, ибо незнание их быта, особенностей их жизни и их творчества всегда являлось немаловажным препятствием к изучению языков. Кроме того, он должен ознакомиться с существующею научною литературою по данному языку или наречию; если же ее не окажется под руками или она будет ему недоступна, то ему придется, по крайней мере, просмотреть некоторые труды в области других родственных или смежных наречий. Такое ознакомление избавит его от многих ошибок, облегчит ему труд по собиранию необходимого материала и укажет ему более или менее правильные приемы работы. В

особенности будет важно для исследователя усвоить себе существующие способы научного изображения звуков, так как всякие лингвистические материалы, написанные неточною или хаотически примененною азбукою, теряют в глазах современной науки почти всякое значение. Если записывающему уже известна более или менее точная азбука, он должен проверить ее на том говоре, над изучением которого он желает работать, и сделать в ней улучшения и добавления, если это окажется необходимым по существу дела. Например, собиратель может записать на данном диалекке несколько преданий, сказок или народных песен и потом тщательно проверить написанное, уничтожая неточности, выясняя детали звуковых типов и внимательно следя за тем чтобы различные звуки не изображались одним и тем же знаком, а одинаковые—разными буквами. Можно поступить еще и так: установить звуковую наличность языка, подбирая ее по общим типам, напр., выясняя себе, какие звуки типа «а» или какие звуки типа «к» и пр. свойственны данному идиому. Так как в каждом языке, кроме обычной скалы звуков, могут еще существовать звуки редкие, встречающиеся напр., в междометиях, в детских словах и пр., то следует установить особые знаки также и для изображения этих звуков.

Если язык имеет свою письменность, то она может оказать исследователю значительную услугу, как при анализе звукового строя изучаемого языка, так и при изучении его грамматических форм и законов синтаксиса. Однако, следует уметь отличать книжное произношение и словоупотребление от народного и никогда не смешивать эти две различных стихии.

Если население данного места произносит неодинаково, то нужно записывать варианты выговора, точно обозначая место сделанной записи.

Если различные полы и возрасты не сходятся в произношении звуков или слов, то следует отмечать особенности произношения каждого из них в отдельности.

Было бы очень уместно—и даже, пожалуй, необходимо—присоединить к собранному грамматическому материалу связные тексты, записанные на данном языке или наречии.

Так как основой каждого языка является разговорная речь, то следует записывать разговорные фразы и целые разговоры, фиксируя их на письме без прикрас, в том виде, как они были услышаны.

Не следует считать одни языковые явления правильными, а другие—наоборот: надо записывать все особенности народной речи без изменения. Это, конечно, не исключает возможности для собирателя указывать каждый раз особо на те формы или обороты, которые ему не нравятся; однако, их все-таки надо закреплять на бумаге в том виде, как они были произнесены, а не оставлять не отмеченными.

Изучение произведений народной словесности представляет для лингвиста важность также и в том отношении, что оно позволяет ему подметить редкие формы речи, уже исчезнувшие или мало употребительные в обиходном языке.

Если народ уже пользуется тою или иною азбукою, то следует привести ее целиком и об'яснить ее употребление.

Записывание грамматического материала можно вести по след. плану:[1]

1. Звуки гласные и согласные.
2. Произношение гласных и согласных.
3. Звуки в иноязычных словах.
4. Гласные в начале, конце и средине слова.
5. Согласные в начале, конце и средине слова.
6. Стечение нескольких согласных в начале, средине. и конце слова.
7. Взаимные отношения гласных и согласных в слове.
8. Гласные короткие, недолгие и долгие.
9. Стечение нескольких гласных в слове
10. Двугласные и трехгласные звуки (дифтонги и трифтонги).
11. Стяжение и сокращение слов: выпадение гласных, выпадение согласных; слияние воедино нескольких слов.
12. Строение слова: корень и служебные части (приставки, суффиксы и др.)
13. Служебные части, помещаемые перед корнем и после корня.
14. Изменения происходящие в структуре слове, получающего служебные части.
15. Изменения гласных и согласных в слове: а) постоянные (свойственные данной форме), б) комбинаторные (т. е. зависящие от положения слова перед другим словом или после другого слова, или в ряду других слов, или в составе целого предложения).
16. Сокращение слов при их грамматических изменениях.
17. Уподобление (ассимиляция).
18. Метатезис (перестановка согласной).
19. Ударение в словах. Неизменяемость и переменяемость ударения.
20. Имя существительное. Производные, сложные и составные имена существительные. Способы производства имен существительных. Категории производных имен: имя действующего, имя ремесла, имя действия и состояния; имена увеличительные, уменьшительные, ласкательные, уничительные. Обозначения пола людей и животных. Названия родства. Фамилии и прозвища.
21. Признаки рода. Нет ли названий о д у ш е в л е н н ы х существ среднего рода? Нет ли названий р а з у м н ы х существ среднего рода?
22. Образование множественного числа. Образование множественного числа в заимствованных словах. Множественное число личных имен и фамилий. Имена, употребляемые только в одном числе.
23. Параллельные формы множественного числа (сравн. русск. к о л ы —к о л ь я, с ы н ы—с ы н о в ь я и др.)
24. Несобственное (почтительное, гиперболическое и пр.) множественное число.

---

[1]) Не все пункты этой программы могут быть заполнены для любого языка, так как некоторые явления могут оказаться ему совершенно чуждыми. Здесь только проставлены вехи, приблизительно намечающие путь исследования.

25. Окончания, выражающие принадлежность (в смысле: «моя лошадь», «твоя лошадь», тюркск. мӓнiм атым, сӓнiн атын и пр.).

26. Склонение. Образование падежей. Параллельные формы падежей. Изменения одного и того же падежа в зависимости от состава речи.

27. Падежи: 1) именительный, 2) родительный, 3) дательный, 4) винительный, 5) творительный, 6) уравнительный («он величиной с тебя» и пр.), 7) уподобительный («он похож на тебя»; «он подобен тебе»; «он—как ты» и др.), 8) отождествительный («он—точь-в-точь как ты» и пр.), падеж мерила сравнения («он старше тебя»; он менее ловок, чем ты» и пр.), местный п. «в реке», «в море», «в поле», «в соли», «в роще», «в кармане», «в горошине», «в пуле», «в голове», «в глазу,» «в «траве, «в пыли», «в сене», «в зерновом хлебе», «на улице», «на базаре», «на телеграфе», «на воде», «на небе», «на ладони» и пр., и пр.), исходный падеж («из реки», «из моря», «из горошины», «из грязи» и пр.).

28. Как выражаются идеи: а) направления и проникновения («иду в лес», «вошел в лес», и пр.), б) покоя («живет в саду», «спит на крыше»; «лежит на столе», «на ладони» и пр.); в) удаления («из сада», «со стола», «с ладони», «из леса вверх», «из леса вниз»). Все эти выражения должны быть приведены как в единственном, так и во множественном числе («в реке—в реках и пр.), как с подлежащим в единственном числе, так и с подлежащим во множественном числе («рыба живет в реке—рыба живет в реках»; «человек живет в доме—человек живет в домах»; «люди живут в доме—люди живут в домах» и пр.)

Изменение падежей по лицам и родам. Склонение падежей.

29. Как выражаются русские предлоги: у, к, при, под, в и пр.?

30. Имя прилагательное. Производство имен прилагательных увеличительных, уменьшительных («-енький», «-оватый»), ласкательных, уничижительных и др.. Прилагательные времени, места, количества, возраста.

31. Форма имени прилагательного, употребляемого в качестве сказуемого и в качестве определения. Степени сравнения. Выражение сравнения при помощи окончаний. Выражение сравнения с помощью особых слов. Склонение имен прилагательных.

32. Имя числительное. Производство имен числительных. Имена числительные количественные, порядковые, разделительные («по пяти» и пр.), собирательные («пятеро»), дробные ($^1/_2$, $^1/_3$, $^3/_7$, $^8/_{21}$). Приблизительное обозначение количества («рубля три», «два-три рубля», «штук двадцать», «часу в одинадцатом»). Прилагательные, образованные от числительных или при их участии («столетний», «годовалый», «пятилинейный», «трехаршинный», «двухпудовый» и пр.). Склонение имен числительных.

Как передаются выражения: «эти два пуда», «эти полпуда», «пять половинок яблока», «пять четвертинок яблока»?

33. Употребление при именах числительных особых счетных слов: штука, голова, человек и пр. («две штуки», «десять голов скота», «шесть человек рабочих» и т. п.).

34. Как считают дни месяца? Как ведется счет часов? («уже два часа», «он приехал в 5 часов», «мы выехали в 3 часа без четверти», «сейчас 10 минут 8-го», «он проснулся в 6 час. без 20 минут» и пр.)

35. Местоимение. Производство местоимений. Местоимения личные, возвратные, указательные [1]), неопределенные, неведения («неизвестно кто»), удивления, местоимения вопросительные и отрицательные. Склонения местоимений.

36. Глагол. Простые и производные глаголы. Производство глагола от глаголов и других частей речи. Глаголы быть, делаться, стать. Отглагольные имена. Глаголы утвердительные, отрицательные и вопросительные. Залоги, виды, времена и род глагола. Глаголы, выражающие длительность, мгновенность и повторение действия. Глаголы понудительные. Ласкательные глаголы.. Нет-ли особых глаголов, соответствующих русским: ползти—ползать, лететь—летать, нести—носить?

37, Правильные и неправильные глаголы. Указатель неправильных глаголов. Спряжение правильных и неправильных глаголов. Глагольные формы в добропожеланиях и проклятиях и т. п.

Таблица спряжения.

38. Именные формы глагола: неопределенное наклонение (инфинитив) имена действия и состояния, причастия.

39. Образование причастий. Изменение их по родам, числам и падежам. Употребление причастия в смысле сказуемого.

40. Наречные формы глагола: деепричастия, их образование и изменения.

41. Не меняется ли форма глагола в зависимости от того, на какой предмет направлено действие?

42. Как выражаются на данном языке оттенки, заключающиеся в русских глагольных приставках: *при*нести, *у*нести, *пере*жечь, *пере*пилить, *пере*плыть, *раз*бить, *про*жечь, *про*расти, *на*кричаться, *за*клеить, *под*клеить и пр.?

43. Наречие. Простые и производные наречия. Их производство. Наречия времени, количества, качества и пр. Изменение наречий по родам и числам. Степени сравнения наречий. Склонение наречий. Глагольные формы наречий.

44. Предлоги и послелоги (последние есть и в русском языке: Христа ради, а также в тюркском, напр., в выражении: сізін ічін «ради вас» и пр.). Их производство и изменения. Склонение послелогов. Степени сравнения послелогов. Наречия, употребляемые в значении послелогов («подле», «около», «вокруг» и пр.).

45. Союзы и их употребление.

46. Междометие. Восклицания («ох», «ах» и др.). Крики животных. Оклики животных («ну», «тпру» и пр.). Междометия, которыми призывают (манят) и гонят или отгоняют птиц и других животных. Междометия, подражающие звуковым, световым и др. явлениям.

---

[1]) Здесь могут встретиться особые формы для указания на предметы близкие и далекие, находящиеся вверху и расположенные внизу.

47. Детские слова

48. Строение предложения. Расположение слов. Согласование сказуемого и подлежащего.

49. Употребление чисел и падежей.

50. Употребление степеней сравнения.

51. Употребление местоимений.

52. Употребление глагольных форм.

53. Употребление наречий. Употребление имен прилагательных в значении наречий.

54. Употребление послелогов.

55. Употребление союзов.

56. Употребление междометий.

57. Построение придаточных предложений. Как выражаются русские обороты с словами: «если»....; «хотя»....; «когда»...; «в то время, как...»; «тот, который»....; «человек, который»....; «книгу, которая»....; «после того, как»; «если бы....то»; «я знаю, что»....; «мне известно, что».....; «я не пришел, потому, что»....; «как—так...» и пр.?

Употребление грамматических форм должно быть пояснено примерами с законченным смыслом, т.-е. целыми предложениями.

На словах следует выставлять их ударение.

Нужно обозначать точно место или места, где собирателем был собран лингвистический материал.

Проф. ЧОБАН-ЗАДЕ.

Тюркологический С'езд.

РЕЗЮМЕ

доклада, читанного на заседании Тюркологической Секции О-ва 20 X 1925 года.

Настоящий краткий доклад поставлен для выяснения научного и историческо-общественного значения тюркологического с'езда. Тюркологический с'езд, прежде всего, есть крупное историческое событие. До сих пор тюрко-татарские народности входили в сферы влияния различных цивилизаций, являлись важными членами разнообразных культурных семейств. Еще во времена дохристианской эпохи они были значительными факторами индо-китайского культурно-экономического мира и приблизительно с 7-го века христ. эры мы их видим уже регуляторами культурно-экономической жизни средне-азиатских и иранских народностей. Наконец, с 9-го века они подпадают под влияние так называемой мусульманской культуры, что в свою очередь представляло из себя смесь византийских и персидско-семитских жизненных элементов. С 17-18-ых веков европейская цивилизация начинает завоевывать области, населенные тюрко-татарскими народностями и преобразовывать их общественно-экономический быт на свой лад. Благодаря этим новым влияниям северо-китайские и средне-азиатские кочевники стали вполне нормальными членами европейской городской жизни.

Все это время тюрко-татарские народности изучались китайскими, византийскими и персидско-арабскими учеными. Вместе с тем труды, написанные и самими тюрками достигают значительного количества. Достаточно указать на деятельность Махмуда Кашгарского, Юсуфа Хаджиба, Али-Шир Неваи и Абуль-Газы Багадур Хана. Что касается Европы, то здесь уже, если не считать византийских историков, можно сказать, что тюркология, в широком смысле слова, начинается с путешествия Рубруквиса, Плано-Карпини, Марко Поло и с деятельности собирателей Кодекс-Куманикуса. Результаты всех этих исследований, включая сюда и деятельность гениальных тюркологов нашей эпохи, как Радлова, Томсена и многих др., известных всему культурному миру с достаточной ясностью определили основные черты культуры и быта тюркских народностей. С другой стороны, нельзя согласиться с утверждением, что все области тюркологии представляют собой вполне изученное законченное целое. Так, мы поныне не имеем научно целой сравнительно-исторической грамматики и словаря всех тюркских наречий; лишь имея в руках последние,

мы можем вплотную подойти к разрешению например, таких вопросов, как взаимоотношения тюрко-монгольского и урало-алтайского языков. Тоже самое можно сказать и об изучении материальной и духовной культуры этих народностей. История культуры тюрко-татарских народностей без данных таких исследований составляться не может.

Помимо всего этого, у нас в тюркологии есть еще более важный и более чувствительный недостаток—случайность исследовательской работы, разбросанность научных тюркологических организаций и отсутствие учета до сих пор достигнутых результатов и успехов, что, главным образом, мешает развитию этой важной отрасли человеческого знания.

Если примем все это во внимание, то увидим каким важным и назревшим делом становится созыв тюркологического с'езда, не только в области тюркологии, но и в общем прогрессе наук XX века.

Созыв тюркологического с'езда имеет свою историю. Мысль, брошенная различными авторитетами, научными организациями СССР, как Академия Наук и Всесоюзная Ассоциация Востоковедения, была подхвачена многими общественно-культурными организациями молодых тюркских республик.

Тюркские народы, реорганизовавшие с революции 1905 года свои начальные школы в новометодные, с 1917 года очутились перед необходимостью создания школ II ст. и затем Высшей школы на родном языке.

Многочисленные издательские аппараты, созданные в пределах всех отдельных тюркских республик, почувствовали неотложность установления единой научной терминологии, реформы алфавита и т. д.

Изучение народной словесности, ознакомление с европейскими методами мышления стали злободневными вопросами тюрко-татарской общественности. Вот чем об'ясняется известная резолюция I-го Всеаз. Краеведческого с'езда 1924 г. о необходимости созыва в ближайшем будущем с'езда тюркологов. Молодой Азербайджан твердо решил быть показательной страной, культурным оазисом в пустыне и тьме—отсталом Востоке. Зная колоссальные достижения этой республики в области науки и техники, никто не возражал против избрания местом созыва с'езда столицу Азербайджана—Баку.

Переходя к повестке дня с'езда, скажем, что все вопросы ее в общем можно разбить на три категории:

1—чисто теоретическо-научные вопросы, результаты обсуждения которых подведет твердую базу под чисто практические вопросы 2-ой категории. К таким вопросам относятся вопрос о происхождении тюрко-тат. народностей, взаимоотношения тюркских диалектов и племен между собою и другими семействами языков и народов.

2-ая категория представляет из себя ряд практических вопросов правильное разрешение которых на основании научных данных, даст возможность быстрого развития культурных начинаний наших восточных республик. К таким проблемам можно отнести вопросы о реформе алфавита, о создании научной терминологии, постановку преподавания тюркских языков и проч.

Наконец, к 3-ей категории относятся организационные вопросы, где может быть выдвинут ряд проектов для обеспечения максимальной сплоченности отдельных, до сих пор разбросанных востоковедческих сил вообще, тюркологических в особенности. К таким проблемам можно причислить учреждение тюрко-татарского исследовательского института, организацию союза тюрко-татарских поэтов и литераторов, как часть общественных организаций подобного рода. Затем разрешение вопроса об участии тюрко-татарских молодых научных сил в работе бывшей русской, теперь Всесоюзной Академии Наук.

Некоторые западные ученые уже предлагают поставить вопрос о создании Международного Бюро Тюркологии с центром в Сов. Союзе. Здесь следует отметить небывалый энтузиазм, выражаемый, как союзной, так и европейской печатью. Имеющиеся отклики, в виде приветствий и одобрений, как мысли созыва с'езда, так же и, вопросов, поставленных на повестку с'езда доказывают, что этим начинанием схвачена одна из глубочайших задач всего культурного мира.

Г. ГУБАЙДУЛИН.

Развитие исторической литературы на приволжском тюрско-татарском языке.

ТЕЗИСЫ
к докладам, читанным на засед. Историко-Тюркологической Комиссии О-ва 30 X и 13 XI 1925 г.

1. Приволжские татары являются культурными наследниками приволжских тюрок-болгар.

2. Была ли историческая литература у болгар. История болгар, написанная Якубом Бен Ногман.

3. В XVI и XV в.в. столица Золотой Орды сделалась культурным центром в Восточной Европе. Казань, как одна из наследниц ее приобрела все культурные достижения Сарая и Болгар. Социально-политические условия не дали возможности развитию культуры в Казанском Ханстве. Есть свидетельства, что всеже в Казани была развита письменность. Свидетельства русских летописей.

4. Все культурные достижения эпохи Ханства погибли во время народного движения в конце XVI века. Политика Московских Царей против татарской культуры в XVI и XVII веках.

5. От эпохи Ханства не сохранилось никаких исторических произвеоений. Все же, после окончания погрома опять началось развитие культуры.

6. «Дастани Чингиз Хан ве Аксак Тимур». Разбор этого произведения, Важный вариант, найденный в архиве Насыри «Фасл фи дастани Иса углы Дамет» и его значение.

7. «Таварихи Булгарие» Шарафуттина Бургари. Ее варианты и значение.

8. Перевод «Джамии Таворих» Рашида на татарский язык в Касимове; новая рукопись.

9. Положение татарского народа и культуры в XVIII веке. Возможно ли было в таких условиях развитие культуры?

10. Отрывки татарских летописей (Вакаиинаме). Содержание и значение. Варианты. Найденный мною новый вариант.

11. Отражение либеральной по отношению к высшим классам инороцев политики Екатерины 2-й и либерализма эпохи Александра 1-го.

Начало книгопечатания у татар в 1801 году. Значение 1-й гимназии и открытия Казанского Университета. Ибрагим Халфин и его работы в области собирания исторических источников.

12. Возрождение 60-х годов и начало религиозной реформации у татар. Эбуннаср Курсави и характер его учения.

13. Шихабуттин Аль Марджани, как реформатор и как первый историк среди татар Разбор «Вафиатуль Аслаф». Ибн Хальдун и Марджани.

14. «Урфатульхавакин», как первое произведение по истории Восточно-Туркестанских тюрков. Доклад Марджани на тюркском языке на Археологическом С'езде в Казани в 1874 году и перевод его Радловым. Радлов, Березин, Готвальд и Марджани. Помощь Марджани, Вильяминову-Зернову.

15. Хусаин Фаисханов, как ученик Марджани. Проект открытия татарского Университета. Работа его в издании ханских ярлыков Крыма В.-Зерновым.

19. «Мустафатуль ахбар» Марджтни и его научное значение. Исторический метод и историко-философские мысли. Татаризм его.

17. Марджани, как критик источников.

18. Хусаин Амирханов и его произведения. Научное значение его «Таварихи булгарие».

19. Насыри, его краткая биография. Борьба с Марджани. Исторические статьи и первоисточники в «Календарях» Насыри. Собирание исторических песен. Его основная работа о древне татарской религии на русском языке. Отзыв профессора Григорьева.

20. Найденные мною новые произведения по истории татар у Насыри: «Материалы археологические», «О Луке Канашевиче» и «О Пугачеве».

21. Тридцатилетний перерыв в татарской исторической мысли. В конце XIX в. единственный работник в этой области Айнуттина Ахмарова. Он выступает с ценными докладами в Казанском Археологическом Обществе. Разбор его произведений.

22. Культурное движение у татар в конце XIX века. Усиление этого движения в начале XX века. Рашид Ибрагимов и ссылки на исторические факты во время борьбы с миссионерами и слугами Победоносцева и ком. «Чулпан Юлдузы», «Мират». «Падение нации через 200 лет Исхаки и его ссылки на исторические факты».

23. Возвращение Акчурина и его лекции в Медресе Мухаммедис по истории в 1904-5 годах. Его «Тарих ве улум»—(История и наука) как первое произведение на тюрко-татарском языке на севере по философии, и методологии истории.

24. Исторические фельетоны Ахмарова на страницах татарской новопоявившейся периодической печати. Его популярные лекции после 5-го года по истории Болгар и Казанского Ханства.

25 Печатные произведения Ахмарова в этих областях. Его произведения на русском языке о происхождении мишарей и тептярэй. Его лингвистический метод.

26. Риза Фаруттинов и его значение в татарской историографии. «Асары» и их значение. Начало издания историко публистического журнала «Шура». Его исторические статьи в этом журнале. Исследование об Ибн Теиме и Газалли и о других арабских мыслителей и историков.

27. «Тальфикульахбар» Мурад Мекки и его значение.

28. Появление преподавания истории тюрко-татар в татарских школах. «Татарстантарихи» Баттала. Борьба татаристов и тюркистов. Баттал, как «татарчи».

29. Заки Валиди и его произведения (Тюрк татар тарихи, Об участии татар в смуте, исследование о рукописях Туркистана, о туркменском поэте Лутфи и т. д.). Влияние на него Кагена.

30. Каримов и его всеобщая история. Дискуссия по этому вопросу на страницах: «Шурро».

31. Появление «Тарихи кауми турки» Хасан Ата Абаши. Разбор этого произведения.

32. История Сибирского, Казанского Ханств и биография Сююн Беки Гади Атласи.

33. Произведение по истории тюрков братьев Туйки. Его крупные недостатки.

34. Марксистская татарская историческая литература после Октября. Перевод истории культуры Покровского. Фатых Сейфи и его «История Парижской Коммуны» и «Великой Французской Революции». Его «История России» и Методика истории.

35. Галимджан Ибрагитов и его «История Октябрьского переворота». «История Студенческого движения у татар». Его методологические статьи в журнале «Маариф», его попытка периодизации истории татар на новых основаннях. Сборник «Участие татарских красноармейцев в гражданской войне»

А. Р. ЗИФЕЛЬДТ.

Деятельность О-ва Обследования и Изучения Азербайджана за два года.

2 ноября 1923 г.—8 ноября 1925 г.

(Доклад,[1]) читанный на торжественном заседании по случаю 2-х летия О-ва 8 ноября 1925 года).

Весною 1923 г. группа Бакинских профессоров обратилась в Коллегию НКП с просьбой об утверждении устава О-ва Обследования и Изучения Азербайджана.

Устав был утвержден 5 мая 1923 г., но О-во это не увидело света: вскоре выбыл его инициатор д-р Урусов и О-во было похоронено, еще не родившись......

За пределами узкого круга подписавших заявление—оно осталось неизвестным.

Совершенно самостоятельно и в тоже самое время аналогичная идея родилась у бакинского партработника, [2]) писавшего под псевдонимом «Арслан Нурредингов» о смычке города с деревней. В его статьях («Бакинский Рабочий» и «Коммунист») проводилась мысль о необходимости создания особого О-ва Изучения Азербайджана, об‘единяющего в своих рядах людей науки и практики, ученых и совработников, в деле всестороннего изучения нашей Республики и помощи государству, школе и рабочим организациям.

Мысли эти вскоре были претворены в жизнь группой общественных деятелей и учены, и 2-го ноября 1923 года, по инициативе редакции газеты «Коммунист», вернее его редактора, тов. Габиба Джабиева, нынешнего Председателя Центрального Совета О-ва, было созвано в Доме Просвещения организационное собрание. Собралось около 40 человек. Почетным Председателем организуемого О-ва был избран тов. Самед-Ага Агамали-оглы и временное правление в составе: председателя проф. А. Н. Самойловича, зампреда—А. Р. Зифельдта, казначея В. М. Сысоева, секретаря В. А. Рюмина и членов правления: Г. Джабиева, М. Г. Бахарлы, Р. Шабанова, проф. В. И. Смирнова-Логинова и И. Ф. Блинова.

[1]) Составлен по черновым наброскам т. А. Р. Зифельдта, во время его отсутствия, почему за пропуски автор ответственности нести не может. (Редакц.).

[2]) А. Р. Зифельдта. (Редакц.).

О-во разбилось на три секции: Историко-Этнографическую, Экономическую и Естественно-Научную. Несколько позже возникло Бюро Популяризации Знаний об Азербайджане и Помощи Школе.

В конце декабря 1923 г. было годичное общее собрание и был избран Совет О-ва в составе 9 лиц, распределивших меж собою функции: председатель—проф. В. П. Смирнов-Логинов; заместители его: А. Ахвердов и И. Ф. Блинов, ученые секретари: А. Р. Зифельдт и М Г. Бахарлы; казначей В. В. Смирнов; члены Совета: Г. Джабиев, проф. Д. Н. Головнин и В. А. Рюмин. От Секций вошли в Совет: проф. Н. И. Ашмарин, Г. А. Кочарян, В. Ф. Трофимов, А. В. Багрий и от АзЦИК'а Т. Шахбази.

Первый период жизни О-ва был весьма оживленным: на заседаниях Секций были прочитаны и обсуждаемы десятки содержательных докладов, явившихся большою частью результатом предыдущих индивидуальных работ членов О-ва.

Экономическая секция была занята обсуждением вопросов, связанных с сельско-хозяйственной переписью 1926 г. и торгово-промышленной переписью г. Баку (по докладам Вл. Вас. Смирнова и Разутова). Летом 1924 г. секцией была предпринята экспедиция в лице Г. А. Кочаряна в Нагорный Карабах для экономического и статистического его исследования[1]). На отдельные комиссии Секция не разбивалась.

Историко-Этнографическая Секция: наиболее значительной работой и Секции было собирание систематизация материалов для первого, огромного, научного словаря азербайджанских тюркских народных говоров проф. Н. И. Ашмарина. Работа эта в целом расчитана на несколько лет и создаст, безусловно, целую эпоху в истории тюркской литературы, давая обильный, чисто-народный словесный материал для азербайджанских писателей, до последнего времени не могущих освободиться от чуждого тюркскому народу арабского и персидского влияний. Комиссией искусств, под руководством проф. В. М. Зуммера, был обследован ряд памятников старины, главным образом, Апшеронского полуострова.

Нельзя обойти молчанием пребывание в Азербайджане и активную работу в О-ве, в период его организации, ленинградского тюрколога, проф. А. Н. Самойловича, ознакомившего нас с новейшими достижениями тюркологии. Праздниками науки были приезды академиков Н. Я. Марра и В. В. Бартольда. Оба они были тесно связаны с нашим О-вом, делали ряд блестящих докладов, первый-по яфетидологии и о Богине Иштар, второй-по истории Азербайджана.

Из Комиссий Секции работали: Этнографическая комиссия - имела 6 заседаний и заслушаны были 6 докладов; Комиссией была составлена „Программа для собирания этнографических материалов в АССР (материальная культура) Д. Шарифова'(на руском и тюркском языках); Историческая Комиссия имела 2 заседания и 2 доклада. Комиссии Искусств—до 20 заседаний и несколько докладов.

[1])—Результатом экспедиции был прочитанный на Краеведческом С'езде доклад, выпущенный отдельной книгой в Трудах О-ва (вып. I).

Секция в 1924 г. совершила одну экспедицию: проф. Н. И. Ашмарина в Нуху, для собирания Нухинских говоров тюркского языка[1]). В 1925 г. одну поездку: В. М. Сысоева в Шемахинский уезд для археологической работы (опровержение легенды о кладе Александра Македонского.)

Естественно научная секция не разделяясь в 1924 г. на отдельные комиссии, заслушала ряд докладов, имела 8 заседаний, положила начало Антропометрическому Бюро, столь необходимому в АССР, ввиду полной неразработанности вопросов антропологии, совершила частичные обследования ядовитых пресмыкающихся АССР, собрала коллекцию ядов (проф. П. Ю. Ростовцев) и 3 экспедиции: 1) для почвенного обследования южной части Нагорного Карабаха, при чем привезена солидная коллекция образцов почв (проф. Смирнов-Логинов), [2]) 2) обследования минеральных источников Кубинского уезда, откуда взяты образцы вод (проф. П. Ю. Ростовцев), 3) ботанического обследования южной части Нагорного Карабаха, откуда привезено около 600 видов растений (Трофимов).

Секцией составлен ряд инструкций для собирания научного материала на местах.

Бюро популяризации знаний и помощи Школе развило летом 1924 г. исключительную по энергии и темпу работу. Началось с массовых и групповых экскурсий к памятникам старины, сопровождающихся лекциями. Всего было 52 экскурсии с 15861 участником. При Бюро стихийно образовались курсы Азербайджановедения, имевшие летом 1924 г. 132 лекции (главным образом на историко-этнографические темы) со средней посещаемостью 40-60 чел. Осенью Бюро вело работы с бакинским Домом Просвещения, где поставило Краеведческий и Комплексный кружки и всецело их обслуживало лекциями и экскурсиями естественно-научного и производственного характера; поставило несколько лекций в рабочих районах, но отвлечение внимания и сил Бюро на книжную экспедицию в Ленинград в январе 1925 г. задержало дальшейшее развитие деятельности Бюро.

Уездные Отделения О-ва были организованы в 1924 г. в г. г. Нухе, Шемахе, Закаталах, Гяндже, Ленкорани, Степанокерте, позже возникли отделения в Нахичевани, Ордубаде. и Сальянах. За исключением Нахичеванского—отделения особой активности не проявили, и ныне предположен ряд инструкторских поездок с целью оживления их деятельности.

В сентябре 1924 г. О-вом был созван в Баку I-й Всеазербайджанский Краеведческий С'езд, на который прибыли делегаты уездных Отделений, представители Наркомпросов: АССР—тов. М. Кулиев, Грузии — проф. Ахвледиани, Дагестана — Малачи-Хан. Всесоюзной Ассоциации Востоковедения, и Бюро Краеведения РСФСР—проф. А. Н. Самойлович, Северо-Кавказских Краеведческих Организаций—Вильямс; тов. Н. Нариманов и др.

---

[1])-Разультатом чего был доклад на Краеведческом С'езде и подготовляемый ныне к печати отдельной книгой в очередном, 4-м, томе „Трудов О-ва".

[2])-Результатом был доклад на С'езде и готовится к печати отдельной книгой в „Трудах О-ва".

С'езд работал 4 дня, заслушал более 30 докладов на пленуме и в секциях; на С'езде жа родилась тюркологическая подсекция, ныне превратившаяся в Секцию, охватывающая районом изучения все тюрские народы. Там же впервые высказана была мысль о созыва предстоящего Всесоюзного Тюркологического С'езда.

После Краеведческого С'езда, работа О-ва начала клониться к упадку, а после общего собрания 29 мая 1925 г. совершенно замерла.

Реорганизация общества. В начале мая 1925 года О-во, ввиду его общественного значения, перешло в ведение АзЦИКа, Президиум которого, утверждая новый устав О-ва, вынес пожелание, чтобы О-во в своих работах теснее подошло к больным практическим вопросам современности.

Когда работа О-ва совершенно прекратилась, за исключением работ по каталогизации библиотеки, когда все Секции в конец развалились, О-во осталось совершенно без денег, все в долгах, в конце Июля 1925 г. незаметно наступил полный перелом в жизни О-ва. Быстрый приток свежих сил, новых членов О-ва, дал возможность восстановить три Секции: Историко-Этнографическую, Социально-Экономическую и Тюркологическую; создалось Библиотечно-Библиографическое Бюро.

Находившиеся в это время в городе члены Центрального Совета (10 чел.) составили 5 августа 1925 года временный Президиум в составе: Председателя—Д-р. т. Шахбази, зампредседателей:—Дж. Мамед-Заде и проф. Б. Чобан-Заде, казначея—Ч. Ильдрыма и ученого секретаря—А. Р. Зифельдта. Временный президиум проявил максимум энергии (заседания были ежедневными), чтобы снова поставить О-во на должный путь, отсрочить платежи, добыть средства для оплаты служащих, хлопотать о новом помещении О-ва и наладить снова научно-исследовательскую работу.

Не проходило, конечно, и без трений на личной почве с некоторыми членами, оказавшимися «не у дел» и, которым более по духу было «почивание на лаврах прошлого», чем живая работа настоящего.

21 сентября 1925 г. временный Президиум, закончив за $1^1/_2$ месяца свою тяжелую чрезвычайную миссию, сложил свои полномочия и на пленуме Центрального Совета был избран постоянный Президиум в его нынешнем составе.

С этого момента начинается лихорадочный рост работы О-ва. Весь Август-Сентябрь—организационная горячка, новое строительство.

Несмотря на полное отсутствие средств, осенью текущего года О-во предприняло: 5 экспедиций:

1) Экспедиция проф. Б. В. Миллера в Талыш, для изучения языка и быта талышей.

2) Экспедиция проф. Л. И. Жиркова в Кубинский уезд, для обследования дагестанских языков в АССР.

3) Экспедиция с проф. Дж. Моди в Дербент, для осмотра Дербентских стен.

4) С ним же поездка в Сураханы, для раз'яснения вопросов об Атешга (храм огнепоклонников).

5) Экспедиция Г. А. Кочаряна, для исследования кочевого пастбищного вопроса в АССР, (на личные средства Г. А. Кочаряна) и ряд других поездок.

Осенью О-во посещают проф. Дж. Моди, проф. Раман, проф М. Ф. Кепрюлю-Заде, проф. Б. В. Миллер, проф. Л. И. Жирков и всех они принимают самое деятельное, горячее участие в новой организации О-ва.

В октябре прибыл проф. И. И. Мещаников и сразу же окунулся в водоворот оживленной новой работы О-ва, участвовал на всех почти заседаниях и проявлял максимальную активность.

С 6-го октября начинается созыв Комиссий, быстрый рост которых напоминает лишь горячку постройки американских городов. Нет дня без заседаний, нет дня без доклада. Организовано 22 комиссии трех Секций О-ва, приходится отменять доклады за отсутствием помещения...

С 1-го ноября, в траурные дни, работа О-ва была приостановлена и предположенное на 2-е Ноября празднование 2-й годовщины О-ва было отложено на 8-е Ноября.

Несмотря на ряд шероховатостей в прошлом, О-во может с удовольствием констатировать свою работоспособность и жизненность начатых работ. О-во сумело сплотить в своих рядах и на общей работе ученый мир, ответственных партийных и советских работников, учительство и студенчество Азербайджана. Очередной задачей О-ва является установление теснейшей смычки шефствующих над Азербайджанской деревней рабочим классом Баку и оживление уездных отделений.

Значительным препятствием к работам О-ва было отсутствие материальных средств (происходили анекдотические случаи: О-во было «запломбировано» Коммунхозом за невзнос платы за растворы; для отправки проф. Моди пришлось занять 15 руб. у двух членов О-ва и т. д.).

Но в тяжелую минуту все же О-во выручали Совнарком, Наркомпрос, редакция газ. «Коммунист», ВСНХ. АССР, Азсельбанк, Азнефть.

Много было трудностей, не мало их преодолеть осталось и теперь, но главное сделано: машина на ходу! О-во смело глядит в свою будущность!

Ко дню празднования 2-х летия О-ва (8/XI-1925 г.), О-во получило великолепный подарок от Совнаркома и НКПроса АССР—новое помещение в только что отстроившемся Дворце Просвещения, куда О-во перешло окончательно после празднования 2-й годовщины, расставшись с занимаемыми им до сего времени растворами, правда, видавшими рождение нового О-ва, но мало соответствующими помещению научной организации.

Празднование 2-хлетия О-ва произошло в торжественной обстановке в театре «Сатир-Агит» в присутствии всех членов Правительства, представителей партийных, научных и прочих организаций.

Наркомпрос АССР тов. М. Кулиев выступал от имени Правительства, приветствовал молодое ученое О-во и, развивая дальнейшие пути деятельности О-ва, указал, что Азербайджан видит в О-ве будущую Азербайджанскую Академию Наук. От имени Азербайджанских Вузов приветствовал О-во проф. Чобан-Заде, далее выступали представители партийных

научных, общественных и государственных организаций. Доклад о 2-хлетней деятельности О-ва прочел ученый секретарь А. Р. Зифельдт.

Собрание постановило избрать почетными членами О-ва Академиков С. Ф. Ольденбурга и Н. Я. Марра и проф. М. Ф. Кёпрюлю-Заде, которым тут же была отправлена телеграмма.

Профессор И. И. Мещанинов прочел доклад: «До-исторический Азербайджан и Урартская культура», после чего тут же был избран Действительным Членом О-ва. Члены Комиссии по Собиранию Народной Музыки устроили концерт Азербайджанской Народной Песни и Музыки. Азербайджанское Фото-Кино-Управление демонстрировало снятые в АССР фильмы.

После перехода в новое помещение (по меткому выражению ученого секретаря А. Р. Зифельдта, на докладе о 2-хлетней работе, «Ово перешло из *сарая* в *сарай*» [1]) и после переезда, темп работ снова начинает повышаться.

---

[1]) т. е. из сарая (русск. значен.) в сарай (тюркск. значен.)—«дворец».

Перечень докладов,

читанных в О-ве Обследования и изучения Азербайджана с 2/XI-1925 г. по 4/XII-1925 года.

Историко-Этнографическая Секция:

1. Проф. *Н. И. Ашмарин:* «О словаре тюркских говоров».

2. Проф. *Н. И. Ашмарин:* «Инструкции и программа по собиранию материалов для составления словаря народных говоров тюрок Азербайджана». (Отпечат. отд. брош. на тюрк. и русск. языках).

3. *А. Алекперов:* «Бешбармак и древности Хизинского района».

4. Акад. *В. В. Бартольд:* «К истории Азербайджана: по поводу сочинения доцента Е. А. Пахомова: «Краткий курс истории Азербайджана». (Отпеч. в книге В. В. Бартольда «Место прикаспийских областей...»).

5. Акад. *В. В. Бартольд:* «Краткий обзор истории Азербайджана». (Отпеч. там же).

6. *Баграмян:* «Татские говоры и тексты народной совесности».

7. *С. Д. Вергельсон:* «Остатки древней и средневековой музыкальной культуры в Азербайджане».

8. *М. Г. Велиев-Бахарлы*: «Азербайджан в арабскую эпоху».

9. *А. О. Далавассера:* «О курсах Азербайджановедения».

10-11. *А. О. Далавассера:* «О деятельноети подкомисс. Искусств, (лето 1924 г.»).

12. Проф. *В. М. Зуммер*: «Деятельность Подкомиссии Искусств».

13. Проф. *В. М. Зуммер:* «Памятники Искусства в Шемахе».

14. *Е. П. Лавров* и *М. Г. Бахарлы:* «Об образовании в Ист.-Этн. секции политико-экономической комиссии».

15-16. Акад. *Н. Я. Марр*: «О яфетической теории».

17. Акад. *Н. Я. Марр:* «Богиня Иштар».

18. *И. И. Резников:* «Численность и национально-племенной состав населения АССР по данным Сел.-Хоз. переписи 1921 г.».

19. *В. А. Рюмин*: «Очерк истории заселения Азербайджана тюркскими народами».

20. *В. М. Сысоев:* «Археологическая поездка в Шемахинский уезд, (легенда о кладе Александра Македонского)».

21. Проф. *В. Б. Томашевский*: «Яфетическая теория и индо-европейское языкознание».

Историческая комиссия:

22. *М. Г. Велиев-Бахарлы:* «Агвания».

23. Проф. *П. К. Жузе:* «О границах Азербайджана по сведениям греческих и римских авторов».

Этнографическая комиссия:

24. Про. *П. К. Жузе:* «О собирании материалов по народным верованиям и обрядам».

25. *Д. Ширифов*: «Этнографическая программа (материальная культура)». (Отпечат. отд. брош. на тюрк. и русск. языках).

Комиссия искусств:

26. *И. Азизбеков*: «Нардаран».

27. *Азизбеков*—«Ленкорань».

28. *Гороховец* и *Замутин:* «Баку: Девичья Башня».

29. Проф *В. М. Зуммер*: «Современная художественная жизнь Баку: художник Зачи».

30. Проф. *В. М. Зуммер*: «Скульптор Эрзя».

31. Проф. *В. М. Зуммер*: «Законы истории искусств».

32. Проф. *В. М. Зуммер:* «Движение стилей в искусстве».

33. Проф. *В. М. Зуммер:* «Гянджа».

34. Проф. *В. М. Зуммер, Богословская* и *Квитко*: «Крестьянское искусство в Азербайджане».

35. *Кацнельсон, Садыги, Нолькен* и *Мирзабекянц*: «Четыре башни».

36. *Кацнельсон* и *Фридолина:* «Конструирование и декоративные элементы строительного стиля Ислама».

37. *Кацнельсон:* «Сураханы».

38. *Махмуров*: «Мамедлы».

39. *Т. Махмуров*: «Кишлы».

40. *Т. Мирзабекянц:* «Романы».

41. *К. Нолькен:* «Кюрдаханы».

42. Доцент *Е. А. Пахомов*: «Ханский Дворец».

43. *Г. Садыги:* «Кала».

44. *Г. Садыги:* «Шихова Деревня».

45. *Г. Садыги:* «Шувеляны».

46. *Саяпин:* «Рельефы Шах-Абасских ворот».

47. *О. В. Фридолина:* «Восточная миниатюра».

48. *А. В. Уэльс:* «Вехи культурной истории Азербайджана».

Экономическая секция:

49. *М. Н. Авдеев*: «Значение Мугани».

50. *И. В. Блинов:* «Производительность труда в нефтяной промышленности».

51. *Г. Кочарян:* «Роль студенчества в экономических обследованиях края».

52. *И. Разутов:* «Торгово-промышленная перепись Баку».

53. *В. В. Смирнов:* «О предстоящих переписях 1926 г. в АССР».

Естественно-Научная секция:

54. Проф. *В. В. Богачев:* «Очередные вопросы геологии Азербайджана».

55. Проф. *В. В. Богачев:* «Ископаемая фауна Эльдара».

56. *Володин:* «Обследование местности вокруг озера Гёк-Гёля для установления границ заповедника».

57. Проф. *Д. Н. Головнин*: «Фотография в деле изучения диких животных на воле».

58. Проф. *А. Державин*: «Водная реликтовая фауна Азербайджана».

59. Проф. *П. Ю. Ростовцев*: «Обследование минеральных источников Кубинского уезда».

60. *М. Н. Сиязов*: «Биологическая педагогическая станция в гор. Баку и экскурс. музей при ней.

61. Инж. *Смольников*: «Развитие и результаты водомерных наблюдений в Азербайджане».

62. Ассист. *Г. М. Линдроп:* «Белый малярийный комар в Азербайджане».

63. Прив.-доц. *А. Михалевский*: «Землетрясения в Азербайджане в 1924 г.»

Общие собрания:

64. *А. Ахвердов:* «Отчет президиума Центр. Совета за 1923—25 г. (по 29/V—1925 г.)

65. Проф. *В. В. Томашевский*: «Краеведческая работа в СССР и задачи Азербайджанского Краеведения».

Курсы Азербайджановедения и Бюро Популяризации Знаний.

66. *С. Д. Бергельсон*: «Этапы восточной музыки».

67. *А. В. Зифельдт*: «Материалистическое понимание истории Востока».

68. Проф. *А. Н. Самойлович*: «Тюркские народы Кавказа».

69. *В. М. Сысоев*: «Археология Кавказа».

70. Проф. *И. В. Фигуровский*: «Причины снежной мятели в Баку в 1925 г.»

71. *Р. Шабанов*: «Ханский период в Азербайджане».

(Готов. к печати).

Первый Всеазербайджанский Краеведческий С'езд.

72. *А. Ахвердов*: « О деятельности Историко-Этнографической Секции».

73. *М. Н. Авдеев*: «Экономика чалтыка в АССР».

73. Проф. *Н. И. Ашмарин*: «Нухинские народные говоры».

(Готовится к печати).

75. *Я. А. Богословский*: «Фотография на службе у краведения».

76. Проф. *Байбаков*: «Значение истории Древнего Востока в истории Азербайджана».

77. *Вартанян*: «Перспектива виноделия на Апшероне».

78. Проф. *И. К. Гольберг* «О мужском папортнике, произростающем в Азербайджане».

79. Проф. *Д. Н. Головнин*: «Поездка на Шахдаг».

80. Проф. *Д. Н. Головнин*: «Об устройстве заповедников в Азербайджане».

81. Проф. *В. М. Зуммер*: «Художественные памятники Азербайджана».

82. *Г. А. Кочарян*: «Экономика Нагорного Карабаха».

(Издана отдельн. книгою: Труды О-ва № 1).

83; Инж. *Пыльцев*: «О селах Нухинского уезда».

84. Доц. *Е. А. Пахомов*; «О монетных кладах Азербайджана».

(Изд. отд. книгою: «Труды О-ва» № 3).

85. Проф. *Б. П. Смирнов-Логинов*: »Почвенное обследование Нагорного Карабаха».

(Готовится к печати отд. книгою в «Трудах О-ва»).

86. *Сазонова*: «Шемахинский уезд».

87. *Субханвердиханов*: «Архивное дело в АССР».

88. *В. М. Сысоев*: «Памятники древности Азербайджана».

81. *В. Ф. Трофимов*: «Ботаническое обследование Нагорного Карабаха».

90. Проф. *И. В. Фигуровский*: «О методах краеведческой работы».

91. Проф. *И. В. Фигуровский*: «Метеорологические наблюдения в АССР».

92. *М. Хасаев*: «Нухинский уезд».

93. *Чилингарян*: «Кон'юктура Бакинского рынка».

(Изд. отд. книгою в изд. Бак. Биржи).

94. *Д. Шарифов*: «Музейное дело в АССР».

95. *А. Н. Щербинин*: «О хозяйственной годности буйволов АССР».

96. *Р. Эфендиев*: «Древности Нухинского уезда».

97. *Алхазов*: «Ленкоранский уезд».

II. Доклады, читанные в Обществе с 27-VIII—1925 г.

Историко- Этнографическая Секция.

1. Проф. *Л. И. Жирков*: «Языки Дагестана и их изучение».

(Отпеч. в № 1 «Известий».

2. Проф. *Л. И. Жирков*: «Предварительный отчет о поездке в Кубинский уезд для обследования хиналугского языка и южной границы кюринцев».

3. Проф. *И. И. Мещанинов*: «Каменные изваяния рыб-вишапы».

4. Проф. *И. И. Мещанинов*: «Основные начала Яфетидологии». (Отпечатано в № 1 «Известий»).

5. Проф. *Б. В. Миллер*: «Предварительный отчет о поездке в Талыш летом 1925 г.» (Отпечатано в № 1 «Известий»).

6. Проф. *Дж. Моди:* «Огнепоклонники».

7. Проф. *Дж. Моди:* «Значение Азербайджана с точки зрения парса-огнепоклонника»

8. Доц. *Е. А. Пахомов*: «Сословно земельные отношения в Азебайджане в начале XIX в.». (Отпечатано в № 1 «Известий»).

Тюркологическая секция:

9. *Х. Зейналлы*: «Цель и задачи Тюркологической Секции».

10. Проф. *М. Кепрюлю-Заде:* «Новейшие достижения тюркологии в Западной Европе и в Турции».

11. Проф. *Б. Чобан-Заде:* «Предстоящий Тюркологический С'езд.» (Отпечатано в № 1 «Известий»).

Социально-Экономическая секция:

12. Проф. *В. М. Довнар-Запольский*: «Экономика Нухи».

Общие собрания:

13. *А. Р. Зифельдт:* «Деятельность Общества за 2 года 1923—2/XI—1925 г.». (Отпечатано в № 1 «Известий»).

14. Проф. *И. И. Мещанинов*: «До-историческкий Азербайджан и Урартская Культура». (Отпечатано в № 1 «Известий»).

Сельско-Хозяйственная комиссия:

15. *М. Гросгейм*; «Растительность степей Южного Ширвана»

16. *М. Датиев*: «Современное положение сельского - хозяйства в АССР». (Готовится к печати).

17. *А. Дударов*: «Районирование АССР». (Готовится к печати).

18. Проф. *Н. А. Лебедев*: «Обследование Азербайджана в почевенном огношений».

19. *Б. В. Смирнов*: «Предстоящая Сельско-хозяйственная перепись в АССР 1926 году».

20. Проф. *И. В. Фигуровский*: «Климатическое районирование АССР»

Демографическая комиссия:

21. *Б. Михельс*: «Предстоящая демографическая перепись в АССР».

Этнографическая комиссия:

22. *В. М. Сысоев*: «Население Азербайджана в XVII в.». (Отпечатано в № 1 «Известий»).

Историко-Тюркологическая комиссия:

23-24. *Г. Губайдулин*: Развитие исторической литературы на приволжском тюркско-татарском языке. (Тезисы отпеч. в № 1 «Известий»).

Историко-Литературная комиссия:

25. *И. Хикмет*: «История тюркской литературы Х. в Гижры». (Готовится к печати).

Лингвистическая комиссия:

26. Проф. *Б. Чобан-Заде*: «Положение кумыкского языка среди тюркских». (Отпечат. в № 1 «Известий»).

Словарная комиссия:

27. Проф. *Н. И. Ашмарин*: «О поездке в Нуху для собирания материалов по народным говорам».

Талышская комиссия:

28. *В. М. Сысоев*: Реферат статьи проф. Миллера «Отчет о поездке в Талыш».

29. *Байрам Алибеков*: «Талышские поверья».

Татская комиссия:

30. *Магарик*: «Т а т ы».

Подкомиссия театра.

31. Проф. *В. В. Сладкопевцев*: «Основные разделы программы: собирания материялов по вопросам театра». (Отпечат. в № 1 «Известий»).

32. Проф. *В. В. Сладкопевцев*: «Первый раздел программы: содержание театральной игры». (Готовится к печати).

Подкомиссия музыки.

33. *У. Гаджибеков:* «Общий обзор музыкальной жизни Азербайджана». (Готовится к печати).

Подкомиссия изобразительных искусств:

34. Проф. *В. М. Зуммер*: «Искусство Азербайджана». (Отпеч. в «Известиях Кавк. Арх. Инст-та»).

35. *В. С. Квитко*: «Плоский орнамент Азербайджана».

Дагестанская комиссия:

36. Проф. *Н. И. Ашмарин*. «Программа собирания словарных материалов по дагестанским языкам. (Готовится к печати).

37. Проф. *Н. И. Ашмарин:* «Программа собирания материалов по грамматикам дегестанских языков». (Отпечат. в № 1 «Известий»).

38 *А. Р. Зифельдт:* «Реферат статьи проф. Л. И. Жиркова: «Дагестанские языки».

39. *Семенов-Аргашев:* «Деятельность Дагестанского Кружка при АГУ».

40. *Чарин:* «Лакская поэзия». (Готов. к печати).

41. *А. Дударов*: «Значение Кизляра для ДССР. (Готов. к печати).

Инженерно-строительная комиссия:

42. Инж. *А. Дунтау*: «Цель и задачи инженерно-строительного обследование АССР». (программа работ). (Готов. к печати).

Междуведомственное совещание при О-ве.

43. *А. О. Далавассера:* «Об организации Центрального Научно-Справочного Бюро АССР».

Центральный Совет О-ва:

44. *А. П. Зифельдт*: «Реорганизация О-ва».

45. *Седельников*. «Об организации Научно-исследовательского Института Азербайджанской Культуры».

Перечень лекций,

читанных на Курсах Азербайджановедения и поставленных Бюро Популярн. Знаний в различных местах.

Курсы Азербайджановедения:

1—8. Проф *Н. И. Ашмарин:*—Тюркология.
9—10. *А. Ахвердов*:—История тюркской литературы.
10—11. *И. Азизбеков*: Русский язык (для тюрок.).
11—12. *И. Азизбеков*:—Тюркский язык.
13—28. *И. Азизбеков*—Эстампажи.
29—36. *М. Г. Велиев-Бахарлы*—История Азербайджана.
75—37. *А. О. Далавассера.*—Техника обмеров.
76—81. Худ. *К. Евсеев*—Техника зарисовок.
82—85. *Исмайлов*—Тюрский язык.
86—92. *А. Кулибекова*—Русский язык.
93—98. *Т. Махмуров*—Русский язык.
99—106. *Э. Рзаев*—Тюркский язык.
107. *В. М. Сысоев*—Основы Археологии.
108—111. *Г. Садыи*—Тюркский язык.
102. *Г. Садыи*—Источники истории Азербайджана.
103. *Г. Садыи*—Восточная эпиграфика.
114. Проф. *П. П. Фридолин*—Мавританское Искусство.
115—116. *А. Уэльс*—Русский язык.
109. *А. Ушков*—Архитектурные стили Востока.

118. Худ. *Чичкапов*—техника зарисовок.

119. *Р. Шабанов*—Экономика Азербайджана.

120—132. *Д. Шарифов*—Этнография Азербайджана.

П Р О Ч И Е:

133. *Абрамович*—Геология нефти (Дом Просвещения).

134. Инж. *Арутюнов*—Добыча нефти. (Дом Просвещения).

135—138. Инж. *Гухман*—Переработка нефти (для Дома Просв. в главн. химич. лаборатории Азнефти).

139. *А. О. Далавассера*—Азербайджан и его изучение. (Белогородский клуб).

140. *А. Р. Зифельдт*—Медоты краеведческой работы в школе 1 с. (Дом Просв).

141. Проф. *В. М. Зуммер*—Об искусстве Азербайджана. (Бюро Попул. Зн.).

142. Проф. *Н. А. Лебедев*—Физические условия сельского хоз. в АССР. (для Дом Просвещ. в сельхоз Музее).

143. Проф. *В. П. Смирнов-Логинов*—Почвы АССР. (Дом Просв.)

144. Проф. *И. В. Фигуровский*—Рельефы и климат АССР (Дом Пр.)

145. Проф. *И. В. Фигуровский*—Метод краеведческой работы (Дом Просвещения Каспара).

146. Проф. *И. В. Фигуровский*—Гидрография Азербайджана (Дом Просвещения).

Общая сводка.

Докладов прочитано на С'езде 26

» в О-ве с 2/XI—1923 г.—27/VII—1925 г. . . 71

» в » с 27/VII 1925 г.—4/XII—1925 г. . . 45

И Т О Г О . . . . . . 142 доклада

146 лекций.

Утвержден АзЦИК'ом
5-го сентября 1925 г.

Устав Общества Обследования и Изучения Азербайджана.

I. Цель Общества.

§ 1. Общество имеет целью планомерное обследование и изучение Азербайджана и сопредельных стран в отношениях: экономическом, социально-историческом, этнографическом, археологическом и лингвистическом, а также распространение знаний об Азербайджане.

§ 2. Общество состоит из 3-х Секций: 1) Тюркологической, 2) Социально-Экономической, 3) Историко-Этнографической и 3-х Бюро: 1) Антропометрическое Бюро, 2) Библиографическое Бюро, 3) Бюро Популяризации Знаний об Азербайджане и Помощи Школе.

§ 3. Общество для достижения означенной цели:

а) снаряжает научные экспедиции, командировки для обследования и изучения всех сторон прошлой и настоящей жизни Азербайджана;

б) созывает с'езды, конференции, заседания, устраивает экскурсии, чтения, совещания, публичные лекции по всем вопросам изучения страны; содействует распространению знаний об Азербайджане организацией курсов, справочного аппарата, музея, библиотеки и т. п., содействует научным работам по Азербайджановедению.

§ 4. Общество состоит при АзЦИК'е.

§ 5. Общество имеет право юридического лица.

Примечание: Все материальные результаты работ, произведенных по поручению Общества, составляют его собственность и хранятся при О-ве.

§ 6. Общество имеет право входить в непосредственное сношение со всеми государственными общественными учреждениями и лицами, как с местными, так и иногородними, советскими и заграничными.

§ 7. Общество имеет свою канцелярию, печать, бланки и т. п.

§ 8. Обществу предоставляется право издавать свои труды, сочинения, относящиеся к изучению Азербайджана, карты, учебники и прочие пособия и имеет свой печатный орган.

2. Состав Общества.

§ 9. Общество состоит из почетных и действительных членов и членов корреспондентов.

§ 10. В почетные члены могут быть избираемы ученые, как Азербайджана, так и других стран, особенно известные своими трудами по изучению Азербайджана, а также лица, оказавшие Обществу особенно важные услуги.

§ 11. Действительными членами могут быть избираемы лица, достигшие 18 лет, работавшие или работающие по изучению Азербайджана или интересующиеся этим изучением, по письменной мотивированной рекомендации двух членов Общества, которые сообщают о кандидатах предварительно на президиуме соответствующей Секции или Бюро, которые в свою очередь сообщают о кандидатурах на общем собрании соответствующей Секции или Бюро, где подвергаются баллотировке, после чего представляются на утверждение в Совет.

Примечание: Все члены учредители, подписавшие первоначальное заявление об учреждении Ощества, считаются его действительными членами.

§ 12. Члены корреспонденты избираются из лиц находящихся вне места пребывания Центрального и местных Советов и, содействие которых Общество признает для себя полезным, по предложению двух действительных членов.

§ 13. Члены Общества пользуются льготами на всех собраниях и экскурсиях, устраиваемых Обществом.

§ 14. Советам Общества, как Центральному, так и местным, предоставляется право исключения из состава Общества его членов: а) за нарушение настоящего Устава, б) за дискретирование Общества.

§ 15. Члены Общества, не проявившие, без уважительных причин, активности в течение трех месяцев, считаются механически выбывшими из числа членов Общества.

3, Управление делами Общества.

§ 16. Общее Управление Делами Общества принадлежит С'езду и Центральному Совету Общества.

С'езды бывают годичными и чрезвычайными.

4. О с'ездах.

§ 17. Годичный С'езд собирается в начале отчетного года для заслушания годичного отчета Центрального и местных Советов, разрешения принципиальных вопросов, утверждение смет и программы деятельности Общества на предстоящий год и выборы члена Центрального Совета и Ревизионной Комиссии.

§ 18. Членами С'езда являются Центральный Совет, Ревизионная Комиссия, Президиум Секций и Бюро, почетные члены Общеста, по одному представителю от научных организаций АССР, преследующих аналогичные с Обществом задачи, от ЦК АКП, Госплана и по три представителя от Союза Азпрос и Наркомпроса и по одному делегату от каждых 10 членов Общества.

Примечание: Уездные отделения Общества, имеющие менее 10 членов, делегируют одного представителя, имеющие от 20-ти до 30-ти—двух и т. д

§ 19. С'езд открывается Председателем Центрального Совета Общества, после чего С'езд избирает Президиум.

Примечание: Вопросы на С'езде решаются простым большинством голосов, при равенстве голосов, голос Председателя дает перевес.

§ 20. Чрезвычайные С'езды созываются по решению Центрального Совета Общества или по требованию 2/3 числа всех уездных отделений, Секций и Бюро Центрального Совета Общества или по требованию Ревизионной Комиссии.

§ 21. На С'ездах могут присутствовать гости с правом совещательного голоса.

5. Центральный Совет Общества.

§ 22. На С'ездах простым большинством голосов избирается Центральный Совет Общества из действительных членов в составе 9-ти лиц и 3-х кандидатов к ним. Кроме того, в состав Совета входят по одному представителю от Секций и Бюро Общества, от АзЦИК'а, Союза Азпрос, Бюро Пролетстуда, Азерб. Археолог. К-та с правом решающего голоса по всем вопросам. Центральный Совет избирает из своей среды Президиум из Председателя, двух его заместителей, двух ученых секретарей и казначея.

Примечание: Весь состав избранного Центрального Совета утверждается Президиумом АзЦИК'а.

§ 23. Председатель Совета председательствует на заседаниях Центрального Совета и на соединенных заседаниях Секций, руководит общей работой Общества и Центрального Совета, согласно директивам С'ездов; наблюдает за исполнением в точности правил Устава; ведет все сношения Общества с различными учреждениями и лицами.

§ 24. Ученые секретари наблюдают за проведением в жизнь постановлений Центрального Совета, входя в состав Президиумов всех Секций, Бюро, Комиссий и проч. органов Общества с правом решающего голоса, следят за работой местных отделений и ячеек Общества; ведут научную переписку с другими организациями и отдельными лицами, следят за литературой.

Примечание: Все научные доклады и работы членов Общества поступают в Центральный Совет через ученых секретарей и хранятся при Обществе под их ответственностью.

§ 25. Центральный Совет составляет годовой отчет о деятельности Общества за истекший год к С'езду, а также годовую смету, план программы экспедиций и экскурсий и т. п., представляя их на утверждение С'езда и Аз'ЦИК'а.

§ 26. Заседания Центрального Совета созываются председателем не реже двух раз в месяц.

6. Местопребывание О-ва и его деятельность.

§ 27. Местопребывания Центрального Совета Общества является город Баку.

§ 28. Общество имеет право открывать Секции и Бюро при Центральном Совете, а также свои иногородние Отделения и ячейки в тех местах АССР, где это представляется возможным.

§ 29. Отделения или ячейки могут быть открываемы, если о том последует заявление в Центральный Совет за подписью не менее 10-ти членов Общества.

Примечание 1: Деятельность Секции, Бюро, яйеек и проч. органов Общества не может выходить за пределы настоящего Устава Общества и должны быть регулируемы особо выработанными положениями.

Примечание 2: Все постановления Секций, Бюро, местных Отделений и, проч. органов Общества утверждаются Центральным Советом Общества.

7. Средства Общества.

§ 30. Действительные члены О-ва вносят ежегодно по 3 руб. черв., допускаются взносы в три срока.

Примечание 1: Рабочие, крестьяне, народные учителя и учащиеся вносят по 1 руб., красноармейцы и безработные от взноса освобождаются.

Примечание 2: Не внесшие платы в течении 4-х месяцев, считаются выбывшими, но могут поступить вновь, по внесении всех следуемых взносов, без баллотировки.

§ 31. Кроме членских взносов, средства Общества составляются из субсидий Правительства АССР, испрашиваемых Обществом через АзЦИК; пожертвований, делаемых в его пользу, сборов за лекции и экскурсии, сумм от продажи своих изданий и т. п.

§ 32. Денежные суммы Общества хранятся у казначея или в банке на текущем счету и расходуются по постановлению Центрального Совета.

8. Ревизионная Комиссия и Ликвидация О-ва.

§ 33. Ревизионная Комиссия избирается на С'езде сроком на один год из 3-х членов Общества, не входящих в состав Центрального Совета, и двух кандидатов.

§ 34. Ревизионная Комиссия производит обследование всей деятельности Центрального Совета, ревизует отчетность и проч. и делает об этом доклад С'езду.

§ 35. Деятельность Общества может быть ликвидирована по распоряжению Правительства АССР или по постановлению Чрезвычайного С'езда.

§ 36. При ликвидации все имущество и денежные суммы переходят в распоряжение Секретариата АзЦИК'а.

Зам. Председателя АзЦИК'а ***Т. Шахбази.***

Секретарь АзЦИК'а ***Д-р Кязимов.***

Положение о местных отделениях Общества Обследования и Изучения Азербайджана.

§ 1. В интересах планомерного и обстоятельного обследования и изучения Азербайджана на основании § 28 Устава Общества обследования и Изучения Азербайджана в уездных центрах Республики, а также Нах. ССР и Авт. Области Народного Карабаха учреждаются местные отделения Общества

§ 2. Местные Отделения подчиняются Уставу Обшества и руководствуются в своей работе настоящим Положением и особыми инструкциями Центрального Совета Общества.

§ 3. Местные Отделения Общества содержатся на: а) членские взносы в размере 1 рубля в год, б) субсидии Центрального Совета Общества, в) добровольные пожертвования, г) сборы с лекций и экскурсий, д) субсидии Уисполкомов и др. органов власти и общественных организаций.

Примечание: Порядок хранения денежных сумм согласуются с § 32 Устава Общес тва.

§ 4. Для достижения своих целей местные Отделения устраивают открытые заседания, совещания, публичные лекции по всем вопросам изучения Республики в целом и в частности своего уезда, устраивают экскурсии, выставки, библиотеки и т. д., а также содействуют Центральному Совету Общества в организации научных экспедиций и экскурсий и в других видах научного исследования.

§ 5. Местные Отделения Общества имеют право приобретать для своих целей законом дозволенными способами имущества, заключать всякого рода договоры и сделки, а равно защищать на суде свои интересы, а также пользуются другими правами юридического лица.

§ 6. Все имущество местных Отделений, в частности коллекции и музейные экспонаты считаются собственностью всего Общества. По постановлению Центрального Совета те или другие предметы могут быть перевозимы из уездов в Баку или передаваемы местным музеям и др. научно-просветительным учреждениям.

§ 7. Местные Отделения имеют право входить в непосредственные сношения со всеми государственными, общественными и частными учреждениями и лицами на местах и в сопредельных уездах, а с другими через Центральный Совет О-ва.

§ 8. Местные Отделения имеют свои канцелярии, печать, бланки и т. д.

§ 9. Труды, сочинения, учебники, карты и т. д. могут быть печатаемы только Центральным Советом Общества. Все материалы и сочинения местных отделений, предназначаемых для печатания, должны быть присланы в Центральный Совет.

§ 10. Местные Отделения Общества состоят из: а) действительных членов и б) членов—корреспондентов.

Примечание: К членам местных отделений применимы §§ 11—15 Устава Общества.

§ 11. Управление Делами местных отделений принадлежит уездным конференциям или общим собраниям и советам местных отделений, которые подотчетны Центральному Совету Общества, Конференции или общие собрания местных отделений бывают годичными и чрезвычайными.

Примечание 1: Уездные конференции созываются в тех уездах, где имеются ячейки вне местонахождения местного Совета. Общие собрания, там, где таковых еще не имеется.

Примечание 2. Функции уездных конференций или общих собраний согласуются с §§ 17 и 19 Устава Общества.

Примечание 3 Членами уездных конференций являются: Советы, Ревизион. Комиссии, Президиумы, Секции и Бюро; по одному представителю от каждой уездной научно-просветительной организации: от УКОМ'а АКП, Профбюро, УЭКОСО и по одному делегату от каждых 5-ти действительных членов или членов-корреспондентов Общества.

Примечание 4. Сметы и программы деятельности и состав советов местных отделений сообщаются Центральному Совету Общества для утверждения.

§ 12. Чрезвычайные Конференции или Общие Собрания созываются по решению Центрального или местных Советов, ревиз. Комиссий или по требованию 2/3 числа всех членов Отделений.

Примечание: Для Конференций и Общих Собраний применим § 17 Устава Общества.

§ 13. Количество членов Советов местнах отделений определяется Уездными Конференциями или Общими собраниями, но в количестве не менее 3-х. Кроме того, в состав Советов входят по одному представителю от: Укомов АКП, Уисполкомов, УОНО с правом решающего голоса по всем вопросам. Советы избирают из своей среды Президиум в составе Председателя, Секретаря и Казначея. Уездными конференциями или Общими Собраниями избираются также ревизионные Комиссии в составе 3-х лиц.

Примечание 1: Состав избранных местных Советов утверждается Центральным Советом Общества.

Примечание 2: §§ 20, 23 и 28 применимы к местным отделениям.

§ 14. В случае необходимости ликвидации какого либо местного отделения, Совет обязан снестись по данному вопросу с Центральным Советом и действовать по его директивам.

Примечание: При ликвидации местного Отделения, все его имущество переходит в распоряжение Центрального Совета Общества.

Председ. Цент. Совета *Г. Джабиев.*

Ученый Секретарь *А. Р. Зифельдт.*

СТРУКТУРА
ОБЩЕСТВА ОБСЛЕДОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА.

(В настоящие списки внесены исключительно члены Общества подавшие к 4-му декабря учетные карточки).

Почетные председатели:

Тов. Агамали-Оглы, Самед-Ага	Председатель АзЦИК'а.
Проф. Самойлович Алекс. Ник.	Профес. Ленингр. Гос. Унив.

Почетные члены:

Тов. Буниат-Заде, Дадаш	Наркомзем АССР.
Тов. Мусабеков, Газанфар, д-р	Председатель СНК АССР.
Акад. Бартольд, В. В.	Профессор Лениград. Унив.
Акад. Ольденбург, Серг. Феод.	Непремен. Секретарь Академии Наук. СССР.
Акад. Марр, Ник. Яковл.	Директор Академии Матер. Культуры.
Проф. Кёпрюлю-Заде, Мамед Фуад.	Декан Филолог. факульт. Константиноп. Унив.

Избранные Общим собранием Действительные Члены О-ва:

Проф. Мещанинов, Ив. Иван.	Профессор Ленингр. Унив.

Члены-учредители:

Зифельдт, Артур Рудольф.	Член Контрольн. Комиссии.
Джабиев, Габиб	Ред. тюрк. «Коммунист».
Мамед-Заде, Джалиль	Замнаркомпрос.
Каспаров, Иван Серг.	Зав. Агитпропотд. БК АКП.
Проф. Смирнов-Логинов Вл. Пав.	Декан Сел.-Хоз. ф-та АПИ.
Проф. Жузе, Панг. Крист.	Проф. АГУ и АПИ.
Шахбази Таги, д-р	Секретарь АзЦИК'а.
Пахомов, Евг. Алекс.	Доцент АГУ.
Цытович, Алекс. Феодор.	Юриск. АСПС.
Блинов, Иос. Феодор.	Ред. журн. «Аз. Нефт. Хоз.».
Проф. Фигуровский, Ив. Вас.	Профессор АГУ и АПИ.
Эфендиев, Султан Меджид	Нарком РКИ АССР.
Сысоев, Василий Мих.	Секретарь Аз. Археол. К-та.

Президиум Центрального Совета:

Джабиев, Габиб	Председат.	редакт. тюрк. „Коммунмст.“
Мамед-Заде, Джалиль	Зам. Пред.	Зам. Наркомпрос.
Хаджи-Касумов, Муса	Зам. Пред.	Пред. ВСНХ.
Блинов, Иосиф Феодор.	Зам. Пред.	ред. жур. „Аз. Нефт. Хоз.“.
Ильдрым, Чингиз	Казначей	Зам. Пред. ВСНХ.
Зифельдт, Арт. Рудольф.	Учен. Сек.	член контр. ком.
Проф. Чобан-Заде, Бекир	Учен. Сек.	Декан Вост. ф-та АГУ.

Центральный Совет:

Зейналлы, Ханафи		Отв. редак. Азгосиздата.
Касимов, Панах		Предс. Союза Рабпрос.
Александрович, Джамаиль		Зам. Пред. Аз. Арх. К-та.
Шахбази, Таги, д-р		Секр. АзЦИК'а.
Проф. Фигуровский, Иван Васил.		Проф. АГУ и АПИ.
Манатов, Шериф А.		Директ. Педаг. Инст.
Далавассера, А. Ос.	Секретарь	Секр. Центр. Совета О-ва.
Терегулов, Ханафи		Зав. Азлитом.
Блинов, Иос. Феодор.		Ред. «Азерб. Нефт. Хоз.».
Качарьян, Г. Ав.		Преподав. АПИ.
Ахвердов, Абдуррагим		Секр. Вост. Фак. АГУ
Бахарлы-Велиев М. Г.		Ред. жур. „Экон. Вест.“.
Рафибеков		Педагог.
Берцелиус		Студент.

Президиум Историко-Этнографической Секции:

Шахбази, Таги, доктор	Председат.	Секрет. АзЦИК'а и Предс. Арх. Ком.
Александрович, Джалиль	Зампред	Зам. Пред. Арх. Ком.
Терегулов, Ханафи	»	Зав. Азлитом.
Сысоев, Вас. Мих.	Член През.	Секр. Аз. Арх. К-та.
Пахомов, Евг. Алек.	Член През.	доц. А. Г. У.
Далавассера, Ал. Ос.	Секретарь	Секр. Центр. Совета О-ва.

Президиум Социально-Экономической Секции:

Хаджи-Касумов	Председат.	Предс. ВСНХ АССР
Багиров М. Джаф.	Зам. Пред.	Наркомвнудел АССР.
Ильдрым Чингиз	»	Зам. пред. ВСНХ
Алиев Теймур	Член	Уползакнаркомфин
Датиев Исл. Магом.	»	ЗамНаркомзем
Ордубатский Фируз д-р	»	ЗамПредГосплана.
Фарадж-Заде Алес.	»	Пред.Правл.Азериттифака
Эфендиев Султ. Медж.	»	Нарком Р.К.И.
Блинов Иос. Феод.	»	Ред. ж. «Аз. Нефт. хоз.»
Букреев Ник. Афан.	›	УполЗакНаркомВнуторг.

Президиум Тюркологической Секции:

Проф. Чобан-Заде Бекир	Председат.	Декан Вост. фак. А.Г.У.
Ахундов Рухулла	Зам. »	Секрет. ЦК АКП.
Проф. Ашмарин Ник. Ив.	Член	Профессор А. Г. У.
Зейналы Ханафи	»	Отв. ред. Азгосиздата
Касимов Панах	»	Предс. Союза Азпрос
Мамед-Задэ Дж.	»	Зам. Наркомпрос
Джабиев, Габиб	»	Ред. «Тюрк. Ком.»
Талыблы	»	Наркомюст АССР
Хикмет Исмаил	»	Препод. АГУ и ВПИ

Президиум Библиотечно-Библиографического Бюро:

Зейналы Хан.	Председат.	Отв. ред. Азгосиздата
Терегулов Хан.	Зам. »	Зав. Азлитом
Далавассера А. О.	Секретарь	Секр. Центр. Сов. О-ва
Манатов Шер.	Член През.	Ректор В. П. И.
Пахомов Евг. Ал.	»	Доц. А. Г. У.

Президиум Бюро Популяризации Знаний.

Зифельдт Арт. Руд.	Председат.	Член Контр. Ком.
Далавассера Ал. Ос.	Секретарь	Секр. Ц. С. О-ва

Историческая Комиссия (комиссия имела одно заседание без докл.)

Проф. Чобан-Задэ Бекир	Председат.	Декан Востфака АГУ
Губейдулин Газ. С.	Зам. »	Доцент АГУ
Сысоев Вас. Мих.	Секретарь	Секр. Аз. Арх. Ком.
Абезгус Израил Марк.		Преподав. А. П. И.
Алекперов Алескер		Пом. сек. Ком. Тюрк. С'езд.
Александрович Дж.		Зам. пред. Аз. Арх. Ком.
Ахмедов Ахм. Бак.		Зам .Зав. Муз. Револ.
Ахундов Рухулла		Секр. Ц. К. АКП
Ахунд-Задэ Идрис		Преподаватель Рабфака
Багиров М.		Наркомвнудел АССР
Бергер Ан. Кс.		Доцент А. Г. У.
Буниат-Заде Дадаш		Наркомзем АССР
Гаджинский Ахмед		Зав. ред. газ. «Коммунист».
Проф. Жузе Пан. Кр,		Проф. АГУ и АПИ
Избаш Никол.		Юриск. НК РКИ
Измайлов Мих.		Зав. ПартШколой.
Проф. Ишков Леонид Ал.		Проф. А. Г. У. и директ. АзГосбиблиотек.
Климов Алекс. Ал.		Зав. Бак .отд. «Заря Вост.».
Меликов Мам. В.		Старший инспектор РКИ.
Пахомов Евг. Алек.		Доц. АГУ
Лавров Евг. Петр.		Зав. Ин. Отд .«Бак. Раб.».

Манатов Шер. А.		Ректор. ВПИ
Селиджанов М. З.		Зам. Зав. Азлитом.
Субхан-Вердиханов, Абдулла		Директор Госархива.
Тумбиль П. Х.		Прив.-доцент А.Г.У.
Уэльс Алекс. Васил.		Препод. шк. 2-й ступ.
Цитович Алек. Феод.		Юриск. АСПС
Джабиев Габиб		Ред. г. «Коммунист»
Шабанов Рза		Предс. Сел.-хоз. Ком. Госпл.
Проф. Мещанинов Ив. Ив.		Проф. Ленингр. У-та.
Шахбази Таги д-р		Секр. АзЦИК'а.
Шейх-Заде Исмаил		Зав. Рос. отд. Азгосарх.
Велиханов Абас Кули		Зав. 29 шк. 1 ст.
Проф. Фридолин Петр Петр.		Проф. АГУ; Зампред Научн. Сов.

Этнографическая Комиссия (1 заседание 1 доклад).

Пепинов Ахмед Дж.	Предс.	Предс. Азгосиздата
Ганиев Султ. Медж.	Зампредсед.	Преподав.
Сысоев Вас. Мих.	Секретарь	Секретарь Аз. Арх. К-та
Алекперов Алескер	Член През.	П. секр. Ком. Тюрк. С'езда
Байрам Алибеков Т.		Учитель
Булатов Ник. Ник.		Зав. Вост. отд. Аз. Кн. Палатой
Володин Семен Г.		Нач. Общ. Раб.
Проф. Жузе Пант. Крист.		Проф. АГУ и АПИ
Пахомов Евг. Алек.		Доц. АГУ.
Субхан-Вердиханов А.		Дир. Аз. Гос. Арх.
Султанов Аббас А.		Пред. Главполитпросв.

Юридическая Комиссия (1 зас.—докл.)

Талыблы	Председатель	Наркомюст АССР
Аскеров Наср.	Зампред.	Предс. Высш. Суда АССР
Проф. Удинцев Всев. А.	Уч. Рук.	Проф. АГУ и АПИ
Проф. Жузе Пант. Кр.	» »	» » »
Булатов Алек. Н.		Зав. Ред. Отд. ВСНХ АССР
Гаджинский Вогаб		Пом. секр. Граж. От. БНО суда
Избаш Ник. В.		Юриск. К. РКИ.
Меликов Мамед Г.		Ст. Инсп. РКИ.
Тимков Петр Ив.		Преподаватель
Холявин Пав. Ив.		Юриск. АзЦИК'а
Юсиф-Заде Али		Юриск. НКЮста

Талышская Комиссия (5 заседаний 3 доклада).

Калантаров Муталыб	Председатель	Отв. Секр. Обзавк. Союза Горн.
Ахунд-Заде Файяз	Зампред.	Секр. Азлита
Байрам Алибеков Т.	Учен. рук.	Учитель.
Акимов Евг. Конст.	Уч. рук.	Штатн. препод. АГУ

Мовсум Заде Исаг М.	Зампред.	Учитель
Мирза-Бейли Ак.	Секретарь	Препод. Техникум.
Халилов К.		Учащийся
Абдинов Талыб Зейнал оглы		Рабфаковец
Акперов Вагаб		Курсант
Гусейнов Муджитаба		Безработный
Гусейнов Салман		Рабфаковец
Ибадов М.		Красноармеец
Мамедов Абдул		Курсант
Мехралиев А.		Курсант
Мирсадыхов Мир Ислам		Делопроизводитель
Мерзаев Мамед		Красноармеец
Талыблы Г. А.		Рабфаковец
Талышинский Искендер		Учитель
Шамалов А. А.		Финагент

Фольклорная Комиссия (не созывалась ни разу).

Зейналы Ханафи	Организатор	Отв. ред. Азгосиздата

Татская Комиссия (2 заседания 1 доклад).

Алекперов Гаджи	Председатель	Нач. Упр. Земл. НКЗ
Ганиев Султан Мед.	Зампред.	Преподав,
Акимов Евг. Конст.	Учен. рук.	Штат. преп. АГУ.
Байрам Алибеков Т.	» »	Учитель.
Магарик Наум	» »	Зав. 134 шк. 2 ст.
Равинович Бенали Сем.	Секретарь	Пом. Фининспектора
Рувимов Рувим	Член. През.	
Азарунов Саламон		

Дагестанская Комиссия (8 заседаний и 8 докладов).

Улусский Мамед	Председ.	Зав. бибот д. ГПИ
Семенов Сергей П.	Секретарь	Студент
Амирханова Уму Касум	Член. През.	Учительница
Кажлаев Шихаб-эддин	»	Студент
Амиров Шахмардан		Учитель
Аскеров Абдул Д.		Учащийся
Бабаев Азим М.		»
Бамматов Зейнал М.		»
Гаджиев П.		
Гаджиев Адуреб А.		
Гайдаев Шафи Мам		Счетовод
Гитинаев Гусейн Г.		Студент
Девлетханов Д.		»
Джамалов З.		Учащийся
Зейналов		»
Зейналов Асаф		Делопроизвод.

Исаев-Джавалигу Гаджи Иса		Секретарь ФЗУ
Казбекова Фарут А.		
Каримов Халил К.		Учащийся
Канбулатов Михаил И.		»
Партыханов Салт.		
Салаваров Алим-Паша		Студент
Салтанов Сулейман		
Дондатаев Гусейн М.		Учащийся
Алибеков Искендер		Пом. Нач. Охраны
Чаринов Мурат М.		
Шахназар Ахмед К.		Инженер
Везиров Н. М.		Инспектор ИНО НКВД
Гасанов Султан		Учащийся

Президиум Комиссии Искусств (2 общих заседания)

Терегулов Х.	Председат.	Зав. Азлитом
Проф. Фридолин П. П.	Член. През.	Зам. Пред. Науч. Сов.
Проф. Сладкопевцев В. В.	»	Проф. Театр. Училища
Проф. Айзберг Ил. Сем.	»	Директор Гос. Консерват.
Проф. Зуммер В. М.	»	Проф. АГУ
Гаджибеков У.	»	Дирекг. Тюрк. Муз. Техн.

Подкомиссия Изобраз. Искусств (4 заседания, 2 доклада).

Проф. Фридолин П. П.	Председат.	Зам. Пред. Научн. Сов.
Квитко В. С.	Член. През.	Преп. Отд. Прикл. Искусст.
Алекперов Алекпер		П. Сек. Ком. Тюрк. С'езда
Баранова Ефр. И.		Сов. служ.
Быков Конст. Я.		Препод. Графики
Вейнштейн Петр Як.		Пом. Нач. АФКУ
Вендлин Над. Конст.		Кино-актриса
Проф. Зуммер Всев. Мих.		Проф. АГУ
Книшь Людв. Ф.		Художник
Левенсон Ксен. Сем.		Зав. Лит. Отд. Азлита
Литвинов Ал. А.		Кино-Режиссер
Массалова Линда Рудольф.		Библиотек
Семенова Ксен. Сем.		Сов. служ.
Трипольская Ел. Р.		Скульптор
Троцкий С. С.		Кино-актер
Фридолина Ольга Валент.		Студентка
Фурсевич Людм. Львов.		Препод. Рабфака
Щербачева-Муради Люб. Д.		Учащаяся

Подкомиссия. Театральная (6 заседаней, 3 доклада).

Терегулов Ханафи	Председат.	Зав. Азлитом
Ибрагим Халил	Заместит.	Журналист

Ганиев Султан Медж.		Преподав.
Проф. Сладкопевцев Вл. Вл.	Уч. рук.	Проф. Тюрк. Театр. Уч.
Аббасов Гаджи Ага		Директор Гостеатра
Алиев Мирза Ага		Актер
Дараблинский Рза Н.		,,
Костенко Лидия Сем.		Учащаяся
Сельмянская Тамара		,,
Шарифов А. М.		Режиссер Авку

Подкомиссия Музыки (4 заседания, 1 доклад).

Гаджибеков Узеирбек	Председат.	Дир. Муз. Техн.
Проф. Айсберг Илья Сем.	Учен. Рук.	Дир. Аз. Гос. Конс.
Маилян Акт.	Член. През.	Преподав.
Проф. Карагичев Бор. В.	»	Проф. Аз. Гос. Консерв.
Гаибова Гадиджа Ханум		Свободн. художница
Зейналов Асаф		
Маилян Евг. С.		Преподават.
Сарабский Гусейн Кули		Артист Госоперы

Подкомиссия Пластики (1 заседание).

Кеворков Серг. Ник.	Балетмейстер
Гаибова Хадидж. Ханум	Организат. Своб. худ.
Далавассера Анна Арт.	Сов. служ.
Орловская Ольга Ник.	Препод. Консерв.

Промышленная Комиссия (не созывалась ни разу).

Хаджи Касумов Муса	Председат. Пред. ВСНХ.
Булатов Алекс. Ник.	Зав. ред. отд. ВСНХ.
Проф. Гольберг Исак. Конст.	Проф. АГУ
Гольберг Ефим. Конст.	Лаборант АГУ
Гулиев Ага Усейн.	Зав. Строотд. Азсельбан.
Джамалинский Ад.	Сотрудник Азхлопка
Дитерихс Иосиф Конст.	Директор Шелк. Станц.
Драгневич Евг. Вас.	Управл. Гл. Конт. Азнефти
Ильдрым Чингиз	Зам. пред. ВСНХ.
Шахтахтинский Н. Б.	Зам. Зав. Глав. Профобр.
Крыжановский	Зам. Дир. Сел.-хоз. Музея
Кочарян Г. А.	Препод. АПИ.

Сельско-Хозяйственная Комиссия (8 заседаний, 6 докладов).

Датиев И. М.	Председат.	Зам. Наркомзема
Проф. Лебедев Н. А.	Член. През.	Проф. АПИ и Нач. Упр. НКЗ
Дударов Ахмед	»	Член Правл. «Кейберлиги»
Авдеев Мих. Ник.	»	Препод. АГУ и АПИ
Булатов А. Н.		Зав. Ред. Отд. ВСНХ.
Буниат Заде Дадаш		Наркомзем.
Гаджиев М.		Зав. Азсельскл.

Володин Семен Г.	Зав. Общ. Раб.
Проф. Вольпер Евс. Самуил	Проф. АПИ
Гулиев Ага Гусейн	
Джамалинский Адиль М.	Сотр. Азгосхлопка.
Дикий Петр И.	Секретарь Госбанка
Дитерихс Иос. Конст.	Директ. Шелк. Ст.
Еланский Дм. Ив.	Ревизор-Инспектор НКЗ
Малышев Алекс. Иосиф.	Агроном НКЗ
Рзаев Эйнулла	Зав. Шк. Ликв. Бакучпредс.
Сейдбейли З. А.	Пред. Сельхоз. Банка.
Тер-Степанов Др. Б.	Зам. Зав. Земотд. Бакс.
Проф. Смирнов-Логинов В. П.	Декан Сельхоз. Фак. АПИ
Хацкевич Фед. Т.	Техник-Строитель
Чилингарянц	Ред. «Экон. Бюл.»
Шидловский Мих. Вас.	Зам. Зав. ОЗРА
Шабалов Рза	Предс. С.-Х. Ком. Госплана
Щербинин Алекс. Н.	Агроном—-руков.
Проф. Бржезицкий Мих. В.	проф. АПИ и АГУ.
Егоров Алекс.	Инстр. Азвина и Консульт. НКЗ
Демидова Мар. Ив.	Студ. и сотр.

Финансовая комиссия (I засед.—доклад).

Алиев Теймур	Председ.	Уполн. З. Н. К. Ф.
Ордубадский Фир.	Зампред.	Зампред Госплана
Баганов Вл. Петр.	Чл. Презид.	Управ. Пром. Банком
Лактионов Петр. А.	,, ,,	Пред. Биржи и Зам. Упр. Гос. Банка
Чилингарян	Секр. През.	Ред. «Эконом. Бюл.»
Булушев Зейнулла Х.		Зампред. АзСельБанка.
Дикий Петр Ив.		Секр. Гос. Банка
Меликов Мамед Г.		Ст. инсп. РКИ
Сеидбейли В. А.		Предс. Азсельбанка
Шамилов А. А.		

Торгово-Кооперативная Комиссия (I засед.—доклад).

Букреев А. Н.	Председ.	Уполн. ЗНК Внуторг.
Фарадж Заде Аскер	Зампред.	Пред. Азериттифака
Ордубадский Фируз.	,,	Зампред. Госплана
Асланов Надирбек		Секрет. Уполн. Нарком Внуторг.
Гулиев Ага Усейн		
Векилов Газанфар		Инстр. Аз. Арх. К-та-студент
Сеидбейли З. А.		Пред. Азсельбанка
Чилингарян		Ред. «Экон. Бюл.»

Демографическая Комиссия (2 заседания—1 доклад).

Блинов И. Ф.	Председ.	Ред. ж. «Нефт. Хоз.»
Рутштейн С. Л.	Зампред.	Зав. Статотд. Баксовета

Михельс Б.	Секретарь	Зав. Отд. Демогр. АзЦСУ
Вейс Петр Мих.		Зав. Статотд. Наркомпроса
Авдеев Мих. Ник.		Преп. АГУ и АПИ
Бирюков Илья Дмит.		Инсп. Загс НКВД.

Инженерно-Строительная Комиссия (2 засед.—1 доклад)

Инж. Муллаев Магом.	Организат.	Зам. Нач. Упр. Госпр. ВСНХ
Инж. Дунтау Альт. М.		Инж.-Инсп. ВСНХ.
Инж. Беглярбеков Алескер		Нач. Упр. Шос. Дор. АССР
Инж. Винковский Павел Ив.		Зам. Зав. Стр. Отд. Гум'а
Инж. Муллаев Исмаил		Инж. Констр. ВСНХ
Инж. Саркисов Вартан С.		Архит. НКЗ, преп. АПИ
Инж. Соболев Вас. Н.		Инж. при Гумх'е НКВД
Багиров Гусейн		Сотр. АзЦИК'а
Инж. Дударов Асланбек Камбул		Пом. Нач. Упр Госпредпр. ВСНХ

Историко-Экономическая Комиссия (не созывалась).

Проф. Ишков Леонид А.	Дир. АзГосбибл. и проф. АГУ
Авдеев Мих. Ник.	Преп. АГУ и АПИ
Алибеков Багир	Зав. Отд. Упр. Уполнарвнуторг
Алхазов Гасан А.	Зам. Зав. Исп. Бюро КК
Альтшулер Грир, Л.	Завполитпр. ЦК АЛКСМ
Асланов Надирбек	
Гаджиев Назир	Секрет. Ред. „Бак. Раб.“
Джевадян Герас. А.	След.-докл. КК АКП
Каспаров Иван С.	Зав. Агитпр. Отд. БК АКП
Лавров Евг. П.	Зав. Ин. Отд. «Бак. Раб.»
Манатов Шериф А.	Директ. В. П. И.
Меликов Мамед Г.	Ст. Инсп. РКИ
Мельниченко Федор П.	Зав. п/о Нацменш. ЦК
Мирзоян Левон	Секретарь Бак. Ком. АКП
Парушин Вл. И.	Зав. Ком. Отд. Баксовета
Ордубадский Фируз.	Зампред Госплана
Перельман Раиса. Сол.	Сотрудница
Поляк Сан. Т.	Сотрудники Биржи
Салимов М. Т.	Директор Кн. Палаты
Хованская Сарра Яков.	Техн. Секр. Месткома АзСо.
Чилингарян	Ред.
Багиров М.	Наркомвнудел АССР
Мирзаев Сулейман	Сотрудник
Априков	Зав. Секр. АзЦИК'а

Комиссия Советского Строительства

Эфендиев Султан Медж.	Организат.	Нарком РКИ АССР и Пред. КК АКП.
Априков Шакро Георг		Зав. Секретариат. АзЦика

Бартольд В. Л.		Журналист
Мирзабекянц Л. Н.		Нач. Эконом. Инспек. РК РКИ
Парушин В. И.		Зав. Бак. Ком. Отд.
Хованская С. Я.		Тех. Секр. Местк. Азсоюза

Комиссия Историко-Литературная (1 засед.—1 доклад)

Хикмет Исмаил	Организат.	Преподав.
Агаев Амир		
Алекпер-Заде		
Аляви Абдулла хан.		Студент
Багиров Селим.		Курсант
Зейналлы Мирза Мамед		Преподаватель
Карягди Исмаил		Преподаватель
Мусаханлы Ата Баба		Препод. Женс. учит. Семинарии
Рагимов М. Н.		Зав. Рев. отд. Гос. Арх.
Шарифов Абдулла		Сотрудн. газ. „Коммунист“.
Шахбази Таги		Секретарь АзЦИКа
Шахбазов.		Курсант

Комиссия изучения Кочевников

Кочарян Г. А.	Организат.	Препод. АПИ.
Бартольд В. Л.		Журналист
Калестинов Д. К.		Препод. АПИ
Мирзабекянц Л. М.		Нач. Экон. Инспек. НК РКИ
Седельников Т.		Москва РКИ СССР.

Историко-Тюркологическая комиссия (2 засед.—2 доклад)

Губайдулин Газис С.	Организат.	Приват доц АГУ
Ага-Заде Султан		Преподаватель
Алескер Заде Али оглы		Учащийся
Ахундов Рухулла		Секретарь ЦК. АКП
Бабаев Мустафа		Зав. Общ. Частью Адм. Отд.
Бадалбеков М. Х.		Сотр.упр. Джульфа-Бак. жел. дор.
Байрамов Я.		Лаборант Тюркск. Партшколы
Бахшалиев Мамед Гасан		Архивариус Гос. Архива
Булушев З.		Зампред АзСель Банка
Буниат Заде Дадаш		Наркомзем и Предс. Госплана
Курбанова Рабича М.		Учительница
Муфтахидинова З.		
Садыги Гасан		Секр. Глав. Соцвоса НКП
Садыхов Садых		Шапочник
Танабалы В. А.		
Усейн Заде		Преподаватель
Хурамович И.		Старш. Инстр. Азериттифака
Шабанов Ф. Ш.		

Шахбази Таги		Секретарь Аз‘ЦИК‘а
Ях‘яев Мамед Садых		Сотрудник

Педагогическая (Тюркологическая) Комиссия

Касимов Панах	Организат.	Пред. Союза Азпрос.
Кули-Гусейнов		Зам. пред. союза Азпрос
Агаев Амир		Учитель
Агаев Мустафа		Педагог
Ахун Заде И. И.		Нач. Уч. части Азвоеншколы
Заркарли И. С.		Учитель
Мирджафаров Мир Абдул Гасан		Зампред. Глав. Полит Просвета
Мирзабабали Мамед Али		
Мусанхалы Ата Баба		Препод. жен. учит. Семин.
Мухарамова Э. Ш.		Учительница
Мухарамова С. Ш.		„

Лингвистическая Комиссия (1 засед. 1 доклад).

Проф. Чобан-Заде Б.	Организатор	Декан Вост. Фак. АГУ
Алхазов Г. А.		Зам. Зав. Испол. Бюро КК АКП и НК РКИ АССР
Ахундов Рухулла		Секретарь ЦК АКП
Шахбази Таги		Секретарь АзЦИК‘а
Эфендиев Джаббар		Преподаватель

Комиссия Изучения Касп. Моря. (Не созывалась)

Байрамов Я.		Лаборант Парт. Школы
Струйский Н. Н.		Нач Упр. по Обесп. Кораб. на Касп. море
Державин А. Н.		Профессор АГУ

Ботаническая Комиссия. (Не созывалась)

Бржезицкий В. М.	Организатор	Профессор АПИ и АГУ
Гольберг И. К.		Профессор АГУ
Гущин Г. Г.		Лаборант АПИ
Кара-Мурза Л. Х.		Препода-ца Рабфака
Щидловский М. В.		Зам. Зав. ОЗРА НКЗ

Алфавитная Комиссия. (4 засед.)

Агамали-Оглы	Председ.	Пред. АзЦИК‘а
Гусейнов Теймур	Председ.	Зав. Агитпропотд. ЦК
Ага-Заде Ф. Р.		Зав. Изд. отд. Ком. Нов. Алфав.
Ахунд-Заде И.		Нач. Уч. частью Азвоен. школы
Иманов Г.	Зампред.	Зав.. отд. Просв. Литер. газ. «Ени Ел»
Хулуфлу В.	Секретарь	Зам. Зав. Изд. отд. Нов. Тюр. алфавита

Историко-религиозная Комиссия.

Зифельдт А. Р.	Организат.	Член Парткол. ЦКК АКП
Алекперов Алескер		Пом. Ответ. Секр. Ком. по созыву Тюркол. С'езда
Измаилов М. И.		Зав. Цен. Сов. Парт. Шк.

Иранская Комиссия.

Булатов Н. И.		Зав. Вост. отд. Аз. Кн. Палаты и корресп. «Зари Востока».
Мурад-Заде		Переводчик.

Горская Комиссия.

Дударов Ахмед бек		Член Правления Союза Сельс.-Хоз. Кооперативов.
Тамбиева		Сотрудница Госмузея
Датиев М.		Зам. Наркомзем

Курдская Комиссия. (Не созывалась)

Ильдырм Чингиз	Организатор	Зампред. ВСНХ АССР

Комиссия Путей Сообшения. (Не созывалась)

Ильдрым Чингиз	Организатор	Зампред. ВСНХ АССР

Медико-санитарная Комиссия.

Др. Кязимов	Организатор	Секретарь АзЦИК'а
Гольберг Е. К.		Лаборант

Словарно-Языковая Комиссия. (1 заседание, 2 докл).

Проф. Ашмарин Ник. И.	Председ.	Проф. АГУ.
Гасанов И.	Секретарь	Зам. СельХоз Отдел.
Керимов Гусейн.		Преподават.
Хулуфлу.		Журналист.

Физико-Географическая Комиссия.

Фигуровский И. В.	Организ.	Проф АПИ.
Дикий П. И.		Секр. Аз. Кон. Гос. Банка.
Михалевский.		Директор Моск. Обсерват.

Ревизионная Комиссия.

Сысоев В. М.	Секр. Аз. Арх. Ком.
Смирнов В. В.	Упр. Аз. Ц. С. У.
Субхан Вердиханов.	Дир. Аз. Гос. Арх.

Редакционно-Издательская Комиссия.

ОЧЕРКИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ и ТОРГОВЛИ.

В ряде небольших очерков мы постепенно постараемся дать краткие сведения о современном состоянии Азербайджанской торговли и промышленности

Редакция.

АЗГОСХЛОПОК.

(Азербайджанское Отделение Закавказского Хлопкового Комитета).

Задача Азхлопка—восстановить Азербайджанское хлопководство, совершенно разрушенное войной. Восстановление началось в 1921 г., когда было засеяно 2500 десятин хлопчатника.

В 1922 г., ввиду отсутствия посевных семян, было засеяно 300 десятин. В 1923 г. Азхлопок, об'единившийся с Главным Хлопковым Комитетом РСФСР, под названием «Госхлопок», засеял 13.000 десятин. В 1924 г. после расторжения договора с ГХК переименованное в Азотделение Закавказского Хлопкового Комитета, засеяло 92.000 десятин, а в 1925 г. —.97.000 дес. хлопчатника.

Таким образом, Азербайджанская хлопковая промышленность за пять лет была не только восстановлена, но перешагнула довоенную площадь, достигшую в 1914 году 93.000 десят.

В 1925 г. Азгосхлопок заключил договор на посев хлопчатника с 65.000 крестьянами-посевщиками. От урожая текущего года ожидается хлопка-сырья 4.500.000 пудов, а от переработки хлопка-сырца около 1.400.000 пудов хлопка волокна. Переработка хлопка-сырца в хлопок-волокно производится на 17 хлопкоочистительных заводах.

Цена на хлопко-сырец, платимая крестьянам—лимитная и устанавливается ежегодно, перед сбором хлопкового урожая, СТО СССР. На расходы по обработке хлопковых плантаций, крестьянам выдается аванс по 60 руб. на десятину.

Стоимость хлопкового сырья, закупаемого у крестьян исчисляется в кампанию 1925/26 г. в 23.000.000 руб.

В целях скорейшего укрепления крестьянского хозяйства хлопководческих районов, Азхлопок выдает своим клиентам посевщикам хлеб, мануфактуру и другие товары по ценам, значительно ниже рыночных.

Из хлопковых семян Азхлопок вырабатывает хлопковые масла, а из масла мыло. Маслобойно-мыловаренный завод находится в Ляках и строится новый, мощный маслобойно-мыловаренный завод в Гандже. Центральное Управление в Баку (Кооперативная, 8). Директор ***А. Г. Мехтиев.***

АЗНЕФТЬ.

(Азербайджанская нефтяная промышленность).

Государственное Об'единение Азербайджанской Нефтяной промышленности, «Азнефть», является крупнейшим нефтяным предприятием не только в С. С. С. Р., но и в мировом масштабе.

Азнефть об'единяет на Апшеронском полуострове, вблизи гор. Баку, шесть промысловых групп: Балаханскую, Сабунчинскую, Раманинскую, Биби—Эйбатскую, Сураханскую и Бинагадинскую, где производится бурение скважин и добыча нефти. Переработка ее производится на заводах Азнефти в Черном и Белом городе (предместия Баку).

Кроме основных производств: бурения, добычи и переработки нефти Азнефть об'единяет целый ряд предприятий, непосредственно связанных с производством и подсобных: Товарное Управление, ведающее перекачкой нефти и ее хранением; Электроток, снабжающий электро-энергией все предприятия Азнефти, весь город Баку и его районы, (станции электротока по своей мощности, являются крупнейшими во всем С. С. С. Р.) промысловую узкоколейную железную дорогу (общим протяжением около 120 верст), Автотранспорт (свыше 500 машин), механические заводы и мастерские, изготовляющие новое оборудование для промыслов и т. д.

Огромное нефтяное хозяйство, национализированное в июле 1920 г., перешло в руки Советской власти в разрушенном и запущенном состоянии

Путем невероятных усилий работников Азнефти удалось восстановить и расширить нефтяную промышленность А. С. С. Р.

К концу пятилетия национализации нефтяной промышленности, некоторые отрасли ее перешагнули нормы довоенного времени, а другие уже близко подошли к ним.

Следующая таблица показывает развитие Азербайджанской нефтепромышленности:

Год	Добыто нефти и газа		Пробурено:	
	мил. пуд.	%	сажен.	%
1920/21	151,7	100	1.608	100
1921/22	181,2	119,4	7.069	439,7
1922/23	214,2	141,2	23.061	1.434.1
1923/24	253,4	167,0	36.599	2.276,1
1924/25	289,8	191,0	57.192	3.556,7

К концу 1924/25 операционного года месячная добыча поднялась до 28.7 мил. пуд. (76 %—довоенной; бурение за время национализации увеличилось в 35 раз, достигнув в операц. году 57.192 с. и превысив среднюю довоенную проходку.

За 1924/25 операцион. год на нефтеперегонных заводах Азнефти переработано 190,3 мил. пуд. нефти и 50,7 мил. пуд. мазута и проч. из них

получено: *керосина—50,7 мил. пуд. смазочн. масел—10,5 мил. пуд. соляр. мас—15,0 мил. пуб. газойля—5,6 мил. пуд.; бензина—4,1 мил. пуд. газолина—9,6 мил. пуд. нефт. топлива и проч. 143,4 мил. пуд. итого 238.9 мил. пуд.*

За истекший 1924/25 операц. год из Баку было вывезено на внутр. рынок нефтепродуктов: *морем—154,8 пуд. по жел. дор.—30,0 мил. пуд. в Батум для экспорта 59,6 мил. пуд. в Персию—1,5 мил. пуд.* Азнефть излишки своих товаров экспортирует за границу.

Экспортировано всего:

год	вывезено из Батума за границу:	
1913	37,845 т. п.	100%
1921/22	6,201 » »	16,4
1922/23	14.116 » »	38,3
1923/24	32,057 » »	84,7
1924/25	56,108 » »	148,3

т. е. экспорт последнего года на 48 % превышает довоенный.

Азнефть обслуживает около 45.000 рабочих и служащих.

В настоящее время Азнефть обращает особенное внимание на рационализацию производства: так, поставлено более 1000 глубоких насосов (до национализации не было ни одного). Развивается вращательный и канатный способ буренья. Благодаря техническим усовершенствованиям и нововведениям на заводах Азнефти получается бензину в три раза больше, чем до войны. Улучшено и расширено также газовое дело.

Во главе Азнефти стоят: ***А. П. Серебровский*** и ***М. И. Баринов.***

АЗВИН.

Азербайджанский Государственный винно-спиртный трест «Азвин» образован из 8 советских хозяйств в Ганджинском районе с площадью 1.943 дес., из коих 452 десятины виноградников, дающих в среднем 200.000 пудов винограда. Кроме того Азвин располагает несколькими предприятиями, где ведет заготовку, принимая для переработки от крестьян виноград и спирт в виде водки. Размеры этих закупок достигают нескольких сот тысяч пудов винограда и до 2 миллионов градусов спирта. Трест имеет в своем распоряжении 8 коньячных и ректификационных заводов с суточной производительностью до 65.000 градусов. В совхозах находятся 7 виноделен и 6 подвалов общей емкостью 800.000 ведер вина. Все совхозы электрофицированы и производство механизировано. Вино, коньяк и водка Азвина реализуется под маркой Треста в Баку и др. городах Азербайджана, а также в Москве открыта контора, продающая продукцию в столице Союза ССР и в других крупных городах ЗСФСР.

Управляющий Трестом Азвин ***Кадымбеков.*** Управделами ***Ахундов.***

В. С. Н. Х.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ АЗЕРБАЙДЖАНА.

Государственная промышленность имеет следующие отрасли: текстильную, винодельческую, табачную, горнозаводскую, швейную, мукомольную, шелкомотательную, химическую, соляную, металлообрабатывающую, рыбную и полиграфическую. Все эти отрасли промышленности, за исключением винодельческой, подчинены регулирующей и управленческой деятельности Высшего Совета Народного Хозяйства АССР. (В. С. Н. Х.).

До 19 апреля 1924 года функции регулирования промышленности и торговли принадлежали Наркомпромторгу, учрежденному постановлением СНК АССР от 13 июля 1922 года. Высший Совет Народного Хозяйства образован постановлением АЗЦИК'а от 24 апреля 1924 года, когда функции специально по регулированию торговли перешли к вновь учрежденному Наркомату—Комвнуторгу. ВСНХ имеет два функциональных управления—управление государственными предприятиями и экономическое управление, об'ем функций которых в общем совпадает с функциями аналогичных управлений ВСНХ РСФСР. В течение всей деятельности ВСНХ, центр работы заключался в управлении подведомственными государственными предприятиями, и только в конце 1924-25 года было приступлено к планомерному регулированию всей промышленности Азербайджана, как государственной, так и частной и кооперативной. Перенесение Высшим Советом Народного Хозяйства центра внимания на деятельность государственных промышленных предприятий об'ясняется тем фактом, что момент организации регулирующего и управленческого аппарата—ВСНХ совпал с фактом твердого перехода промпредприятий на положение трестов (май месяц 1924 года). Промышленные предприятия до этого момента были трестированы только номинально (закон о трестах АССР издан 9-го октября 1923 года), так как фактически уставный капитал трестов (основной и оборотный) не был еще определен и не были определены рамки оперативно-хозяйственной работы трестов. При об'яснении того факта, что управленческая деятельность Высшего Совета Народного Хозяйства превалировала над общей регулирующей работой по отношению всей промышленности Азербайджана, следует иметь ввиду, что трестирование промышленных предприятий в смысле законченного определения правовой их природы не предрешало еще вопроса о благополучии их оперативно-хозяйственной деятельности, если принять во внимание недостаточность оборотных средств, сжатость государственного кредита, еще окончательно не изжитые последствия депрессии рынка конца 23 года, а также тот факт, что трестированные предприятия начали работу с крайне изношенным механическим оборудованием, при полном почти отсутствии нормализации работы и рационализации производства. Естественно, по этому, что на первое время круг деятельности Высшего Совета Народного Хозяйства был с'ужен в направлении полного выявления всех нужд подве-

домственной государственной промышленности и изыскания способов для их удовлетворения. Проблема восстановления промышленно-основного капитала особенно остро чувствовалась, так как государственная промышленность АССР за все время своего существования ни разу не получала ни дотации, ни долгосрочной ссуды. При сложившейся в общем благоприятной рыночной кон'юктуре для развития всех отраслей госпромышленности —непосредственная близость сырьевой базы и рынка сбыта—вопросы восстановления основного капитала приняли тем более актуальное значение. Темп развития госпромышленности в конечном итоге зависел от прилива средств в основной и оборотный капиталы, так как очередная задача—доведение валовой выработки хотя бы до норм довоенного времени даже при наличии других содействующих факторов не могла быть выполнена без расширения и обновления механического оборудования, без рационализации производства и увеличения оборотных средств. Для того, чтобы дать правильную оценку деятельности ВСНХ, в области непосредственного регулирования государственной промышленности, необходимо иметь также ввиду то обстоятельство, что трестированные предприятия не имели в прошлом правильно поставленной бухгалтерской и производственной отчетности, форм калькуляционного опыта, и тем более опыта по обхвату рынка операциями по сбыту и по заготовкам, так как эти функции принадлежали центральному коммерческому аппарату при наркомате.

Вызванное всеми этими причинами сужение деятельности Высшего Совета Народного Хозяйства в области регулирования промышленной экономики Азербайджана позволило в то же время расширить сферу деятельности ВСНХ в вопросах, непосредственно относящихся к восстановлению государственной промышленности, и уже истекший операционный 24—25 год дал результаты, производственный эффект которых таков, что состояние государственной промышленности в отношении максимума использования наличного механического оборудования и работы можно характеризовать как стабильное. Достигнутый успех является отправным пунктом для дальнейшей деятельности Высшего Совета Народного Хозяйства в двух основных направлениях: во-первых, по разрешению проблемы расширения основного капитала госпромышленности и, в связи с этим, проблемы ее реконструкции в масштабе промышленно-экономического районирования Закавказья (поэтому, назревшим вопросом является организация Закавказского ВСНХ) и, во-вторых, по осуществлению политики регулирования всей промышленности в целом (государственной, кооперативной, местной и частной). При рассмотрении промышленных планов на 25—26 год президиум ВСНХ Союза ССР нашел возможным утвердить план новостроек нового оборудования в текущем операционном году на сумму 1.685.000 рублей путем отпуска средств на условиях долгосрочной ссуды. К этой сумме нужно будет прибавить суммы, полученные от реализации неликвидного имущества, а также суммы амортизационные и суммы получаемые в процессе оперативной деятельности трестов. Но, ко-

нечно, положительные результаты, полученные при построении госпромышленности на началах рационализации производства еще не дают основания не углублять и не утончать еще более работу по научному изучению производственных процессов каждого отдельного промышленного предприятия. Технико-нормировочные бюро промпредприятий должны подойти к точному хронометрическому изучению всех единичных производственных процессов и производственного процесса в целом. Эта задача, при общей недостаточности средств и необходимости их экономии продолжает быть задачей согодняшнего дня. Изучение причин простоев машин, вопросы топливного хозяйства, концентрация производства, вопросы санитарии и ряд других вопросов, это та цепь практических вопросов, от удачного разрешения которых достигается не только понижение себестоимости продукции, но и увеличение валовой выработки и самое качество продукции.

Для правильного представления о состоянии государственной промышленности Азербайджана нужно исходить из двух точек зрения: во-первых, из анализа состояния госпромышленности в целом, и во-вторых из анализа состояния отдельной отрасли промышленности. Общий сводный баланс всей госпромышленности за истекший операционный год даст безусловно активное сальдо, но самый размер прибыли пока что не представляется возможным определить, т. к. заключительный баланс находится еще в периоде составления. Президиум ВСНХ СССР постановлением своим от 4 ноября 1925 г. констатировал, что промышленный план на 24—25 г. государственной промышленностью ВСНХ выполнен на 100⁰/₀ и что госпромышленность Азербайджана уже достигла почти по всем производствам технического предела и дальнейшее ее развертывание возможно будет только за счет капитального ремонта и новостроек. Не загружены только медоплавильное производство (25⁰/₀), мартеновские печи (25⁰/₀); чугун и цемент (75⁰/₀) и мукомольное (25⁰/₀).

Процент недогрузки по перечисленным производствам об'ясняется с одной стороны отсутствием сырья (мукомольное, медеплавильное, мартеновские печи, чугун) и с другой стороны несовершенством силовых установок (цементное производство). Насколько достигла валовая выработка всей госпромышленности уровня довоенного времени не представляется возможным выяснить, так как в настоящее время имеются такие отрасли промышленности, которых в довоенное время в Азербайджане совсем не имелось (напр. швейная промышленность, стекольное производство) с другой стороны метод учета выработки в довоенное время по некоторым отраслям промышленности (напр. рыбная) был совершенно отличным от теперешнего. По некоторым отраслям промышленности, напр. текстильная и табачная можно констатировать тот факт, что валовая выработка 24—25 года сравнялась с выработкой мирного времени, (по отношению красной фабрики им. Ленина с переводом выработки 1913 года на 8-ми часовый рабочий день и с вычетом 1.600.000 экв. арш., падающих на вторую смену в 24—25 году). Показательным моментом для характе-

ристики под'ема économique госпромышленности служит сравнение 24—26 года с предшествующими 23—24 годами:

	Выработка (количеств.)		% увеличен.
	23—24	24—25	
Шелкомотальн. Азшелк (п.)	2.057	2.904	41,1%
Фабр. им Ленина (экв. арш.) . . .	9.400.864	12.768.095	35%
Азодежда (шт.)	226.093	293.601	29,8%
Азтабак (папир)	187.128.400	368.675.010	96,6%
Авполиграфтрест: (наб.)	184.598.217	253.000.807	38%
(печ. отт.)	24.570.562	49.585.076	102%
Азкожа: круп. кожа. (п.)	3.943	8.327	111%
мелк. кожа (шт.)	18.340	49.619	171%
Асу (п. соли)	253.717	500.000	97%
Нахсу (п. соли)	1.156.000	2.054.000	77,6%
Азмуктрест (переработка рису) . .	1.143.150	1.917.942	67%

Все означенные отрасли промышленности дали в 24-25 г. значительное превышения выработки против 23-24 года. Только мукомольный трест дал уменьшение в отношение переработки пшеницы на 18% (переработка в 24-25 года 2.823.449 п. против 3.902.930 п. 23-24 года), что об'ясняется уменьшенным завозом пшеницы с Северного Кавказа. В ценностном исчислении валовая выработка 24-25 года дала следующее в процентном отношении увеличение, по сравнению с 23-24 годам:

	Выработка в (рублях)		% увеличен.
	23—24	24—25	
Азшелк	1.159.439	1.334.51	15,1%
Фабр. им. Ленина	3.381.276	4.429.819	31%
Азодежда	909.960	1.285.084	41%
Азтабак	1.440.761	2.170.260	50%
Азполиграфтр.	742.026	1.147.770	54,7%
Азкожа	254.227	4.90.211	92%
Азсольтрест (АСУ и Нахсу)	532.553	948.000	78%

Истекший операционный год в отношении реализации прошел настолько благополучно, что все отрасли промышленности почти полностью реализовали свою годовую выработку. Текстильная же промышленность дала реализацию с превышением выработки за счет остатков от 23-24 года. Факт такой успешности сбыта продукции госпромышленности является сам по себе показательным, как доказательство экономический связи местного рынка с производством, так как продукция почти на все 100% распространяется, имеонно, на рынках Азербайджана. Исключение

составляет шелкомотальная промышленность, питающая своей продукцией центральную шелкоткацкую промышленность и из общей суммы выработки на сумму 1.333.561 р. давшая реализацию на 1.249.446 р. Увеличению выработки в 24-25 году сопутствовало и снижение себестоимости продукции, при чем % снижения дает максимум 62 (кожевная промышленность) и минимум 9. Уровень под'ема производительности труда также был неодинаковый по сравнению с 23-24 годом, достигая максимум превышение на 90% и минимум 15, 1%. Этот краткий обзор (в обзор из крупных единиц не вошла рыбная промышленность, так так операционный год истекает 1 января) свидетельствует о действительно нарождающемся под'еме госпромышленности Азербайджана. Промышленный план на 1925-26 год построен на дальнейшем расширении производства. По этому плану увеличение продукции предполагается на 73% валовой продукции 24-25 года (кроме мукомольной пр-сти) с увеличением числа рабочих на 31% (5.811 чел. против 4.429 чел.) и с доведением годового выпуска на 1 рабочего до 3.264 р. вместо 2.473 в 1924-25 г. или увеличением на 32%. Расход топлива в связи с расширением производства на 73% увеличится в 25-26 году на 66% (727. тыс. руб. против 442, 7 тыс. руб.). Председатель ВСНХ — ***Хаджи Касумов;*** Зампред.—***Ч. Ильдрым;*** Член Президиума—***И. Н. Чикарев.***

АЗРЫБА.

Азербайджанский Государственный Рыбопромышленный Трест.

Одной из важнейших отраслей промышленности Азербайджана является рыбная промышленность.

Азрыба об'единяет в настоящее время самые богатые промысла, которые делятся на красноловно-частиковые и сельдяные, при чем последние, как наиболее пострадавшие в период гражданской войны, частью находятся в стадии восстановления, частью уже восстановлены, и начиная с 1924 года эксплоатируются. Главным промыслом Азрыбы является промысел имени Н. Нариманова бывший «Банк», являющийся одним и богатейших в Союзе по уловам красной рыбы и лосося и первым в мире по количеству добываемой икры. Имея в своей продукции столь ценный товар, как икра, Азрыба принимает все усилия к налаживанию связи с заграницей по экспорту икры, при чем ее экспортные операции, начиная с 1924 года прогрессивно увеличиваются, дойдя к концу 1925 года до реализации 10,000 пудов зернистой и паюсной икры. Остальная продукция реализуется частью в Закавказьи, в главной же и самой ценной своей массе, в крупнейших центрах СССР, через сеть торговых представительств Азрыбы, открытых в разных городах Союза. Особое внимание уделяется на достижение наилучшего качества и усовершенствование обработки товара. Правление: Баку, Коммунистическая, 35. Директор Треста—***Баба Алиев.***

ЗАКТПО.

Единое Транспортное Потребительское О-во Закавказских железных дорог.

Начало организации транспортной кооперации на Закавказских железных дорогах было положено Первым С'ездом Уполномоченных, закончившим свои работы в период 1—3 сентября 1921 г. При чем, в отличие от всероссийской практики в строительстве транспортной кооперации Закавказья живейшее участие приняли Наркомпросы Республик Грузии, Азербайджана и Армении, а также и Р. С. Ф. С. Р.

Не приходится много говорить о том, какое огромное значение имеет транспортная коопереция в условиях Советской действительности.

Для Закавказья строительство транспортной кооперации был явлением совершенно новым и по своему существу и по тому положению, что Советская практика и формы строительства были мало знакомы местным работникам.

Но, преодолев все трудности стоящия на пути кооперативного строительства, руководящия лица сумели развернуть во всю ширь здание железнодорожной кооперации, и один за другим стали выростать магазины, лотки, хлебопекарни, столовые, вагон-лавки и т. п.

Таким образом Зактпо на 1/Х-25 года имело торговых точек—122, складов—9, производственных предприятий—27, сельско-хоз. предпр.—1, обществен. столовых—9, транспорт—2, контор—3 из коих: по Бакинскому Отделению: Торговых точек—10, столовых—1, складов—4, хлебопекарень—4. Торговые обороты Бакинского Отделения Зактпо доходят в год до 1.500.000 р. Зактпо обслуживает три Республики Закавказья: Грузию, Армению и Азербайджан на протяжении 1.999 верст, с количеством железнодорожн. членов 30.000 человек с их семьями почти до 130.000 человек. Возглавляет Бак. Отд. Зактпо член Правления ***Кузьяхмедов Ш.*** Торговый Отдел—***Мичитов М. З.*** Правление в Тифлисе, (Плехановская № 133); Отделение в Баку, (ул. Народов Востока № 55).

МАШИНОСТРОЙ.

Ленинградский Государственный Машиностроительный Трест.

Ленинградский государственный машиностроительный трест «Машинострой» (Бакинская контора: ул. Свободы, 18) об'единяет 11 крупнейших машиностроительных и механических заводов Ленинграда. Одним из главнейших предметов изготовления заводов треста являются: двигатели внутреннего сгорания, паровые и водяные турбины, котлы всех систем, насосы центробежные, поршневые и проч., всякого рода металлические изделия, табачные машины, маслобойные пресса, тракторы и проч. Уполномоченный Правления для З.С.Ф.С.Р. Инженер ***Б. И. Василевский.***

АЗГОССЕЛЬСКЛАД.

Азгоссельсклад имеет связь со всеми трестами, синдикатами и заводами, производящими сельско-хозяйственные машины, орудия и предметы крестьянского обихода С. С. С. Р., также и заграничными фирмами через посредство Закгосторга. Имеются на складах сельско-хозяйственные машины и орудия, как-то: тракторы, плуги заводов СССР. и заграничные, бороны простые и сложные, сеялки хлебные, рядовые, хлопковые, кукурузные, культиваторы ручные и конные, уборочные машины: сноповязалки, жатки-самоскидки, лобогрейки, сенокосилки, конные грабли, паровые молотилки, конные молотилки, триеры, сортировки, веялки, саманные и сенные преса и проч.—

Полный инвентарь молочного хозяйства, подсобные орудия для с.-хозяйства, пчеловодства, садоводства, виноградарства и виноделия. Запасные части к с/х. машинам. Всевозможные материалы и предметы крестьянского обихода.—

Правление Азгоссельсклада, Красноводская ул. д. № 2. Розничнооптовые магазины: магазин № 3 ул. Красного аскера (бывш. Шемахинская) д. № 8/10; магазин № 4 Балаханская д. № 87.

Мастерские по производству веялок, точильных камней и брусков для точки кос, также ремонт всякого рода сельско-хозяйственных машин и орудий Торговая ул. д. № 94.

Отделения Азгоссельсклада по всем уездам Азербайджана; в Евлахе распределительная база. Предправления—***Мухтар Гаджиев.***

ГОСПРОМЦВЕТМЕТ.

Уепехи промышленности цветных металлов в СССР.

«Промышленность наша поднялась ровно настолько, чтобы все основные вопросы ее будущего конкретно встали перед нами во весь рост»— высказал тов. Троцкий в своем докладе особому совещанию при В.С.Н.Х.

И действительно, колоссальные успехи достигнутые за последнее время по всему СССР в области промышленности и сельского хозяйства, значительное улучшение качества продукции, выпускаемой фабриками и заводами, восстановленными героическим трудом рабочих, все еще продолжают прогрессировать в стремлении достигнуть «до военных» норм производительности, качества и стоимости фабрикатов.

Одним из виднейших деятелей в деле восстановления нашего хозяйства является Трест Гос. Предприятий по добыче и обработке цветных металлов «Госпромцветмет», об'единяющий в настоящее время: I-ый Госзавод по обработке цветных металлов в Кольчугине, Московский Электролитический и аффинерный лавод, Подольской аффинерный завод

Московский Госзавод «Металламп», Ленинградский медеобрабатывающий Завод «Красный Выборжец» и Аллагирские заводы и рудники (бывш. Кавцинк).

На означенных заводах «Госпромцветмет» выделывает разную посуду: медную, латунную, алюминиевую, самовары, чайники, подносы, тазы, кумганы, ступки, кастрюли, сковороды, ложки, кружки, тарелки и пр., а также керосиновые кухни, примусы, лампы, ламповые горелки и т. п. Широко поставлено производство полуфабрикатов—медь, латунь, цинк, свинец, алюминий, мельхиор в листках, проволоке, палках и др. видах и кабельные изделия—провода, шнуры, кабели голые и изолированные для всех нужд электротехники. Кроме того выделываются сетки медные латунные и железные, бронзовые антенные канатики, трубы цельнотянутые красной меди и латунные, бабит и капсюли, бутылочные крашенные и некрашенные, а также медный купорос.

Для широкого ознакомления местного населения со своими изделиями и наибольшого непосредственного распространения их в районах, «Госпромцветмет» имеет ряд Отделений в городах: Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Баку, Тифлисе, Свердловске, Ростове и др., а также организовывает сеть контор, уполномоченных и агентств в уездах и деревнях и в Закаспийской Области (Полторацк), которые тщательно изучают потребности рынка. Кроме того Правление «Госпромцветмет», заинтересованное установлением прочных деловых отношений с Востоком и реализацией своих товаров в Персии, посылает в Тегеран своего уполномоченного.

Особенно много внимания уделяет «Госпромцветмет» делу снабжения своими товарами кооперации, как наиболее гибкому и надежному аппарату для продвижения в деревню своих изделий, с каковой целью кооперации предоставляются всяческие льготы, как в отношении кредита так и наименьших цен.

Поставив себе главной целью выработку продукции высшего качества на ряду с расширением производства, «Госпромцветмет» преследует не менее важную задачу удешевления продажной цены своих изделий, в чем несомненно успевает.

Благодаря наличию таких факторов, изделия «Госпромцветмет»‘а завоевывают с каждым днем все больший круг потребителей и проникают в самые отдаленные, глухие уголки СССР.

Алюминиевая посуда «Госпромцветмет»‘а отличающаяся легкостью, прочностью, из‘яществом, гигиеничностью и дешевизною, окончательно вытесняет тяжелую, непрочную и дорогую эмалированную посуду и становится наиболее желательной, необходимой и доступной посудой в обиходе каждой, даже малоимущей, семьи. Тоже самое можно сказать о примусах, керосиновых кухнях, ламповых изделиях и др., которые разбираются населением нарасхват.

Идя по пути широкого развития деятельности «Госпромцветмет»‘у необходимо обезпечить себя достаточным запасом сырья цветных метал-

лов. Правление, озабоченное этим вопросом, приняло ряд соответствующих мер, а именно усовершенствовало методы обработки и подняло производительность Аллагирских Заводов и рудников, путем введения на Заводе и рудниках ряда технических усовершенствований, увеличивших степень извлечения металлов из руд; ведет переговоры о закупке всего производства меди Аллавердских, Зангезурских, Кедабекских и др. заводов и занялось обследованием возможности новых разработок свинцово-цинковых месторождений в Мехманлы (Азербайджан), серебро-свинцовых в Нахкрае и др.

Б. Овчьян.

АЗЛЕСТРЕСТ.

Азербайджанский Лесопромышленный Трест.

Для разработки лесных массивов АССР и для торговли всякими лесными материалами в феврале с/г. был организован трест, под наименованием Азербайджанский Лесопромышленный Трест, «Азлестрест», на началах коммерческого расчета, представляя собою хозяйственную единицу.

В состав треста входят: Лесопильный завод в Белом городе, Лесопильный и Бондарный заводы в Вельямире, лесопилки в Нараджанах и Паркетный завод в Закаталах и проч.

Азлестрест производит заготовки лесных материалов, как для внутреннего рынка СССР, так и для экспорта заграницу твердых и мягких пород, как-то: дуба, карагача, ореха, клена, железняка и проч. Заготовляются они в клепках, брусьях, шпалах, дровах и других сортиментах.

Главными районами заготовок являются уезды: Ленкоранский, Закатальский, Геокчайский, Карабахский и Кубинский.

Правление Трестом единоличное, в настоящее время и со дня организации управляет Трестом тов. *Юсуф Меликов*. (Баку, улица Зевина, № 6).

ЗАКГОСТОРГ.

Загосторг, являющийся оперативным органом при Управлении Уполнаркомвнуторга СССР и ЗФССР по Бакинскому своему Отделению ведет импортно экспортную работу в пределах Азербайджана. Отделение существует третий год. Обороты его, в начале весьма скромные, быстро выросли за 1924/25 год, достигнув по импорту до 2,500.000 р. и по экспорту до 1.000.000 р.

Импортируются преимущественно: сельскохоз. машины, медикаменты, канцелярск. принадлежности, промышленные и технические материлаы товары широкого потребления (чай, кофе, пряности, персидск. бакалея).

В экспорте первое место занимают ковры, продукты рыболовства, (икра, клей) шелковые остатки и т. п.

Возглавляет Бакотделение т. *Кан-Ан*, являющийся и уполномоченным по Внешторгу.

АЗСЕЛЬБАНК.

Деятельность Азербайджанского Общества Сельско-Хозяйственного Кредита „Азсельбанк" за минувший 1924-25 г.

Азсельбанк начал свою работу с основного капитала в 190.000 рублей и с балансом 3.760.000 рублей. Основной капитал Банка на 1 октября 1925 г. уже составляет 518.000 рублей, а сводный баланс 6.098.000 рублей; Государственных кредитов Банк получил 2.383.000 рублей, а выдал крестьянству 3.017.000 рублей. В настоящее время система сельско-хозяйственного кредита Банка состоит из 185 кооперативных единиц, из которых 89 сельско-хозяйственных кредитных товариществ, остальные специальные кооперативы.

На 1-е Ноября 1925 года привлечено средств в виде вкладов и текущих счетов Рб. 1.589.345—51.

Вкладов 218.000— .

Председатель Правления—***Сейдибейли***. Зам. Пред.—***З. Булушев***.

آذربایجان کند تصرفاتی قره‌دی جمعیتی

«آذسه‌لبانك»ڭ ۱۹۲٤|٥ نجی ییل مدتنده‌ی فعالیکتی.

آذربایجان کند تصرفاتی بانگی ایشه باشلادیقدا ۱۹۰۰۰۰ منات اساس قاپیتالی واردی؛ بالانسی، ایسه ۳۷٦۰۰۰۰ منات ایدی. ۱۹۲٥ نجی ییل تشرین اولك برینده بانکڭ اساس قاپیتالی ٥۱۸۰۰۰ منات و مرکب بالانسی ایسه ٦۰۹۸۰۰۰ مناته وارمشدر. بانك ۲۳۸۳۰۰۰ دولت قره‌دیسی آلمش، کندلیلره ایسه۳۰۱۷۰۰۰ منات براقمشدر. حال حاضردا بانکڭ کند تصرفاتی قره‌دیسنڭ سیسته‌می ۱۸٥ قوئوپه‌راتیف واحدلریندن عبارتدر؛ بونلاردان ۸۹ کند تصرفاتی شرکتیدر، قالانلاری ایسه خصوصی قوئوپه‌راتیفلردر.

۱۹۲٥ نجی ییل تشرین ثانینڭ برینه قادار جاری حسابلاردان عبارت اولاراق، ۱٥۸۹۳٤٥ منات ٥۱ قپك، بانگه قویولان امانتلردن عبارت اولاراق، ۲۱۸۰۰۰ منات وسائط جلب ایدیلمشدر.

БАКИНСКАЯ ТОВАРНАЯ БИРЖА.

Бакинская Биржа открыта 28/III-1923 года и в течение первого года функционирования на ней совершались исключительно валютные операции.

С 15/III-1923 года на Бакбирже стали регистрироваться внебиржевые товарные сделки. С января-же 1924 года совершаются первые сделки на Бирже и последняя быстрым темпом превращается из Фондовой в Товаро-Фондовую с превалированием товарных сделок, при чем в товарообороте ее все больше возрастает удельный вес биржевого оборота за счет внебиржевого.

С ярмарки 1924 года (с 20/V-по 5/VII) процесс роста удельного веса биржевого оборота завершился, и в дальнейшем товарооборот в среднем на 3/4 состоит из биржевых сделок, а на 1/4—из зарегистрированных—внебиржевых. Общий оборот Бакбиржи за 1923/24 год—62,5 милл. р. и за 1924/25 г.—113,5 миллион руб.

В связи с крупным торгово-промышленным весом Баку, Бакбиржа по своему обороту (без нефти и хлопка) имеет крупнейшее значение не только в Закавказьи, но и во всем СССР, занимая 6—7-ое место.

Бакинская биржа является важнейшим центром в экспортно-импортной торговле СССР с Персией.

В обороте Бакбиржи в качестве продавцов выступают преимущественно госорганы (около 4/5) и перскупцы. Покупатели—кооперация, частные и госорганы:

Важнейшие об'екты биржевой торговли: хлебо-фураж, текстиль, персбакалея (рис и сухофрукты), нефть, лес и строительные материалы, сырье (хлопок, шерсть, кожа и шелк), металлы и технические изделия и проч.

Органы правления: 1) Президиум Комитета; 2) Котировальная Комиссия; 3) Арбитражная Комиссия; 4) Регистрационное Бюро. Технический аппарат: 1) Секретариат, в который входит: Общий отдел, личный состав, хозчасть, библиотека, архив; 2) Оперативный Отдел, в который входят: Информационное Бюро, маклериат и стол спроса и предложения; 3) Экономотдел с Статистическим П/отделом; 4) Экспертное Бюро и Рисовая лаборатория; 5) Тарифно-Справочное Бюро; 6) Консультационное-налоговое Бюро; 7) Бухгалтерия. Кроме того имеется районный уполномоченный Бакбиржи в Гандже. Президиум Биржевого Комитета: Председатель ***Лактионов П. А.*** Члены: ***Питерский А. М., Халилов М. А., Амираджанов Мусабек.***

ХЛЕБОПРОДУКТ.

Закавказская краевая контора Акц. Об-ва «Хлебопродукт», Баку, улица Малыгина, № 8. Отделение в Тифлисе пр. Руставели, 9. Агенство в Батуме ул. Ленина, 20. Собственные лабазы в Баку, Тифлисе и Батуме. Продает муку всех сортов, крупы, ячмень, пр. фураж, подсолнечное масло. Покупает рис и зерно всех культур.

خلهبو پرودوقت

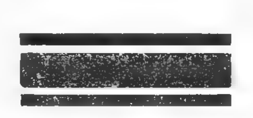
سهمدارلار جمعیتنڭ زاقافقاسیا ئولکه قونطوری.

باکو مالیغین کوچه‌سی نمره ۸

تفلیس‌ده‌کی شعبه‌سی
روستاوه‌لی پروسپه‌قتی نمره ۹

باطوم آجنته‌لیگی
له‌نین کوچه‌سی نمره ۲۰

باکوده، تفلیس‌ده و باطوم‌ده خصوصی لابازلاری واردر. هرنوع اونلار، قروپا، آرپا و غیری علاف ماللاری و گونه‌باقان یاغی و غیرلرینی ساتییور. هر جوره دوگولری و باشقا دانه‌ری، یعنی تاخیل قسمنه عائد بولونان کند تصرفاتی ماللارینی‌ده آلییور.

Издания О-ва Обследования и Изучения Азербайджана.

Труды Общества:

В. 1: Г. А. Качарян: «Нагорный Карабах» Баку—1925 . ц. 1 р. 60 к.

В. 2: акад. В. В. Бартольд: «Место прикаспийских местностей в истории мусульманского мира». Баку—1925 ц. 2 р. 60 к

В. 3: Е. А. Пахомов: «Монетные клады Азербайджана».— Баку—1926 . . . . ц. 2 р. 50 к.

Известия О-ва: № 1: Баку— 1925 . . . . ц. 2 р. 40 к.

Материалы по истории Азербайджана:

В. 1: Абдул-Латиф-эфенди: «История шекинских ханов» (текст и перевод). Баку—1926. . . . . ц. — 45 к.

В. 2: Бакиханов: «Гюлистан Ирям» (История Ширвана и Дагестана). . . . . печатается.

Отдельные издания и оттиски:

проф. Н. И. Ашмарин: «Инструкция и программа для собирания материалов необх. для сост. словаря тюркск. говоров Азербайджана». Баку—1924 . . разошлась.

Тоже. На тюркском языке. Баку—1924 . ц. — 15 к.

Д. Шарифов: Программа для собирания этнографических материалов в АССР (материальн. культура). Баку—1924 ц. — 15 к.

Тоже. На тюркском языке. Баку—1924 . ц. — 15 к.

«Резолюции 1-го Всеазербайджанского Краеведческого С'езда в Баку 1924 г.» Баку—1924 . . . ц. — 15 к.

проф. И. И. Мещанинов: «До-исторический Азербайджан и Урартская культура». . . . . ц. — 30 к.

проф. Б. Чобан-Заде: «Предв. сообщ. о кумыкском наречии (положение его среди тюркско-татарских)». Баку 1926 ц. — 20 к.

проф. Б. Я. Миллер: «Предв. отчет о поездке в Талыш летом 1925 г.» Баку—1926 . . . . . п. — 30 к.

В. М. Сысоев: «Тюркское население Азербайджана в XVII веке». Баку—1926 . . . . . . ц. — 30 к.

Е. А. Пахомов: «О сословно-земельном вопросе в Азербайджане» Баку—1926 . . . . ц. — 20 к.

проф. Н. И. Ашмарин: «Крат. программа собирания грамматических материалов по языкам Дагестана». Баку—1926 ц. — 20 к.

проф. Л. И. Жирков: «Дагестанские языки и их изучение». Баку—1926 . . . . ц. — 20 к.

проф. И. И. Мещанинов: «Основн. начала яфетидологии». Баку—1926 . . . . ц. — 35 к.

проф. В. В. Сладкопевцев: «Основн. разделы программы собир. матер. по вопросам театра». Баку—1926 . ц. — 30 к.

Устав О-ва 1924 г. Баку—1924 —

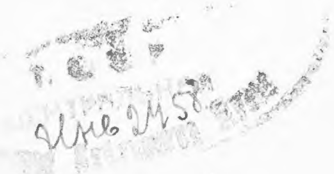
Устав О-ва 1925 г. Баку—1926 печатается

Структура О-ва 1924 г. Баку—1924 —

Склад издания:

Баку, Коммунистическая 10, Дворец Просвещения.

СОДЕРЖАНИЕ:

Редакция просит читателей отнестись благосклонно к могущим обнаружиться ошибкам в издании. Настоящий выпуск собран и отпечатан при очень неблагоприятных технических и прочих условиях в десять дней.

Редакция просит все научные учреждения и организации, а также издательства и редакции газет и журналов, имеющих отношение к Востоку вообще, а к Тюркологии и Кавказу в частности, войти с ней в непосредственный постоянный обмен изданиями.

Редакционно-Издательская Комиссия Общества Обследования и Изучения Азербайджана: Баку, Коммунистическая улица, № 10, Дворец Просвещения.